

EX ORIENTE LUX

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

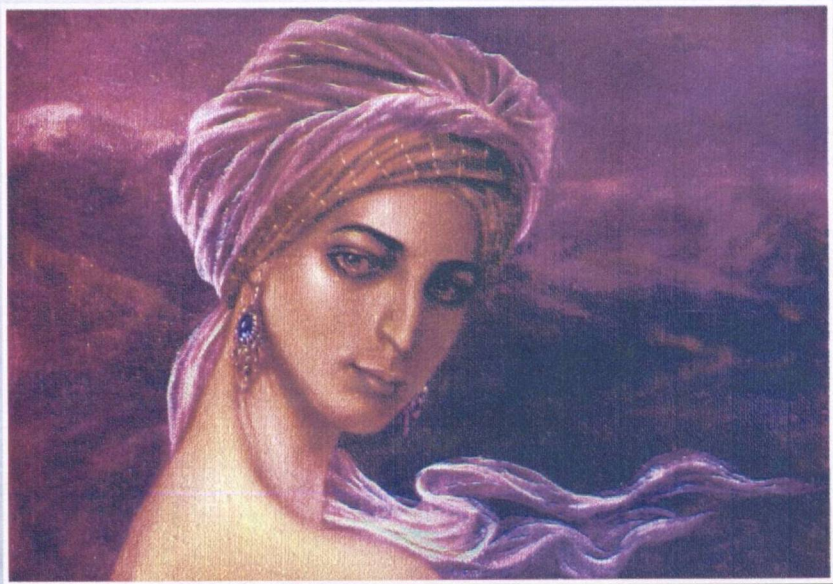
КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

2 / 2015

Такие чистые глаза. Гвардин Алексей

Яблочный Спас. Гвардин Алексей

J

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

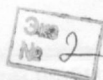
Мухаммад АЛИ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Абдухаим ФАЗИЛОВ
Раим ФАРХАДИ
Лариса ЮСУПОВА

Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

Ответственный секретарь
Саъдулло КУРОНОВ

Редактор
Елена ЮРЧЕНКО

Республика Узбекистан
Ташкент

Анатолий БАУЭР

никто не забыт, ничто не забыто...

ПОБЕДНЫЙ РУБЛЬ

– Это тебе, дружище, – протянул он мне старинную монету. – Ты доживешь... Мы все равно победим, и ты положишь к этой юбилейной монете новые победные рубли...

...Я снова и снова вчитываюсь в чеканные слова:

«Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги».

АЛЕКСЕЙ УСТИМЕНКО

караван истории

СТУПЕНЬКАМИ НЕ СКРИПНУВ, Я СБЕЖАЛА...

...внешне и внутренне был [А. Ф. Бауэр] особенно приближен к ее идеалу потому, что в нем для нее сошлись, объяснимо взаимопроникнув, два литературных же ее идеала: любовь к звонкой старине здешнего Востока и к киплингговскому, если судить по его пишущимся тогда книгам, отражению этого Востока.

ФЕДОР ОШЕВНЕВ

новые имена

КОНВЕРТ БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

...С тех пор каждый год, и именно в день своего рождения, Ишов вновь и вновь получает конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, что именно окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берет верх.

переводы

Уйгун РУЗИЕВ

БЕЛОЕ МОРЕ, В КОТОРОМ НЕТ ВОЛН

Мы уступим им Черное море, а сами помчимся на Белое море, мой крылатый, на Белое море. Преодолеем перевал, преодолеем все перевалы, которые встретятся нам в пути, сколько бы их ни было! И доберемся до Белого моря. Белое море оно наше, добраться до него можем только мы.

ПОЭЗИЯ

Андрей ПАВЛЮК

Пусть мне песню пропоют века

Я живу среди холодных статуй
Тех, кого когда-то знал живыми,
Мрамор – их тела, глаза – агаты,
Зубы и одежды – золотые.

Статуи являются на встречи,
Важные, встают на постаменты,
Произносят мраморные речи,
Чувств не просят – ждут аплодисменты.

возвращение к читателю

Абдухаким ФАЗИЛОВ

УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО

...изменились виды и причины несправедливости, следовательно горя и несчастий. Они сейчас совсем не те, что были при ваших предках. Именно против них вы не имеете средств борьбы. Они, эти средства, возможно, и появятся, но к тому времени и причины зла и несчастий предстанут перед вами в другом облике.

СОДЕРЖАНИЕ

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

Владимир Кудрявцев. Память.	5
Анатолий Бауэр. Победный рубль. Рассказ.	6
Даниэль Васильев. Ступени памяти. Рассказ.	13

ПОЭЗИЯ

Вика Осадченко. Мир лежит, как шар на спине слона. ...	40
Фархад Юнусов. Диссонанс постепенно растет, крепчает... ..	98
Андрей Павлюк. Пусть мне песню пропоют века... ..	100

ПЕРЕВОДЫ

Уйгун Рузиев. Белое море, в котором нет волн. Рассказ. Перевод с узбекского Ш. Касымовой.	27
Мухаммад Юсуф. Но я себе не изменяю... Перевод с узбекского Р. Казакбаевой и В. Райхеля.	50

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Р.Фархад, А. Ершов, А. Фазилов, С. Файзиева, М. Ким, В. Васильев, А. Васильева, Ю. Мориц (материалы об А. Ф. Бауэре).	18
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Оксана Гибралтарская. Фантастические новеллы А. Васильевой.	33
Галина Малыгина. Обращение быта в бытие.	37
Давлятбек Саъдуллаев. Перевод и великая симфония слова Хафиза.	42

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Абдухаким Фазилов. Уникальное подпространство. Повесть. ..	85
--	----

ПРОЗА

Рустам Шагаев. Далекое – близкое. Очерки.	45
Зульфикар Мусаков. Свинец. Повесть.	54
Улутбек Хамдам. Она чувствовала Восток душой... Эссе. ..	83

КАРАВАН ИСТОРИИ

Алексей Устименко. Ступеньками не скрипнув, я сбежала... ..	103
Рубен Назарьян. Первопроходцы.	134

НОВЫЕ ИМЕНА

Валентина Титова. В музыке слов души озаренье... ..	138
Федор Ошевнев. Конверт без обратного адреса. Рассказ.	141

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Владимир Карасев. Реквием по Адаму. Эссе.	123
Наталья Хашимова. Грани творчества.	151
Саидамин Бакиев. Законы питья.	81

На 2-ой, 3-й, 4-ой страницах журнала картины Алексея Гвардина.

ЗВЕЗДА Востока

2015 № 2

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
06.09.2007 г.

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,
д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Хуриш Иброхимов

Подписано в печать 10.06.2015.

Формат 70х108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж 840 экз. Заказ 144-15

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи».

г. Ташкент, Юнусабадский район,
ул. Янги шахар, д. 30

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном
наборе.

Набор текста в любом формате с
приложением электронного варианта
и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО...

9 МАЯ 2015 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ НАД ФАШИЗМОМ, ДОБЫТОЙ НЕИМОВЕРНЫМИ УСИЛИЯМИ ВСЕХ НАРОДОВ, НАСЕЛЯЮЩИХ БЫВШИЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ.

Память

Застыла Мать у Вечного огня
Под бронзовой нетленной одеждой,
Родной очаг для сыновей храня
С не признающей давности надеждой.

Усталый, отрешенный, скорбный взгляд,
Натруженные руки на колене...
Ей все земные радости заменят
Лишь голоса вернувшихся солдат.

Она все ждет. Все терпеливо ждет...
Ей только память годы продлевает,
Ей только память силы придает
И пепел в косы темные вплетает.

Над памятью не властны времена,
Она шагает в ногу с поколеньем –
И старости, и юности нужна
Как эстафета вечного движенья.

Ее сыны недаром полегли:
Любя Отчизну трепетно и страстно,
Отбросили врагов с родной земли,
Чтоб стала жизнь свободной и прекрасной.

...Плывут цветы бескрайнею рекой,
Огнем былым согреты ветераны...
Бессмертной данью памяти людской
Алеют у подножия тюльпаны.

Владимир Кудрявцев

**Анатолий
БАУЭ**

Родился в 1945 г. в Ташкенте. С отличием окончил филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Печатается с 1965 г., в 60-е гг. был литературным сотрудником журнала «Кино», корреспондентом армейских газет: «За Родину», «Знамя Победы», «Вперед» и др. В 70–80 гг. возглавлял отдел литературной критики в журнале «Звезда Востока», был ответственным секретарем этой редакции. Работал зам. главного редактора ИЛИИ им. Гафура Гуляма. Лауреат премии «Заря Независимости». Имеет государственные награды.

ПОБЕДНЫЙ РУБЛЬ

Рассказ

Предлагаемый читателям рассказ «Победный рубль» впервые был опубликован 40 лет назад к 30-летию Победы над фашистской Германией, позже был переиздан в США и переведен на несколько языков.

В год 70-летия Великой Победы он не утратил своей значимости, свежести и актуальности.

Перед войной мы жили в старом одноэтажном доме с толстыми сырцовыми стенами. К нему несколько раз делали пристройки, отчего он вытянулся и стал похож на казарму. Раньше домом пользовался царский генерал, а теперь в нем разместилось несколько многодетных семей. Мы занимали две небольшие комнаты с прихожей. До революции это был один зал.

С другой стороны дома, на отшибе, в конце длинного, темного коридора жил старик Николай Кузьмич Ширяев. Все звали его просто Кузьмичом. На вид ему было лет семьдесят. Сколько я помню, он всегда носил один и тот же затертый зеленый сюртук, перешитый, вероятно, из военного мундира. И даже в знойные азиатские дни, когда листья скручивались от жары, старик не снимал его. Зимой он ходил в длинном-предлинном поношенном пальто, постоянно заляпанном сзади грязью.

Кузьмич страдал астмой. Он тяжело дышал, ходил чуть согнувшись, опираясь на трость с массивным набалдашком, вырезанным в виде медвежьей головы с широко разинутой пастью. Палка была инкрустирована перламутровыми пластинками, которые кое-где выпали, но это придавало ей еще более древний и загадочный вид. Когда Кузьмич проходил по двору, мы с завистью смотрели на его трость, никак не вязавшуюся с обликом старика, которому скорее подошла бы простая палка.

Мы немного побаивались Кузьмича. Может быть, нас пугала седая, болотного цвета неухоженная борода старика. А может, настораживали его большие, какие-то неподвижные глаза на широком, заросшем лице.

Я никогда не бывал у нашего соседа. Он кивком здоровался со мной – и только. Однако случай свел меня с Кузьмичом поближе.

Как-то мать, перебирая старые вещи в бабушкином сундуке, нашла стершуюся елизаветинскую полтину. Она отдала ее мне. Я повертел монету в руках. Пышногрудая женщина с высокой прической и полными щеками властно смотрела вправо. Штемпель был сбит, и сквозь профиль императрицы проступало какое-то другое изображение. Надпись еле читалась, но мне все-таки удалось разобрать слово «полтина».

Я показал монету Мишке – своему закадычному другу, жившему в соседнем доме.

— Отдай ее Кузьмичу, на нее все равно ничего не купишь, — посоветовал он. — Старик, говорят, копит всякое барахло.

И я пошел к старику. Он сидел на корточках около своей двери и накачивал примус, стоящий на обшарпанной табуретке. Огонь долго не разгорался. Наконец, примус зашипел, и показался ровный сноп синего пламени. Кузьмич поставил на него чайник. Я подошел и протянул полтину.

— Это вам! Говорят, вы копите их.

Старик посмотрел на монету, потом на меня. Легкая улыбка пробежала по его лицу.

— Копить, молодой человек, можно современные деньги. А старинные монеты коллекционируют.

Потом, помолчав, добавил:

— А ну-ка, зайдем ко мне, — и распахнул дверь своей комнатухи.

Я почувствовал запах старой мебели. Кузьмич усадил меня на единственный стул, спинка его была обтянута облезлым черным дерматином. Кое-где из-под обивки выглядывали кусочки ваты. Сам сел на кровать, вытащил лупу в бронзовой оправе и стал изучать монету.

Я огляделся. Комнатка Кузьмича была обставлена скудно. В углу, около окна, стоял непонятного цвета старый шифоньер с зеркалом, покрытым черными пятнами. Верхняя часть его почему-то сильно искажала изображение, отчего лицо казалось неестественно длинным. Справа от шифоньера — металлическая кровать с никелированными шариками на спинках. Застелена она была серым покрывалом из шинельного сукна. Возле кровати — железный ящик с висячим замком.

— Значит, ты хочешь подарить мне эту монету? Старик отложил лупу в сторону и внимательно посмотрел на меня. Я утвердительно кивнул головой.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— А вот этому императору, — Кузьмич показал на стершийся портрет на монете, — всего три месяца от роду.

— Как это три месяца? — не понял я. — Разве может быть ребенок царем?

— А, интересно? — улыбнулся Кузьмич, и глаза его ласково засветились. — Знал бы ты, сколько удивительных историй помнят старинные вещи, а монеты особенно. Каждая из них может рассказать многое. Не случайно говорят, что у монеты есть оборотная сторона.

Старик прищурился, отчего морщинки вокруг глаз стали глубже. Помолчал. Потом подсел ко мне поближе и тихо начал рассказывать:

— Страшная эта была история. Двести лет тому назад властелином Российской империи, едва достигнув трех месяцев от роду, стал Иван Антонович. Но уже на втором году царствования он был свергнут будущей императрицей Елизаветой — дочкой Петра Первого. Эта полтина, — старик протянул мне монету, — была выпущена при Иване Антоновиче с его портретом.

— Но почему же на монете изображена женщина? — спросил я.

Старик встал, прошелся по комнате, отчего старые не крашенные полы со шелями между досок тоскливо заскрипели.

— Ну и бестия это была — императрица Елизавета — вон как хитро смотрит, — Кузьмич постучал пальцем по изображению на монете. — Чтобы не пропал металл, монеты Ивана Антоновича переделали. Но из-за плохой чеканки на некоторых можно рассмотреть портрет убитого.

Кузьмич замолчал. Его рассказ взволновал меня. Я никогда не представлял себе, что маленький кусочек металла может таить в себе такую ужасную трагедию, и с интересом разглядывал полтину, донесшую из глубины веков печальную историю царевича.

В тот день я долго просидел у старого коллекционера. Мы пили чай, и Кузьмич рассказывал мне о древних монетах. Он не только не взял полтину, но еще и подарил мне небольшую дореволюционную книжку. До сих пор помню ее название: «Альбом русских монет с древнейших времен и до наших дней». Внизу мелким шрифтом было написано: «Руководство для начинающих собирателей».

С тех пор я стал часто бывать у Кузьмича. Иногда просил показать монеты. Старик обычно доставал из-под шифоньера большой ключ, вставлял его в замок, висящий на железном ящике, где хранилась его коллекция, несколько раз прокручивал его там, затем открывал створки. Кузьмич сразу и безошибочно выдвигал нужную планшечку. Потом

давал мне толстую лупу в бронзовой оправе. Зрение у меня было хорошее, но я рассматривал коллекцию через старинное увеличительное стекло.

И начиналось наше путешествие вглубь веков! Теперь, вспоминая монеты, показанные мне в детстве соседом, я понимаю: коллекция у старика была редкостная. Тогда же в старинных монетах я совершенно не разбирался, но, тем не менее, с восторгом и замиранием сердца смотрел все то, что показывал мне Кузьмич. А он выдвигал и выдвигал планшет за планшетом, в гнездах которых, словно рыбы чешуйки, поблескивали монеты.

– Вот оно, знаменитое македонское царство, – Кузьмич держал на коленях планшет с античными греческими монетами. – Каждый из них больше двух тысяч лет.

Ячейки планшета были заполнены серебряными и медными кружочками разной толщины и диаметра. Некоторые были неправильной формы, с трешинками по краям. Кузьмич объяснил мне, что это получилось от сильного удара штемпеля по монете.

Некоторые ячейки были пустыми.

Кузьмич, видимо, перехватил мой недоуменный взгляд. Грустно покачив головой, он сказал: «Да, уникальные здесь лежали экземпляры. Верно говорят, что у монет, как и у людей – своя судьба».

– А где же они? – спросил я.

Кузьмич ответил не сразу. Он поправил оставшиеся монеты в гнездах, затем как-то глухо сказал: «Голод был в тридцать первом году. Может быть, слышал. Я уже тогда болел. Слег совсем в постель. Ну и намучилась со мной жена моя, покойница, царство ей небесное. Она в госпитале работала. Принесет, бывало, жидкий больничный суп, даст мне в постель, а сама сидит рядом и слезы из глаз. Ослаб я очень. И вот как-то приносит она сливочное масло. Смотрю я на бесформенный желтый комочек, плавающий в банке, и думаю: «Откуда же такое богатство? Никак в госпитале выдали». А через несколько дней сахар на столе появился. Жена улыбается. Ешь, говорит, тебе глюкоза полезна. Вскоре мне стало лучше, и я мог уже вставать с постели. Соскучился я по коллекции. Подхожу как-то к ящику, вытаскиваю планшет и... глазам своим не верю. Не хватает редчайших античных монет. Их отец еще в прошлом веке приобрел. Это ведь он пристрастил меня к нумизматике. Чуть не заплакал я тогда. Ну, слава богу, часть моей «антики» осталась».

– Вот посмотри, – старик подцепил ногтем одну монетку и, вытащив ее из ячейки, протянул мне.

Я положил монету на ладонь и стал рассматривать ее в лупу. Молодой мужчина с волевым подбородком упрямо поджал губы. На оборотной стороне царь на троне одной рукой опирался на посох, а в другой, вытянутой вперед, держал орла.

– Подлинная драхма Александра Македонского, – с гордостью сказал Кузьмич. – А это, – старик показал па лцевую сторону монеты, – сам полководец.

Я много слышал про Александра Македонского, историю его царствования мы проходили в школе. Но все это казалось далеким, как сказка, даже чуточку нереальным. И вот у меня на ладони лежал маленький кусочек металла – свидетель многих исторических событий. Я не мог оторвать взгляда от монеты.

– А может, ее держал сам Александр Македонский? – я с волнением посмотрел на старика.

– Может быть, – спокойно ответил он, – все может быть.

– Но как она дошла до нас? Ведь столько лет пронеслось?

Кузьмич помолчал, потом глубоко вздохнул.

– Много, очень много их было у царя Александра, но мертвые с собой ничего не забирают.

Глаза старика словно съезжились. Он как будто вспоминал что-то.

– Есть легенда, будто царь Александр завешал перед смертью похоронить его так, чтобы одна рука с разжатой ладонью высовывалась из гроба. Все должны были знать: царь с собой ничего не вез! Вот и разошлись монеты по всему свету. А мы – нумизматы – лишь временные хранители этих маленьких колесиков времени. Мы только на мгновение прикасаемся к вечности.

– Почему временные? – с удивлением спросил я. – Разве эти монеты не ваши?

Старик горько усмехнулся.

– Как они могут быть моими? Vita brevis, ars longa, – говорили древние. Да, вы ведь латынь теперь не учите. По-русски это значит: жизнь коротка, а искусство вечно. А что,

разве это не искусство?

Кузьмич взял у меня монету и, держа ее на вытянутой руке, любовался античной драхмой. Она была в самом деле удивительно красива. К тому же прекрасно сохранилась. Зеленоватый налет придавал металлическому кружку древний и загадочный вид.

— Почему вы не почитисте ее, она будет блестеть? — спросил я у старика.

Кузьмич улыбнулся.

— Не все то золото, что блестит. Именно патина, этот налет времени, и говорит о подлинности монеты.

— А разве нельзя ее подделать?

— Патину может сделать только время, а здесь его очень много, целых два с лишним тысячелетия.

Две тысячи лет. Я попытался представить их себе. Еще совсем маленьким я часто задавал себе вопрос: что было до меня? И я, вспоминая семейные фотографии, представлял моих родителей — молодых и красивых. Ну а что же было тогда, когда и их не было? Здесь мне приходилось напрягать память и вспоминать уроки истории.

В конце концов я задавал себе вопрос, от которого у меня начинала кружиться голова. Что же было тогда, когда ничего не было — ни меня, ни родителей, ни нашего города, ни земного шара вообще? Начнешь задумываться об этом — и становится не по себе. Уж не схожу ли я с ума? Казалось, что кто-то говорит мне: об этом думать нельзя. Но теперь передо мной было нечто осязаемое — древняя монета, которая прожила тысячелетия! Она пережила всю известную мне историю! И монета представлялась мне не холодным безжизненным кусочком металла, а одушевленным существом, которое может чувствовать.

Так я стал нумизматом. Встреча с Кузьмичом была внешним толчком для того, чтобы страсть коллекционера, таившаяся в глубине моей души, пробудилась и овладела мной навсегда. Вскоре у меня уже было несколько десятков старинных русских монет, которые я хранил в жестяной банке из-под леденцов «монпансье». Теперь их редко увидишь. Может, сегодняшним девчонкам и мальчишкам, привыкшим к дорогим конфетам, те наши леденцы показались бы невкусными, но для нас, ребят сороковых годов, они были слаще всех лакомств мира. Даже коробка из-под них навевала сладкие мысли. Она была удобна для хранения монет, прочная, ее можно было спрятать в портфель или в карман пиджака. По воскресеньям я брал ее, волшебю позвякивающую, и шел к старику: вместе с ним мы отправлялись на городской рынок коллекционеров. Кузьмич пользовался там особым уважением.

Когда началась война, многие из постоянных посетителей нашего нумизматического общества перестали ходить на воскресные встречи. Были дела поважнее. Но дети и во время войны продолжают оставаться детьми. Мы по-прежнему приходили в городской сквер, обменивались монетами.

Кузьмич между тем сильно сдал. Черты лица его заострились, борода стала совсем желтой, даже брови и ресницы у него поседели. Он еще больше согнулся и еще тяжелее дышал.

И все-таки каждое воскресенье, ровно в одиннадцать, он появлялся в парке, садился на скамеечку в тени, упирая узловатые кисти рук в свою массивную трость, и сидел, глядя мутными стариковскими глазами в одну точку. Он уже ничего не покупал. По всему чувствовалось, что он постоянно недоодевает.

Мы иногда подходили к нему, протягивали неизвестную монету. Видно было, как тряслись пальцы старика, когда вынимал лупу в бронзовой оправе из широких карманов своего зеленого сюртука. Он долго не смотрел на монету. Ему достаточно было беглого взгляда, чтобы определить ее. Но иногда, когда ему приносили что-нибудь интересное, глаза его загорались и дыхание становилось учащенным.

Некоторые нумизматы начали потихоньку распродавать свои коллекции. На базарчике появились редкости, которых раньше нельзя было достать ни за какие деньги. Настоящему нумизмату трудно расстаться с редкой монетой, но когда несколько дней ешь всего по триста граммов черного хлеба...

Все знали, что у старика есть уникальные экземпляры, которым может позавидовать любое музейное собрание. Знали и то, что есть у него в коллекции и старинные «золотые».

Кузьмича не раз просили продать коллекцию. Находились люди, готовые заплатить большие деньги за старинные монеты, тем более за золото. Одни голодали, а другие наживались на народном горе. Приходили такие и на наш коллекционный рынок. Народу

толкалось немного. Приходили не столько нумизматы, сколько спекулянты, искавшие на чем бы заработать. Золото искали.

Вспоминается один спекулянт по кличке Червонец. Так его прозвали за пристрастие к царским золотым червонцам. Он ласково называл их «рыжиками», иногда «цыплятами». Как сейчас помню его маленькие бегающие глазки на розовом мясистом лице. Засунув руки в карманы широченных брюк, он медленно прохаживался взад и вперед: ждал добычи. Вот он заприметил парня с черной хозяйственной сумкой, который явно пришел сюда впервые.

– «Цыплята» есть? – стремительно набросился на него Червонец.

Парень вздрагивает и недоуменно таращит глаза.

– Монеты, говорю, есть?

Парень вытаскивает из сумки пригоршню монет.

– Не-е, медь не пойдет, – перебросив с ладони на ладонь медные кругляши, говорит Червонец. Потом приглядывается к парню и бросает:

– Ладно, на буханку хлеба дам. Парень мнется.

– Хорошо, – говорит он и каким-то виноватым голосом спрашивает: – А... если еще найду, завтра будешь?

– В тот выходной тащи...

Вскоре в другом конце рынка я вновь увидел знакомую медную физиономию Червонца. Он только что за гроши купил прекрасной сохранности редкий рубль Ивана Антоновича. Он был похож на мою полтину, только портрет царевича на нем хорошо сохранился. «Не успела, видно, Елизавета перечекивать эту монету», – подумал я.

Червонец был доволен. Ловко подбросив рубль так, что серебро зазвенело чистым благородным звоном, он сказал:

– Это всегда деньги, при любой власти с ними не пропадешь...

Когда к старику обращались с просьбой продать монеты, он сердился. Его пытались соблазнить продуктами. Я видел людей, подходивших к нему с сумками, из которых вытаскивали то мясную тушенку, то плитки американского шоколада. Старик нуждался в глюкозе. Все знали об этом. В то время ее купить было невозможно. Но из-под полы все можно было достать. И однажды я был свидетелем, как Червонец подошел к Кузьмичу и вытащил из-за пазухи две коробки драгоценного лекарства.

Старый нумизмат взял одну из них узловатыми пальцами, поднес близко к мутным глазам. Он смотрел на этикетку так, как разглядывал обычно старинную монету. Потом он протянул лекарство спекулянту.

– Мне оно уж, наверное, не поможет.

Червонец взял назад коробку. Маленькие глазки его еще сильнее сузились.

– Ну, если ты себе не хочешь помочь, помог бы хоть раненым. Давай договоримся: ты мне «Империял»¹, я тебе – лекарство. Баш на баш.

Старик ничего не ответил. Он только сильнее сжал трость, как будто готовился к обороне.

Червонец побагровел. Глаза его стали совсем как шелочки. Нелегко ему, видно, досталась глюкоза.

– Небось, золото в землю закопал, а кричим: все для фронта, для победы!

Кузьмич поднял на него седые, будто обсыпанные мукой ресницы. В глазах мелькнула тень презрения:

– Да, закопал, чтоб таким, как ты, не досталось!

– Сквалыга несчастный, скоро самого закопают, а туда же...

Старик провел ладонью по своим седым волосам:

– Мне умереть в тылу не стыдно, а ты вот здесь жить постыдишься!

Червонец буквально зорал, передернуло его от слов старика.

– Броня у меня, пес старый, всю неделю из цеха не выходил!

– Броня? – зло переспросил Кузьмич. – От войны забронировался...

Подобных разговоров было много. Старика донимали, угрожали ему. Он отмахивался, хотя с каждым днем выглядел все хуже и хуже. Кузьмич как-то замкнулся. В последнее время он уже ничего не показывал и даже не приглашал к себе.

– Бойтся, поэтому и не показывает монеты, – говорили на базаре.

¹ «Империял» – царская золотая монета.

Прошел слух, что Кузьмич закопал свою коллекцию. Я в это не верил и как-то попытался вечером зайти к нему. Однако он, приоткрыв дверь, сослался на усталость и не впустил меня. Во дворе я его не встречал, да и выходил из дома он, видимо, редко.

Однажды, глубокой осенью сорок второго, я увидел Кузьмича на скамеечке в сквере, недалеко от нашего дома. Меня удивила его поза. Он полулежал на скамейке, уронив голову на грудь. Рядом с ним, прислоненная к скамейке, стояла его трость. Я подошел к нему. Старик был бледен и тяжело дышал. Мне стало жутко. Он, вероятно, почувствовал мой испуг, попробовал сесть на скамейке прямее. Рука его потянулась к палке, но он ее не смог достать, а только столкнул на землю. От напряжения вздулась тоненькая жилка на его худой шее, сплошь покрытой глубокими морщинами.

Подняв трость, я помог Кузьмичу добраться до его квартиры. Всю дорогу мы молчали – старик просто не мог говорить. Уже около двери он чуть наклонил голову в знак благодарности и жестом попросил меня подождать. В комнату он меня снова не впустил. Я стоял в полутемном коридоре. Пахло плесенью и керосином. Рядом с дверью Кузьмича на стене висел старый рукомойник, под ним стоял грязного цвета таз. Капли воды стекали с носика крана и с глухим стуком тоскливо падали на железо. Какое-то горькое предчувствие охватило меня. Я слышал, как старик неуверенными шагами прошел по комнате. Вот скрипнула кровать. Кузьмич, видимо, сел на нее. Потом до меня донесся язв откываемого замка, висящего на ящике с монетами.

Наконец старик вышел.

– Это тебе, дружище, – протянул он мне старинную монету. – Ты доживешь... Мы все равно победим, и ты положишь к этой юбилейной монете новые победные рубли...

Я с трепетом взглянул на монету. Это был серебряный рубль. На лицевой стороне его изображена государственная печать Российской империи, на оборотной – лаконичная надпись «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги» обрамлена двумя датами: «1812–1912». Нумизматы называют этот рубль «победным»: он выпущен в ознаменование столетия разгрома наполеоновских войск...

В ту ночь я долго не мог уснуть. Монета, подаренная Кузьмичом, лежала у меня под подушкой. Несколько раз я включал настольную лампу и разглядывал ее. На какое-то время я забылся, но, как мне показалось, тут же проснулся от шума въехавшей во двор машины. Комната на мгновение осветилась светом фар. Я вскочил с постели и подбежал к окну. Двое в белых халатах быстро прошли в соседний подъезд. Ладони мои противно вспотели. Только теперь я почувствовал, что в одной руке держу «победный» рубль: я так и уснул с ним. Шемящее чувство страха поднималось во мне. Я неподвижно стоял у окна и смотрел на санитарную машину. Шофер вылез из кабины, постучал ногой по шинам. Затем, прислонившись к борту, закурил. Мерцающий огонек делал дугообразные движения: вверх-вниз, вверх-вниз. Потом папироса, кувуркаясь и разбрасывая искры, полетела на землю. Шофер, поживаясь, полез в кабину.

Наконец, люди в халатах вышли. Хлопнула дверца машины, взревел мотор, и снова все затихло. А я все стоял у окна и не шевелился. Чувствовал: случилось что-то страшное.

Утром мне рассказали, что перед рассветом Кузьмичу стало совсем плохо. Он постучал палкой в стену к соседям. Те вызвали скорую помощь, но, когда она приехала, было уже поздно.

Похоронили его на следующий день. Родных у него не было, знакомых почти не осталось – кто умер собственной смертью, кто ушел на фронт, а кто просто и не знал еще о кончине старика. Поэтому за гробом шли немногие.

Через несколько дней приехал новый жилец. Надо было переписать вещи Кузьмича. Пришел милиционер, пригласил двух понятых: мою мать и соседку покойного. Я слышал, как она говорила матери:

– Закопал он все, поверь мне, закопал. Нет там ничего. Думаешь, его старина интересовала? Золото его интересовало! Скупердаый он, от скупости своей и помер...

Слова эти глубоко заделали меня. Уж я-то знал, что коллекция на месте: сам слышал, как старик открывал свой заветный ящик. Именно оттуда он вытащил «победный» рубль, который подарил мне.

Пожитки Кузьмича описали быстро. Теперь необходимо было открыть ящик с монетами, но нигде не могли найти ключ от замка. Мать сказала милиционеру, что я бывал у старика и могу знать, где находится ключ. Позвали меня, Я действительно знал, что

Кузьмич прятал ключ под шифоньером. Там он и оказался.

– Ну, герой, ключ ты нашел, тебе и открывать, – сказал милиционер и слегка подтолкнул меня к ящику с монетами.

Коленки у меня нервно дрожали. Я чувствовал себя вором, открывающим чужую дверь.

Я оглянулся на присутствующих. Милиционер снял фуражку, расстегнул ворот гимнастерки и, сядя на кровати, платком вытирал себе шею. В глазах его были усталость и равнодушие. В верхней части зеркала я увидел нашу соседку, которая, нахохлившись и поджав губы, с ухмылкой смотрела в окно. Зеркало сильно искажало изображение, отчетливо шея соседки неестественно удлинилась и она чем-то напоминала гусыню. Весь ее вид говорил: уж я-то знаю, что в ящике ничего нет!

Я повернул ключ и снял замок. Меня вдруг охватило странное чувство. Мне показалось, что старик жив. И это не милиционер, а он сидит на кровати. Однако лежащая в ящике фуражка вернула меня к действительности. Я распахнул дверцу и вытащил наполовину верхний планшет.

Он был пустым...

Еще не вполне сознавая случившееся, я выдвинул нижний планшет. Может, туда Кузьмич переложил монеты? Но и там ничего не было. Я лихорадочно, один за одним стал вытаскивать планшеты. В пустых гнездах уже скопилась пыль. Кое-где была даже паутина. Один из планшетов я узнал: тут раньше были разложены греческие монеты.

А в этом гнезде на сером сукне лежала когда-то драхма Александра Македонского... В голове у меня шумело. В памяти вдруг всплыла легенда о великом полководце, рассказанная мне Кузьмичом. Но почему-то мне вспомнилась не могила македонского царя, а грубо обструганный гроб старого нумизмата. Он был белый, и на нем отчетливо виднелись черные кружочки от сучков. И я вспомнил руку старика – большую, узловатую его ладонь, крепко сжимающую свою трость.

– Умер старичок и золото с собой унес, – голос соседки прозвучал, как показалось мне, скрипуче и резко.

Я почти механически выдвигал и выдвигал планшеты. Некоторые из них я вытаскивал настолько сильно, что они полностью выходили из пазов ящика. Я не вставлял их обратно.

Вдруг в одном из планшетов я увидел сложенный вдвое запыленный листок бумаги. Я машинально отложил его в сторону.

Милиционер подобрал листок и развернул, лицо у него вытянулось, уставшие глаза как-то сразу оживились. Он встал, подошел к окну и начал читать:

«30 июня 1941 года гражданин Ширяев Николай Кузьмич сдал в Государственный банк УзССР коллекцию старинных монет, оцененную в 500000 рублей. Коллекция передана безвозмездно в государственный фонд обороны СССР».

...Этот день я запомнил на всю жизнь. И теперь, спустя тридцать с лишним лет, я иногда беру «победный» рубль, подаренный мне Кузьмичом, ошущая приятный холодок тяжелого благородного металла, люблюсь лунным блеском старинного русского серебра.

Затем смотрю на новые юбилейные монеты, выпущенные в честь победы в Великой Отечественной, и мне опять слышатся слова старика: «Мы победим, и ты положишь к этой монете новые «победные» рубли».

Я снова и снова вчитываюсь в чеканные слова:

«Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги».

СТУПЕНИ ПАМЯТИ

Рассказ

*Над прахом бессмертных имен
Для всех поименно
Немеркнувший факел зажжен.
Анатолий Садчиков*

Александр Иванович Протопопов намеренно выбрал для похода к святыне самое безлюдное время – ранее утро. Безусловно, улицы не были абсолютно пустыми, все-таки уже светало и «жаворонки» сонно выползали на свет божий. Но не было толпы, которая нарушила бы святость момента суетой и шумом.

Больше полувека он не был здесь. Слишком уж тяжелым грузом на душе лежала потеря друзей. Слишком большую боль заключил в себе Железный курган. Даже теперь, по прошествии стольких лет, боль не утихла окончательно. Даже теперь...

Александр Иванович остановился посреди Площади Скорби и дрожащими старческими пальцами развернул рекламный проспект, захваченный из гостиницы.

«Мамаев курган, господствующий над основной частью города и обозначавшийся на военно-топографических картах как Высота-102,0 являлся главным звеном в общей системе обороны Сталинградского фронта. Именно он стал ключевой позицией в борьбе за волжские берега. Здесь в последние месяцы 1942 года проходили ожесточенные бои. Склоны кургана были перепачканы бомбами, снарядами, минами. Почва смешалась с осколками металла. Это место огромных людских потерь... Именно здесь, в районе Мамаева кургана, 2 февраля 1943 года закончилась Сталинградская битва».

Да, именно здесь. Он помнил тот день. Тогда на один лишь только день они позабыли о лицах тех, кто погиб на их глазах. О лицах товарищей, друзей, однополчан – всех тех, с кем бок о бок шли через ад. В тот день радость была слишком велика, чтобы оставить в сердце место для грусти. Но уже на следующее утро боль вернулась.

Александр Иванович вздохнул и вновь опустил глаза.

«После битвы Мамаев курган называли железным, потому что больше, чем земли, было на его склонах металла – разорванных танковых башен, разбитых орудий, обгоревших машин, искореженных самолетов, осколков снарядов и авиабомб. В первую послевоенную весну курган не зазеленел – на сгоревшей земле не выросла даже трава...»

Железным он и остался навеки в его памяти. Еще его называли курганом смерти, но Александр Иванович не любил это название. Смерть слишком страшна, чтобы в честь нее называть что бы то ни было.

Он аккуратно сложил тоненький проспект вдвое, провел пальцами по сгибу.

Николай, друг Александра Ивановича, закрыл его своим телом!

В сорок первом они с Колей, будучи самыми близкими друзьями, вместе ушли на фронт. Их матери – соседки по подъезду –

**Даниэль
ВАСИЛЬЕВ**

Родился в 1982 г. Окончил Ташкентский университет информационных технологий. Живет в Москве, работает старшим специалистом отдела информационных технологий СОАО «Русский страховый центр». Участник и лауреат литературного конкурса «Фант-регата». Имеет несколько публикаций в журналах «Порог», «Реальность фантастики». Автор романа «Последняя дворняга».

плакали, целуя на прощание обоих, без разбору – где свой, где соседский.

Саша вернулся. И мать Николая так посмотрела на него в тот день, что он еще долго потом с трудом засыпал по ночам. А засыпая, видел ее взгляд и просыпался в поту. Потом он уехал из родного города, пытаясь забыть ее упрек, но тщетно...

Александр Иванович неспешно двинулся вперед. В сердце закололо – сердечко-то уже не молодое, шалит сердечко. Пришлось остановиться и постоять, глубоко вдыхая чуть прохладный утренний воздух.

– Папаша, подходи ближе, покупай сувениры! – Александр Иванович вздрогнул от неожиданности, и в сердце опять закололо. Повернув голову, он увидел молодого парня. Впрочем, ему теперь молодыми казались все те, кто не носит седин. Парень, почему-то ухмыляясь, искаса смотрел на него, продолжая раскладывать товар на прилавке в брезентовой палатке. Медали (чьи?), проржавевшие гильзы, что-то еще настолько ржавое, что и не понятно, что это такое. Видимо, торговый день уже начался. «Торгуют кровью на железе», – подумал ветеран.

– Не проходи мимо, отец! Идем, выбирай, покупай, не робей, специально для тебя скидка будет.

Панибратство бойкого зазывалы показалось Александру Ивановичу плевым в душу, и он, не произнеся ни слова, отвернулся и поковылял прочь.

У первой ступени Александр Иванович встретил такого же ветерана, как и он. Осторожно опираясь на трость, тот неспешно шагал навстречу, неестественно задирая левое бедро. «Протез», – понял Александр Иванович. Поравнявшись, оба молча, без улыбок, чуть склонили головы друг другу. Они не были знакомы, но нечто связывало их так же сильно, как если бы они были добрыми друзьями.

Александру Ивановичу в некоторой степени повезло – все части тела у него остались на месте. Сталинградская мясорубка, подобных которой история знавала немного, пощадила конечности. В этом отношении он заплатил за победу малой кровью – лишь легкой контузией.

Ветераны разошлись. Александр Иванович, постояв немного, собравшись с мыслями, ступил на первую ступеньку. Первую из двухсот. Двести шагов до вершины, двести дней до победы!.. Тогда они считали не только дни, но и часы. А время, будто вязкий кисель, текло еле-еле, активно огрызаясь вражескими пулями и снарядами. Двести огненных дней и ночей.

Раз ступенька, два, три... Десяток. Чертово сердце! Сила воли... Лишю...

Матвей Мефодьевич Путилов веселый дядька. Вернее, тогда он казался дядькой, хотя был не намного старше самого Саши, ныне – Александра Ивановича. Связист. В день, когда тот умер, Сашка мило болтал с медсестричкой, легко раненый осколком. А Матвея ранило смертельно, и он лежал под пулями. И в последний момент жизни сжал зубами перебитые концы проводов. Связь с батареей возобновилась!...

Тринадцать... Пятнадцать... Двадцать... Двадцать пять ступенек! Колет...

Сестрички! Милые девочки. Некоторые из них были гораздо старше Саши, но все равно все солдаты относились к ним как к младшим сестрам. Иногда не только как к сестрам, но редко... Слишком много смерти было вокруг. Не до высоких чувств. Да и когда? Средняя продолжительность жизни в боевых условиях у командира взвода была 3 дня, командира роты – 7, батальона – 11, полка – 20 дней. А уж у солдат...

Сестрички медсестры! Несмотря на все предостережения, они все равно лезли в самое пекло, вытаскивали их, солдат... И ведь просишь их человеческим языком – оставь, дура, беги! Так нет, ташат. Упорно ташат! Куда? До ближайшей воронки. А там – первая помощь, и уже побежала дальше... А ночью катерами переправляли раненых на левый берег, несмотря на то, что река под постоянным артобстрелом. Милые девчушки... Наверное, страшнее их смертей ничего не было!

Сорок... Сорок два... Стучит, проклятое! Господи, дай сил дойти до вершины. Ведь прошел уже однажды! Неужели теперь не одолею?

Аллея тополей. Стоят красавицы, словно на параде. Нет, все-таки не зря, не зря...

Ох, как же тяжело. Совсем стариком стал. Все-таки хорошо, что решился посетить Сталинград, нашел в себе силы взглянуть в глаза, в души погибших друзей. Взглянуть, попросить прощения за то, что сам выжил! Теперь можно помирать со спокойной душой, скинув груз...

Александр Иванович остановился, глубоко вздохнул пару раз и поднял глаза. Прямо перед

¹ Реальный факт. Матвей Мефодьевич Путилов посмертно получил звание Героя Советского Союза.

ним высилась скульптура воина-богатыря. Обладатель неестественно мощного торса мужественно с ненавистью смотрел куда-то вперед, надо полагать, в сторону врага.

Наверное, именно такими их представляет теперь современная молодежь. Античными богатырями. А ведь они были совсем-совсем обыкновенными. Даже, наверное, субтильнее нынешних акселераторов. Сила-то была совсем в другом...

Впрочем, Александр Иванович не был сторонником мнения об уникальности своего поколения, скорее – время было уникальное, а не люди. Героев порождает жизнь. И, слава Богу, что сейчас не нужно то геройство, которое проявляли они, бойцы времен Великой Отечественной.

Вгрызались зубами, ногтями вцеплялись в каждую пядь родной земли. Кто-то за Сталина, кто-то за партию, кто-то за Христа... но все, абсолютно все – за Родину, за оставшихся дома матерей, жен, детей. Порой даже внуков. За тех, кто оставался за нашими спинами, за тех, кто гнул свои спины на захваченных территориях, в лагерях, в оккупации.

Впрочем, столь патетических мыслей было мало. Просто воевали. Всё понимая, молча.

Остались считанные ступеньки. Вдохнув поглубже, Александр Иванович уверенно двинулся вперед.

Сто девяносто один, сто девяносто два, сто девяносто три... О, Господи!

В глазах померкло, земля вдруг ушла из-под старческих ног. Александр Иванович уголок угасающего сознания приготовился к удару! Но так и не дождался его – сознание отключилось раньше...

Серое небо, крики умирающих, боль земли!

«В ад попал!» – первая мысль приходящего в себя сознания была ужасающей, но почему-то не ужасала. Александр Иванович отнесся к этому открытию на удивление легко, даже безразлично. К тому же, чего еще можно было ожидать от небесной канцелярии? – всю жизнь он не верил в Бога, и даже на старости лет не поверил, в отличие от многих своих знакомых. С распадом союза многие кинулись в религию, пытаясь наполнить свое существование идейным обоснованием. А он не кинулся. Вот тебе и расплата!

Вокруг разворачивалось поистине адское действо – клекло боя, непонятно, кто где, кто с кем; свист снарядов, вопли раненых, огонь, комья глины, словно снег в пургу, летящие со всех сторон! «Прям, как в 42-м!» – подумал Александр Иванович, постепенно приходя в себя. Он лежал на земле, совсем рядом со шелью окопа. Происходящее вокруг настолько походило на уже виденное, прочувствованное раньше, что следующей мыслью ветерана стала:

«Елки зеленые, да это ж ведь и есть 42-й! Сталинград!»

В мистику с переносом во времени верилось слабо. Скорее уж, это действительно ад, но такой, какого Александр Иванович боялся больше всего – ад Сталинградской битвы! Видимо, правы были те, кто утверждал (откуда только узнали?), что у каждого свой Рай и свой Ад – по заслугам, по страхам, по желаниям!

Однако продолжать лежать на открытом месте было неразумно – подсказало тренированное войной сознание. Хотя по идее, если он действительно помер, и это действительно Ад, то какого черта бояться смерти? Но эта рациональная мысль не выдержала напора эмоций – вражеский снаряд упал где-то рядом, и ветерана присыпало землей. «Интересно, с кем воюем? Неужто, опять с фашистами!» Хребет ближайшего бугорка покрылся хоботками пыли – пулеметная очередь.

Александр Иванович удивительно резко для своих лет перекатился к окопу и плюнулся вниз.

– Осторожней, отец! – Александр Иванович свалился прямо на спину улыбчивому парню.

– Извини, сынок.

– Да ничего, отец.

Парень, весь измазанный глиной настолько, что белые зубы, выстроенные в широкую улыбку, казалось, светились в полумраке окопа. Эдакая глиняная причуда природы с человеческой улыбкой в пол лица. У Александра Ивановича не было детей – не сложилось. Но он привык называть «сынок» молодых (всех, кто младше сорока).

Солдат почему-то сидел в одиночестве.

– Ты чего здесь один?

– А вы откуда? – одновременно нарушили короткую паузу молодой и старый солдаты. Александр Иванович улыбнулся:

– Можешь считать, что я свалился с неба.

Парень засмеялся.

– А что, разве я не в ад попал? – решил спросить напрямик Александр Иванович.

– Вот это уж точно – напрямую в ад! – смеясь, подтвердил солдат. – Только в ад для живых.

Пули неугомонного врага отбили очередную порцию глины где-то над головой ветерана. Комья грязи попали Александру Ивановичу за шиворот.

— Черт, — ругнулся он, отряхиваясь. Парень засмеялся пуше прежнего.

«И что его так забавляет?» — подумал злобный гость.

— Как звать-то тебя? — спросил он парня.

Но тот не успел ответить. Из-за угла окопа появилась группа солдат. «Наши», — автоматически отметил про себя ветеран.

Сразу сталолюдно, часть солдат, сбив с ног Александра Ивановича, устремилась мимо, часть остановилась.

— Все, Попов, через минуту идем в атаку! — обратился к улыбчивому парню один из прибывших. — А вы тут откуда? — сержант, наконец, заметил Александра Ивановича.

— А я... я случайно...

— Ладно, неважно. Где винтовка?

— Э-э, в бою потерял, — почему-то соврал ветеран.

— Плохо, но не смертельно. Там, за поворотом, двое раненых лежат, возьмите у них. И БЫСТРО, БЫСТРО!

Александр Иванович замешкался на миг, но тут же вскочил и довольно резко поковылял в указанном направлении. Удивительно, но сердце, к периодическим вывертам которого он уже привык, вело себя совершенно спокойно. Почти как в молодости.

За поворотом, действительно не подавая признаков жизни, лежали два тела. Ветеран присел рядом и осторожно пощупал пульс у одного из парней — пульс не прослушивался. Второй тоже был мертв. Раненых больше не было, везде только убитые...

Александр Иванович, осторожно приподняв руку ближайшего солдата, взяв винтовку, затем посмотрел в молодые, искаженные предсмертной болью лица погибших и прикрыл их глаза. На войне умереть сразу не всегда удается. Чаше всего приходится помучиться перед смертью от смертельного ранения.

Вздохнув, он поднялся и торопливо двинулся назад, к сержанту и его парням, идущим в атаку. Не успел. Выйдя за поворот, он увидел, как солдаты резко покидают окоп. И в этот момент прямо в статную фигуру сержанта, помогающего вылезать своим солдатам, угодил снаряд! Александр Иванович видел это словно в замедленной съемке, совсем как в кино. Снаряд разорвал тело сержанта еще не взорвавшись. И в следующее мгновение раздался взрыв! Александр Иванович успел поймать последний взгляд сержанта. Удивление, вот что он увидел в его глазах.

Взрыв оглушил ветерана, свалил с ног. Дым и комья грязи скрыли от его глаз то место, где находились солдаты. Но сознания он не потерял и, дождавшись, когда утихнет противный звон в ушах, поднялся на ноги и двинулся вперед к месту взрыва.

Не выжил никто из этого отряда.

Кое-как выбравшись из окопа, Александр Иванович побежал вперед, плюнув раз скучной очередью куда-то туда, в сторону врага. Неподалеку справа и слева тоже бежали солдаты. Наступление было жиденьким, но смелым! Свистели пули, враг не жалел боеприпасов, обильно поливая из пулеметов и автоматов. Наступавшие огрызались в ответ, Александр Иванович уже видел впереди клубки колючей проволоки — первая линия обороны фашистов. Но он так и не добежал; пуля пробила плечо, и он упал, шипя от боли.

Он лежал, а другие солдаты пробежали мимо него, вперед, на врага, на смерть штыком замахиваясь смело.

Он пополз вбок. Это место казалось ему знакомым. Вернее, он был уверен, что уже ходил в атаку именно здесь. Тогда, в 42-м. Где-то рядом были окопы, он помнил. В этом месте линия обороны, выгибаясь, выдавалась вперед. Надо только проползти совсем немного вбок. Совсем немного.

Он полз, стараясь не потерять сознание от боли в плече, огибая трупы, закрывая голову в моменты взрывов, полз, сам не зная, зачем он это делает. И, наконец, оказался в окопе, тяжело перевалившись через край.

Опять труп. «Ба, да это же!..» — вспыхнуло у него в голове. Александр Иванович прекрасно помнил Махмуда — он погиб в тот же день, что и Коля, чуть раньше. Неясная мысль-надежда вдруг промелькнула в сознании Александра Ивановича. Может быть, он сможет увидеть самого себя, найти то место, где он был в тот роковой день. Может быть, он ради этого здесь и находится?

Сориентировавшись, вспомнив события давно минувшие, ветеран пополз влево.

Себя он не узнал. Узнал Колю. Тот, пригнувшись, вцепился в пулемет и, не жалея патронов, палил в противника. Скорее Александр Иванович догадался, что это он сам, еще

совсем молоденький солдатик, сидит сбоку от Коли, держа в руках пулеметную ленту.

Вот-вот злополучный снаряд разорвется рядом с ними. Коля, видимо заметивший его еще в полете боковым зрением, закроет его своим телом, а сам погибнет...

Коля засек очередную вражескую огневую точку и пустил длинную очередь в ее направлении. Сашка сошел подле него, старательно перебирая пальцами ленту. Как все-таки хорошо, что они вместе пошли на фронт, что теперь рядом есть кто-то очень-очень близкий, кто поможет преодолеть все трудности, все ужасы. Коля зыркнул в сторону друга и улыбнулся. Как хорошо, что они вместе...

Николай продолжал стрелять, полностью сосредоточившись на полосе обороны противника. И тут его взгляд уловил неумолимое, тяжелое, смертоносное, стремительное движение в сером небе. Скорее даже не увидел, а почувствовал! Снаряд летел прямо на них – он понял это со всей отчетливостью!

– Сашка!!! – закричал он, откидываясь в сторону, чтобы закрыть собой друга. Но вдруг что-то сбило его, прижав к земле. Выдох застрял в придавленной груди. И в следующий миг раздался взрыв.

Колю подкинуло, но совсем чуть-чуть, это позволило ему вздохнуть. Он ничего не понимал, ничего не видел и ничего слышал. Лишь упорная мысль – прикрыть Сашку – пульсирующей занозой вгрызалась в мозг.

В ушах звенело, но зрение уже вернулось, и он столкнулся с собой придавившее его тело. Теперь то Коля понимал, что на него навалилось не что-то, а кто-то.

«Старик, – с удивлением отметил он, глянув на своего спасителя. – Какого черта? Откуда? Неужели даже таких посылают на фронт?»

Коля отвернулся от трупа старика и принялся искать глазами Сашку.

Его тело лежало чуть в стороне. Сашка уткнулся головой в землю. Неестественно вывернутая за спину рука, явно сломанная где-то в районе локтя, заставляла думать о худшем, но Коля стал убеждать себя, что это еще ни о чем не говорит – ну, рука сломана, ну, лежит в беспам'ятстве. После столь близкого взрыва немудрено.

Осторожно перевернув Сашку, Коля в шоке застыл. Сашка был мертв, и отсутствие части лица не оставляло в этом сомнения!

– САШКА! – зарыдал Коля, уронив голову на грудь друга.

Он рыдал и рыдал, не обращая внимания на то, что вокруг все еще идет война. А потом вдруг вскопился, подбежал к телу старика и пнул его:

– Гад! Ну, кто просил! Я бы Сашку... спас бы! Я бы... Гад!.. – рыдая, Коля упал на землю. Он испугался своих слов, своих мыслей – старик спас его, а спас бы он сам друга, еще неизвестно. Мир вдруг показался Коле ужасно несправедливым. Неправильным.

Пулемет разбилось взрывом. Коля схватил Сашку за шиворот и пополз по окопу прочь.

* * *

– Дед, а дед! Ты здесь воевал?

Правнук Сашенька настойчиво теребил его за рукав. Николай Дмитриевич отвлекся от воспоминаний, вдруг нахлынувших на него, и, вернувшись в реальность, улыбнулся правнуку:

– Да, Сашенька, только тогда здесь было совсем не так, как сейчас. Не так красиво.

Саше было уже семь лет, и в этом году он собирался пойти в школу. А пока Ваня, внук Николая Дмитриевича, уговорил ветерана взять его к Мамаеву кургану, рассказать правнуку о том, как воевали.

Вон они, Ваня со своей женой и маленькой дочуркой в коляске, стоят чуть поодаль. Они не собирались идти наверх, по ступеням, отправив в этот нелегкий уже для Николая Дмитриевича поход их с правнуком. В свое время вот так же дед вел вверх по ступеням своего маленького внука Ваню, а потом еще одного внука и внучку. Бог даст, еще успеет сводить и всех правнуков. Правнуков должно быть много! Лишь бы только не было войны...

– Пойдем, дед, ну же!.. Смотри, там имена написаны, пойдем почитаем.

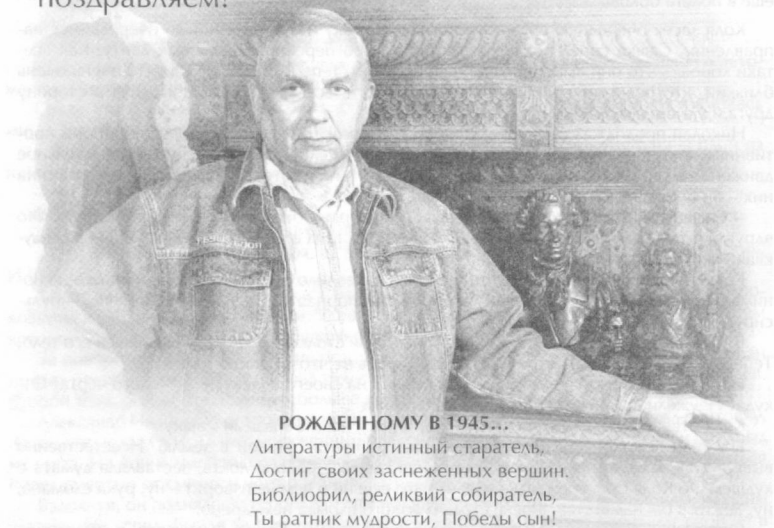
– Пойдем, внучек...

Одно из имен было для Николая Дмитриевича очень важным. Всем внукам он рассказывал о нем, о своем друге Сашке Протопопове.

А вот кто был тот старик, который спас его самого, он так и не смог узнать.

– Вот здесь, внучек, похоронено много-много моих друзей, все они были очень храбрыми и сильными. Я расскажу тебе о них, Саша, но сначала запомни – главное, чтобы никогда-никогда на нашей земле не было войны! Ты вырастешь, станешь большим, и от тебя будет зависеть – быть ли миру! Понял?

поздравляем!

РОЖДЕННОМУ В 1945...

Литературы истинный старатель,
Достиг своих заснеженных вершин.
Библиофил, реликвий собиратель,
Ты ратник мудрости, Победы сын!

Р. Фархади, май 2015

*...людям нравилось быть интересными для него. Люди, вообще,
всегда безгрешно тянутся к тем, кто ими интересуется...*

А. Устименко

МАСТЕР ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОЙ ПРОЗЫ

Писателем, как известно, становятся тогда, когда человеку есть что сказать, и он ощущает острую потребность поделиться этим богатством с людьми. Это, конечно, происходит при условии природной одаренности автора, собственного видения мира и способности упорно трудиться. Всем этим и обладает Анатолий Бауэр.

Писатель умеет увлечь читателя и сделать его соучастником собственного авторского расследования истории загадочных статуэток, не менее таинственных судеб полотен, талисманов, амулетов и, конечно, связанных с этими вещами перипетий человеческих судеб.

Перу Анатолия Бауэра принадлежат роман-эссе «Всесильный талисман», «Мужское несогласие», повесть «Благое молчание», рассказ «Победный рубль» и другие произведения.

Его можно назвать родоначальником особого течения в прозе. Созданные писателем произведения неразрывно связаны с неодолимой страстью всей его жизни – коллекционированием редких предметов искусства.

В центре его сюжетов необычные характеры страстных коллекционеров. Они конфликтуют, увлекаются, спорят, любят. В общем, являются живыми, яркими персонажами, шагающими в жизнь со страниц книг писателя.

И это основной узнаваемый признак профессионализма и самобытности истинного мастера пера. Хочется добавить, что талант редко бывает однобоким. Анатолий Бауэр проработал не один год в журнале «Звезда Востока» редактором отдела критики и в этой области проявил профессионализм и свою яркую индивидуальность, чем помог многим авторам и редакции любимого журнала.

Читатели с нетерпением ждут переиздания его нашумевших книг и новых произведений. Уверен, что они выйдут таким же большим тиражом, как и предыдущие его произведения.

А. Ершов

В славное семидесятилетие позволю себе комплимент юбиляру: пусть он по-прежнему выглядит не более, чем на 50 лет, как сейчас, и радует читателей своими новыми произведениями!

Долгие годы активной литературной работы в разных ипостасях в литературной среде республики (с 1970 г. по сегодняшний день) Анатолий Бауэр всегда был на страже лучших традиций современной русской художественной литературы, немало способствуя развитию хорошей русскоязычной литературы в Узбекистане.

С 1988 по 2000 гг. Бауэр был в статусе заместителя главного редактора крупнейшего в Центрально-Азиатском регионе издательства им. «Гафура Гуляма».

Творчество А. Бауэра в огромном море художественной литературы – скорее всего, отдельный, своеобразный остров, не сразу понятный читателю, заставляющий его вдумываться, размышлять, сопоставлять.

А. Фазылов

Сказать, что Анатолий Бауэр умный, талантливый и бесконечно обаятельный человек – значит ограничиться банальностями.

Он уникален подлинной интеллигентностью, безостановочной работой ума и сердца. За внешним спокойствием и невозмутимостью кроется непрекращающийся диалог и с самим собой, и со своими героями. Новые сюжеты, литературные персонажи, близкие ему люди, важнейшие жизненные проблемы, текущие события, поиск их смысла и значения, обретение себя и своей значимости – предмет его размышлений. Это и отличает творческого человека от обычного.

Хочется пожелать Анатолию Федоровичу здоровья, новых задумок и их воплощения.

Вас трудно чем-то удивить –
Подобно мудрецу – ничто не ново,
Но это не мешает Вам бродить
По переулкам города ночного.

Поредели заметно ряды –
Нас осталось совсем немного –
Каждый знает, что впереди:
Не за нами последнее слово.

И пусть другие высятся дома,
И тех деревьев нет уже в помине,
Но прошлое, как тёплая волна,
Уносит в мир, где были Вы счастливым.

Но пока на земле стоим
И встречаем весну как впервые,
Продолжается жизни ликующей пир, –
Где душою мы вновь молодые.

Как же любовь многолика
И всегда юна –
То белой, то красной гвоздикой
Плетет кружева.
То веткой душистой сирени
Вдруг брызнет росой,
То бросит зерна сомнений
Снежной зимой.

...и буду я шумом прибоя,
По-русалочки юная,
Ждать Вас у Черного моря
В ночь полнолуния.

Марта Ким

Другу

Инеем подернуты слегка
Волосы, подстрижены под «Ежик».
Узнаю я Вас издалека,
Улыбнусь, иначе невозможно.

День на срезе – грани хрустала,
Солнце яблоком легко краснеет –
Это радость и продление дня,
И не вечер... Луч ладони греет.

Трудно выразить восторг в словах,
Больше в Вас поэзии, чем прозы! –
Руку даме нежно целовать,
Трепетно преподносить мимозы.

Вы – художник с доброю душой,
И со всеми вежливы, галантны.
Мир ваш Божьей озарен свечой,
Вас Всевышний одарил талантом.

Из-под ног пусть не уходит твердь,
Оставайтесь чутким, необычным,
Не согнется вашей жизни ветвь...
С юбилеем Вас, мой друг отличный!

С. Файзиева

А. Ф. Бауэру

В ряду мыслителей великих
И меж поэтов яснооких
Отмечен он пресветлым ликом,
Заметен он челом высоким.

Он как мужчина не согласен
Слабее быть, чем есть от Бога,
Вешает он духовным гласом
И выбирает сам дорогу.

Постичь его идей бездонность,
И чувств его почуять пламень
Дано не всякому резонно:
Труд дарит драгоценный камень

Владеет он вполне надежно
Своим всесильным талисманом:
Его таланту всё возможно,
Всё – на века, всё – без обмана.

Он ясно видит горизонты,
Которые другим незримы.
В душе он – очень добрый зонтик,
Надёжный зонтик для любимых.

В. Васильев

ВОСЬМАЯ СТУПЕНЬ ПОЗНАНИЯ

«...это, так называемая Тхарма-чакра – колесо закона. В нем восемь спиц. А символизирует оно проповедь индуистского учения.

– Неужели это и есть восемь ступеней познания?

– Да, благородный восьмеричный путь.

Юра подошел к пианино, на котором тоже стояли статуэтки, открыл крышку и медленно начал перебирать клавиши, приговаривая при каждом ударе:

– Праведное воззрение, праведная решимость, праведная речь, праведное поведение, праведный образ жизни, праведное усилие, праведное осознание и... – он посмотрел на меня и сделал жест рукой, как бы приглашая еще раз полюбоваться коллекцией, - праведное созерцание...

– ...А почему же последний праведный путь – созерцание? – спросил я, внутренне ошущая психологическое противодействие этому. Первый путь – воззрение – казался правомерным, ибо с него, вроде бы, и должно все начинаться. Но чтобы последним было созерцание... Это казалось странным».

Анатолий Бауэр. «Всесильный талисман»

– Вы не помните, когда мы познакомились? – спросил однажды Анатолий Федорович.

Если говорить о знакомстве со всеми полагающимися церемониями – представлением с помощью третьего лица: «...это Анатолий Федорович Бауэр», «очень приятно», «очень приятно», то оно произошло не так давно. Но о том, что именно этот человек и есть Анатолий Федорович Бауэр, я знала еще в начале восьмидесятых.

Приходила в «Звезду Востока», приносила очерки, когда А. А. Ершову, когда Г. В. Савишкому. В большой редакционной комнате окнами на улицу Пушкина было солнечно, тихо. За редакционными столами человек пять или шесть, но если кто с кем говорит, то тихонько, чуть ли не шепотом. Смушало количество столов по периметру, смушали незнакомые лица. Дело-то у меня к одному, а тут их, вон, сколько.

Я начинающий автор. Сажу на краешке стула, за столом – заведующий отделом Анатолий Андреевич Ершов, откуда-то достает пачку бумаг. Это рукопись моего очерка, вся исчерканная красным карандашом главного редактора. Соглашаюсь исправлять, сокращать и вычеркивать. Слишком легко соглашаюсь, торопливо. Тут приходит еще один незнакомец, бросает беглый взгляд на меня, наклоняется к Ершову. О чем-то они говорят, я деликатно вторачиваюсь к окну. А когда меня возвращают к прерванному разговору, незнакомца уже нет, в голове мелькает и пропадает: «Господи, сколько же народу в этой «Звезде Востока»! И все заняты, заняты делом, а я тут со своим несчастным исчерканным очерком!» Ершов замечает мой взгляд, брошенный мелком на дверь.

– Наш ответственный секретарь, Бауэр Анатолий Федорович.

Позже несколько раз я сталкивалась с ним в темном коридоре редакции. Не помню, раскладывались мы или нет. Кажется, все-таки нет. В памяти, скорей всего, отложилась должность – ответственный секретарь! Кажется, я ему посочувствовала. Тут пока очерк сдашь, намахнешься, а у ответственного секретаря ежемесячный толстенный журнал в двести с лишним страниц.

«Звезда Востока» была известна не только в Узбекистане. В середине восьмидесятых годов тираж ее доходил порой до ста семидесяти с лишним тысяч экземпляров, расходился по всей стране и довольно быстро. Завеваешься, глядь, а в киосках «Союзпечати» номера уже нет. И это несмотря на то, что содержание его должно было оставаться идеологически выдержанным. Идеологию, как правило, читатели пропускали, искали прозу, стихи, переводы лучших произведений узбекских авторов, а еще нигде, ни в одном толстом журнале тех времен не публиковались хорошего качества зарубежные детективы. На высоком уровне держалась и литературная критика.

Так номер за номером, между молотом и наковальней, в условиях жесточайшей цензуры.

И была еще редакция, дружная семья, коллектив, которому сегодня можно только завидовать. Судя по отзывам современников, к *ответственному секретарю* относились с должным уважением. Поэтесса Зоя Туманова (она проработала в редакции много лет) посвятила ему однажды целую серию четверостиший. Вот одно из них:

Когда ты говоришь, одно желание – слушать...

И острый твой калам всегда тебе послушен.

И все же – как можешь критиком ты быть,

Когда к себе ты строг, к другим великодушен?

Мы встретились снова спустя много лет в издательстве «Гафур Гауляма». Именно здесь нас как-то даже официально представил друг другу Б. А. Голендер. Я поняла, что Анатолий Федорович в журнале «Звезда Востока» уже не работает. Он вспомнил меня, вспомнил даже, как спорил с Г. В. Савишким, отстаивая авторское название моего очерка. То были иные времена, теперь, в девяностых, и «Звезда Востока» была другой, – тонкая книжечка в четверть листа, и спор тот давний не имел никакого значения, и должность Бауэра стала еще более ответственной – заместитель главного редактора большого издательства.

Кажется, мы обменялись номерами телефонов, но позвонить друг другу так ни разу и не случилось, и мы снова надолго расстались.

Снова прошло несколько лет. И вот теперь настало время для окончательного знакомства не только со мной, но и с моим мужем. Но об этом чуть позже, а пока хочу рассказать, как я познакомилась с писателем Анатолием Бауэром. «Звезда Востока», работа в издательстве, участие в совете русской секции Союза писателей Узбекистана – это одно, а тут совершенно другое, главное.

Был знойный день, середина ташкентского лета. Все живое стремилось отыскать хоть малое пятнышко тени. Маленький мальчик отрывался от мамы, убежал и, жмурясь и повизгивая от восторга, подставлял смеющуюся мордочку под водяную пыль крохотного фонтана.

– Мама, – кричал он, – смотри, радуга, радуга!

– Промокнешь, – сказал ему старичок, сидевший на другой стороне тротуара в тени,

возле разложенных на брезенте книг. В нескольких шагах за его спиной, за чугунной решеткой, шумел-галдел Фархадский базар.

– Не промокну, – крикнул мальчик и побежал к следующему фонтанчику.

При виде книжного богатства, я остановилась, опустила на землю тяжелую корзину с фруктами и полезла за очками в сумку.

– Красиво у вас смотрится виноград, – сказал букинист и даже голову склонил набок, любуясь налитыми ягодами, – хорошее дело – корзина, что хочешь клади, хоть самые спелые персики, никогда не помнутся.

Я взяла кисточку винограда и протянула ему.

– Что вы, что вы, – замахал руками старичок, – это я так, к слову!

Но я настояла на своем, он бережно, в обе ладони, принял кисть, а я наклонилась и подняла с брезента книгу. Приметила ее издали, она выделялась алой обложкой в луче солнечного света, скользнувшего сквозь листву старой акации. Все остальные тома, сколько их было, находились в тени и не были так ослепительно ярки.

Взяла в руки книгу, прочла на обложке: Анатолий Бауэр. «Всесильный талисман». Вот так встреча!

– Эта книга не совсем обычная, – несмело сказал букинист, – вам она может показаться неинтересной. Это, знаете, про всяких коллекционеров, про антиквариат. Вот здесь у меня, смотрите, сколько детективов, а вот – Дрюон, это про французских королей. Эти книги раньше за макулатуру давали, в драку, а теперь лежат.

Видно, в благодарность за мое подношение старичок старался мне услужить. Но я сказала, что все же куплю «про коллекционеров», заплатила, подхватила свою корзину и отправилась по жаре к автобусной остановке.

Вечером, после скучных домашних дел, устроилась под вентилятором и открыла купленную у старичка-букиниста книгу.

В жизни своей ничего подобного не читала! Я поглощала страницу за страницей, и все о чем? О коллекции и коллекционерах, о почти детективных поисках той или иной редкости, о статуэтке тибетского божества.

«Статуэтка была увешана ожерельями из человеческих черепов, увита змеями, какими-то колокольчиками и колесами со спицами. Некоторые головы украшены диадемами, коронами; на других – волосы, выращенные в красный цвет, устрашающе стояли дыбом, напоминая языки пламени».

Уже в этом описании была какая-то загадочность, и еще более загадочным оказалось имя божка. Это был не Шива, как думал в детстве герой романа, но грозный бог Ямантака, победитель смерти. И вот уже мне, читателю, хочется позарез узнать, удастся ли герою вернуть статуэтку, отданную в обмен на полюбившуюся другую редкость, перехитрить старого матерого коллекционера, или она так и останется в чужих руках... Я даже не вытерпела, перелистнула несколько страниц – подсмотреть. Удалось! Действительно, детектив какой-то.

Но роман, конечно же, не только о коллекционерах. Нет, это книга о страстях, о поисках веры, о возможности пробиться сквозь время, подаренной все тем же божком Ямантакой. Это книга, написанная прекрасным, напевным языком, какой в современной литературе не часто встретишь.

*Были дали далеки, было вымысла в избытке,
И из собственной судьбы я выдергивал по нитке.*

Пел когда-то Булат Окуджава, и это так верно, так приложимо к любому художественному произведению. Сколько ниток из собственной судьбы выдернул Анатолий Бауэр, не нам, читателям, судить. Важно, куда он привел нас вместе со своим героем. Теряя и обретая вновь талисман-статуэтку, теряя и обретая решимость вскрыть Ямантаку, чтобы узнать, наконец, что прячется у него внутри, набирается храбрости, все равно любопытство не превозмочь, и со всеми предосторожностями, терпеливо, не жалея усилий, пропихивает иголкой дверцу в спине бронзовой статуэтки.

И вот, извлеченный со всеми предосторожностями, перед ним лежит лазуритовый осколок-сегмент с человеческими фигурками на обеих сторонах, выточенными неизвестным мастером.

Долго пересказывать, да и не нужно, все попытки узнать, свидетелем каких времен является неведомый осколок. Результат профессионального исследования: шумеры, XXVIII век до рождения Христа.

В крупнейшем музее страны осколочек оценили в триста рублей. Продавать его никто не собирался, но будничная, скучная оценка, сделанная как-то походя и небрежно, чуть ли не оскорбила чувства героя. Какие триста рублей, когда главное – вот: шумеры! Истоки человеческой культуры, истоки всех на свете религий, истоки всего. Главное – возможность созерцать и видеть, и побывать там. И передать нам увиденное:

«И вдруг... о, чудо! Да уж не сон ли это? Я увидел шумерского жреца. Да, это он. Стоит в короткой юбочке. Но где же талисман? Да вот же он: в разрезе рубашки блеснула цепочка. Значит, он там – на груди. А вот жрец уже спускается по ступенькам храма-зиккурата. Идет он легко, слегка опустив голову, а руки держа скрещенными на животе.

Мне стало жутко. Я встрепенулся и открыл глаза».

Вот оно, вот, к чему приводит «благое созерцание», понимаемое европейцем, а, тем более писателем, наверняка не так, как его понимают тибетские монахи. С него, с созерцания, начинается творчество, и без него оно попросту невозможно. Не случайно герой приведенной мною в самом начале цитаты так хорошо запомнил первый и последний праведные пути.

Я не должна здесь писать рецензию на «Всесильный талисман», это уже сделано известным литературоведом А. Вулисом в прекрасной вступительной статье к роману. Если он кого-то заинтересует, идите к букинистам, – у них книгу Бауэра можно еще найти, принести домой, открыть и погрузиться в захватывающее напевное чтение, пройти вместе с автором благой восьмеричный путь в поисках веры, в поисках самого себя, в мучительных попытках получить ответ на извечные философские вопросы: кто мы? откуда мы? куда мы идем?

Наше знакомство с Анатолием Федоровичем продолжится, мы встречаемся на заседаниях Совета, разговариваем по телефону. Подолгу разговариваем, есть о чем. Находим общих знакомых, вспоминаем родимый филфак. Мы не встречались тогда, мы учились в разное время, но у нас были одни учителя, и как не вспомнить лекции Малахова, Тартаковской, Давшан...

Раз как-то, к слову пришлось, Анатолий Федорович обмолвился о детстве, проведенном на Инженерной улице. Была когда-то такая в самом центре Ташкента.

– Вот это да! – изумилась я. – Инженерная улица упиралась в дом, где жил много лет мой муж, с самого раннего детства, да и мне довелось пожить, недолго, правда. После землетрясения там все снесли.

– Ну-ка, ну-ка, – обрадовалась мой собеседник, – а можно поговорить с вашим мужем?

Познакомились, посмеялись двойному совпадению: оказывается, жили в соседних домах, и оба Федоровичи. И началось! «А вы помните?» «Нет, дядя Миша, сапожник, сидел не там, он сидел под дубом, рос там такой дуб, могучий, огромный. Желуди на нем поспевали налитые, блестящие, мы собирали их, делали всякие фигурки». «Конечно, я знал композитора Берлина». «А Коммунальный сквер? Помните, осенью там сгребали опавшие листья? Мы влезали на нижние ветки деревьев и прыгали вниз, в эти кучи». «Тамара Ханум? Да, помню, мне говорили, что она там жила, но я ее ни разу не видел». «Вы называете такие имена: Шукур Бурханов, Галия Измайлова, Уйгун, и все на той же, на Инженерной?» «Несколько фотографий есть, я поищу».

Однажды они проговорили час. Даже завидно стало. Тогда же созрело решение: встретиться нам втроем и попытаться мысленно восстановить улицу, где какие стояли дома, где кто жил, не ведая о грядущем землетрясении. А ведь этот район почти в эпицентре.

И вот мы на месте. Слева, чуть вдалеке – аллея парадов и правительственные здания, площадь; кругом деревья, не все еще пришли в себя после апрельских заморозков, на некоторых повисли мороженые и уже высохшие первые листики. Теперь надо ждать, когда прорвутся вторые почки. А вот березки выстояли, покрыты нежным облачком зелени. Хочется лечь под такой березкой на прохладную травку газона и смотреть сквозь тонкие ветки на весеннее чистое небо. Тихо, немногочисленно, тепло. Вдалеке стеной тюльпаны. Белые, желтые, розовые – всякие. Тут и там вытес дорожки, выложенные брусчаткой.

– Здесь, – останавливается Анатолий Федорович, протягивает вперед обе руки, ладонь напротив ладони, – вот это улица Инженерная.

Нет никакой улицы, только парк, с одной и с другой стороны.

– А по-моему, чуть дальше, вон та, следующая дорожка, – не соглашается Дмитрий Федорович.

Так споря и отыскивая на глаз несуществующие ориентиры, они уходят все дальше и дальше в сторону площади. Я иду следом, краем уха прислушиваясь к их разговору: «Нет, к библиотеке Навои Инженерная не выходила, выходил чуть ниже еще один переулок. Черт, как же он назывался?» «Стекольный!» «Да, верно, Стекольный!»

Наконец, они договариваются считать именно это место началом улицы Инженерной. Здесь когда-то стоял мрачноватый кирпичный дом, а за ним...

Мы нашли скамейку, сели. Анатолий Федорович, как мне показалось, отстранился от нас, ушел в себя. Так сидели мы молча, слегка расслабленные под весенним ласковым солнцем. Вдруг он повернулся ко мне и сказал:

– Знаете, у меня такое чувство, будто я сижу в одной из комнат нашего дома.

Я спросила:

– Для чего это вам, все эти подробности, сапожник дядя Миша, Коммунальный сквер?

– Я пишу книгу, – ответил Бауэр и внимательно посмотрел на меня, – чему это вы улыбаетесь?

- Проходите восьмую ступень познания?
- Как же без нее. Без нее не разбудить воображение, без нее не полюбятся слова, и ты не сумеешь пройти по первому восьмеричному пути.
- Напомните мне его, я забыла.
- Ну, вот-те раз! *Праведное воззрение.*

Связь времен – вот главная линия в творчестве Анатолия Бауэра. Собиратель древностей, он через вещь проникает в глубины истории не только в романе-эссе «Всесильный талисман», но и в повести «Благое молчание», когда разгадка тайны изображенной на старинном портрете женщины приводит нас в эпоху Возрождения. Не говоря о том, что читатель узнает массу новых сведений, скажем, о технике живописи с эмалевыми красками, он еще и водит нас по старинным узким улицам, заставляет волноваться вместе с мастером – создателем правдивого портрета жуткой старухи королевы. Он рисковал жизнью, тот мастер, но поступиться творчеством, солгать, намалевав парадную, приукрашенную вещицу, не мог.

И нельзя не вспомнить пронзительно чистый рассказ «Победный рубль», все о том же, о коллекции, на этот раз старинных монет, об одиноком старике-нумизмате, молчавио умершем от голода в годы войны.

«Закопал он все, поверь мне, закопал. Нет там ничего. Думаешь, его старина интересовала? Золото его интересовало! Скупердаый он, от скупости своей и помер...» – шипела злая соседка.

Нет, не закопал, отдал коллекцию в фонд обороны 30 июня 1941 года, оставив один лишь Победный рубль 1812 года жившему по соседству мальчику.

Так когда же я познакомилась с Анатолием Федоровичем Бауэром? Наверное только теперь, когда прочла его книги, интересные по материалу, из области доселе совершенно неведомой мне, очень искренние, пронизанные ненавязчивой внутренней философской дискуссией, попытками разрешить вечные вопросы, волнующие род человеческий с самого начала времен.

А. Васильева

ПОЗНАВАЯ ТАЙНЫ БЫТИЯ

Не годами, а десятилетиями оглядываем мы путь Анатолия Бауэра на ниве русскоязычной словесности. «Благое молчание», «Всесильный талисман», «Мужское несогласие», «Победный рубль» – главные вехи мучительно-сладкого творческого пути. Перечень этот, вроде бы, не поражает обилием наименований, но, как говорят в народе, «мал золотник, да дорог». Об итогах творческого пути можно судить по впечатляющим фактам: роман «Всесильный талисман» был издан огромным тиражом в 100000 экземпляров, а роман «Мужское несогласие» в 2001 г. в честь 10-летия Независимости Узбекистана был удостоен премии «Заря Независимости». Почти каждое произведение, созданное Анатолием Бауэром, обречено на читательский успех. И не только в силу чисто художественных достоинств. Срабатывает, порой даже изумляя, эффект зримого, осязаемого присутствия в тексте автора, наделенного неоспоримым талантом. Убедительнее многих авторов, пишущих об Анатолии Бауэре, поведал нам о нем А. Вулис в статье «Шкатулка в шкатулке...», предваряющей книгу «Всесильный талисман» (1991 г.)

«Я с удовольствием наматываю на ус полезную информацию, которой меня осыпает невероятно щедрый Анатолий Бауэр, и читаю дальше и не только читаю – лечу вперед – под парусами любопытства, и надувает их, оттопыривая щеки, озорник повествователь», умеющий «...зажечь в наших душах негасимый факел любопытства»¹.

Первое, что делает Анатолия Бауэра непохожим на собратьев по перу, – это его устойчивое амплуа коллекционера, навсегда полюбившего эту сложнейшую мозаику мудреного увлечения. Да вот только от подавляющего большинства собирателей, затвердевших в своей непобедимой страсти, Анатолий Бауэр отличается самым кардинальным образом. Собирательство для него не только и не столько страсть, овладевшая душой, но важное средство познания мира ресурсами ученого, философа, художника слова. Анатолий Бауэр многолик, многогранен и тут вновь хочется напомнить основополагающее суждение о нем доктора наук А. Вулуса: «Мемуарист, популяризатор предметной культуры, искусствовед, соперник Конана Дойла и Агаты Кристи, авантюрный сочинитель, богослов и философ, лирик.» Таковы, по А. Вулису, «литературные перевоплощения» А. Бауэра.

Хочется подчеркнуть главное. А оно в ключевых тайнах мироустройства. Бог и созданный им мир, человек во всей сложности его психических составляющих – ума, сердца, деяний. Не слишком ли удаляется Анатолий Бауэр, увлеченный глубинными философско-психологическими вопросами, от насущных, в том числе и больных проблем века

¹ Бауэр А. «Всесильный талисман»: Ташкент, Изд.-полигр. объедин. им. Гафура Гуляма, 1991./ Вступит. Статья «Шкатулка в шкатулке, та – в другой», А. Вулис.

текущего? Нет, ответим мы с уверенностью: Анатолий Бауэр в лучших своих творениях достигает уровня понимания непростых проблем современной эпохи... И тут нам необходимо повести более обстоятельный разговор о романе-эссе «Мужское несогласие», изданном в 1999 г. издательством Гафура Гуляма. В этом солидном по объему произведении (в нем свыше четырехсот страниц) речь идет преимущественно о коллекционерах, об их не остывающих страстях, а вот тональность центральной темы заметно изменена. Пафосность потеснена мотивом минорным, все большей долей художественного пространства овладевают драматические мотивы и ситуации.

Коллекционера (это Андрей, центральный герой произведения), поглощенного собирательством, автор рисует как человека, обреченного на социальное одиночество. Сегодняшняя жизнь общества для него попросту не существует. А зайдя в тупик при попытке решения казусной философской проблемы, он кончает жизнь самоубийством. Говоря об итогах горестного одиночества своего героя, автор замечает, что хоронить его было некому. Похоронный обряд с горем пополам совершают соседи-старушки, сердобольный старичок, да подоспевший к тяжелой церемонии милиционер.

И все же заметим: не собирательство само по себе главное в романе. Неугасимая актуальность этого произведения в том, что автор отважился вторгнуться в одну из зудящих болью проблем современности – взаимоотношения полов, женского и мужского. Так называемая «сексуальная революция», продолжавшаяся третье десятилетие, внесла в умы и души людей губительный сумбур, породивший невиданные доселе масштабы распутства на всех континентах. И, конечно, опыт главных персонажей романа Анатолия Бауэра, окунувшегося в познание больной проблемы, невозможно обойти стороной.

Роман-эссе «Мужское несогласие» – смелый до дерзости шаг в этом направлении. Изумляет парадоксальное сочетание, казалось бы, несочетаемых художественных приемов – великана жанров романа и эссе. Опыт Анатолия Бауэра доказывает продуктивность такого пути. Автор здесь увлекает читателя в познание глубинных тайн мироустройства и, прежде всего, человека.

Коллекционер Андрей увлекся собиранием произведений искусства, запечатлевших женскую красоту. «Холсты в тяжелых багетовых рамах, а некоторые в простых, – современных. И на них – женщины, женщины, женщины...»¹ (63). Но Андрей не только энтузиаст-собиратель, он философ, погруженный в раздумья о глубинных проблемах человеческого бытия, к тому же совсем не книжный червь, а человек, наделенный живыми и, заметим, неодолимыми страстями.

К своему несчастью, Андрей занедужил трудно разрешимой, по его представлению, проблемой трагической несовместимости высочайшего эстетического и нравственного уровня женщины и ужасной в своей чисто физиологической реальности половой близости. «Женская красота таит в себе порочное начало», – вбил себе в голову ужасающую мысль горе-философ... И это убеждение делает его несчастным. «Ах уж этот зов плоти, неумолимо влекущий, затуманивающий сознание! Это, кажется, самый сильный наркотик, придуманный природой» (222). Зацикленность героя на идее несовместимости сочетания любви чувственной с высокой духовностью приводит его даже к помутнению разума. Андрей-философ почему-то не принимает во внимание очевидный и никем не оспариваемый факт сочетания в человеке полярных начал: высокого духовного и телесного, то есть животного по сути. Последнее же наделено родовыми чертами хаоса, который таит в себе как созидательные, так и разрушительные начала. Разум же как средоточие духовного призван контролировать и держать в узде темное начало. Умаление или, что еще хуже, удаление разумного начала выпускает на волю темный хаос и его производное – своеволие. Они-то и творят в человеке, да и во всем мире, гибельный произвол. Неспособность Андрея решить задачу философско-психологического характера оказалась ему недоброй услугой, когда возникла настоятельная необходимость соотечать теорию с реальной жизнью.

Андрей встретил и полюбил молодую красивую женщину. Они поженились, но жили в любви и согласии лишь до тех пор, пока Андрей не заболел настоятельной необходимостью изучать «прошлые связи» жены.

«Если мужчина любит женщину, то знание даже об одной ее прежней интимной близости может омрачить и даже перечеркнуть его жизнь. И хотя для женщины все давно в прошлом и утло много воды с того момента – да она уже и почти забыла это свое мимолетное увлечение и даже, возможно, встретив на улице того, с кем когда-то составляла единое целое, не узнает его, да и он ее, скорее всего, не вспомнит, – в глубинах-извилинах мозга любящего ее мужчины эта связь будет жить долго, а, может, даже всегда.

¹ Здесь и далее цитируется: А. Бауэр «Мужское несогласие»: Ташкент, изд-во «Гафур Гулям», 1999. В скобках указываются страницы.

И будет ядом для его сознания Ах уж эта мужская душа!» (275).

В Андрее, страстно любящем жену, вдруг просыпается изувер, подвергающий супругу словесной пытке, вытягивая из ее памяти подробности былых любовных связей. Его бесконечные приставания к несчастной женщине в конце концов вызывают у нее отвращение к обезумевшему супругу. Андрей вполне осознает подлость своего поведения, но переменить палаческую практику не в силах. «Некоторые мои действия, – пишет он в дневнике, – можно было назвать даже шизоидными. О, понимая это, я не мог, тем не менее, не поступать именно так» (300).

Не менее отвратительна очередная ступень нравственного падения Андрея состоявшая в его попытках извести мужчин, с которыми когда-то была близка его супруга Наденька. Их имена Андрей с трудом извлек из памяти жены, выследил этих людей, начал их преследовать. Силой внутреннего гнева, испытывая «гнусно-бесовские вибрации сознания», он стремится физически истребить своих врагов. Патология сознания и чувств приближает этого несчастного к помешательству. Дошло до того, что он стал ощущать в себе присутствие затаившегося зверька, который постепенно превращается в зверя настоящего, страшного в своей мужской жестокости, необузданной и дикой... «У-у, тварь», – мычу я про себя, и какая-то безудержная и тяжелая мужская злоба заполняет все поры моего тела, а по взбудораженным артериям током-импульсом пробегает судорога-озноб» (229-230)...

Сущид для Андрея оказался единственно приемлемым способом избавления сознания от наступающего безумия.

Идея мужского несогласия становится конструктивной основой сюжета произведения. Мысли о сладострастии и порочности, неразрывно связанные с женской красотой знаком высокой духовности, приводят Андрея, по его признанию, к «искореженности сознания»... А вот его приятель, от лица которого ведется повествование, не видит в данной коллизии противоречия. Идея мужского несогласия рассматривается им в ряду высочайших космических начал как одно из воплощений трагической сути бытия. Да, таков мир, созданный Богом, и человеку надлежит, не колеблясь, следовать заветам Создателя в совершенствовании себя и мира.

В художественном пространстве романа образы коллекционеров, обстоятельства их жизни нашли исчерпывающее отражение. Зная эту жизнь не понаслышке, а до тонкостей как истый собиратель Анатолий Бауэр далек от ее идеализации. Он отчетливо видит ее негативные стороны, в частности, опасность чрезмерного, всепоглощающего ухода в чуждый мир собирательства. Вредна и кастовость этого чудесного люда собирателей, теряющих незаметно для себя связь с огромным, сложным и противоречивым миром человеческого бытия.

Загадки и удивительные события пронизывают художественное пространство творений Анатолия Бауэра. Яркая самобытность его творчества привлекает читателей богатством содержания, раскрываемого с виртуозным мастерством сюжетосложения... Немалую роль также играет использование автором ресурсов художественной фантастики, приключений, эквилибристики... Все это превращает произведения Анатолия Бауэра в уникальные явления современной прозы.

Ю. А. Мориц

переводы

БЕЛОЕ МОРЕ, В КОТОРОМ НЕТ ВОЛН

Рассказ

В чайхане было многолюдно, из-за начинающих холодов посетителей собралось больше чем обычно. Теперь, кроме за-всегдатаев, сюда сходились и те, что все лето трудились на полях. Сейчас им некуда было деваться от скуки. Зевая, один за другим они выходят из дому и идут к чайхане. Сначала здесь трудно дышать от пара и дыма, потом люди привыкают и беседуют здесь допоздна. Зеваки, сидящие у окна, время от времени протирают его и глазают на прохожих.

– Посмотрите-ка, это же Мерган Даван, – сказал один из них, указывая в сторону улицы сигаретой, которую держит двумя пальцами.

Казалось, что конь едва справлялся с арбой, которая то и дело застревала в грязи, будто назло коню. Бедное животное едва передвигалось. Мерган Даван, чтобы облегчить ему жизнь, шел пешком. Нашлась тема для насмешек:

– Да уж, согнулся в три погибели...

– И не говори, еле ноги волочит...

Не разобрав, кто кого имеет в виду. Пересуды облегчали проделки чайханщика, который под шумок подмешивал зеленый чай в черный. Мерган Даван бросил пару взглядов в сторону чайханы, но останавливаться не стал. У старика испортилось настроение. Его раздражало и обижало, что на него смотрели одни хмуро, другие с издевкой или язвительной гримасой. Они холоднее злой стужи, предвещающей зиму. Старик продолжил путь в своих столетних сапогах с конем, который рядом с ним целую вечность. А люди все судачили о нем.

– Глянь на его арбу, интересно выдержит ли она хоть бычка какого-нибудь небольшого?

– Скажешь тоже, к эгда-то старик на этой арбе тоннами пшеницу возил.

– Эй, кому вы тут кости перемываете?

– Да мы тут о тесте богача Панджи....

Ну и дела. Какого черта тут заговорили о Панджи. Что-то этот недоносок у всех с языком не сходит. Где только о нем не говорят: и в чайхане, и на всевозможных мероприятиях. Соберется партия людей и ну судачить о Панджи. Все это не по душе Мергану Давану. Да кто он такой, этот мальчишка? С чего это Панджи вдруг стал человеком? Никто не помнит труд Мергана, который всю жизнь возил хлеб людям, а об этом молокососе Панджи толкуют с пеной у рта. А спросите, чем этот ловкач прославился, никто вам и не скажет ничего путного. Но почему-то это и не волнует никого. Все льнут к нему, толкуются вокруг него как закадычные друзья, ведут себя словно близкое окружение.

А этот сопляк только вчера с горем пополам школу окончил и пополнил ряды лоботрясов, правда, потом ему наскучило бездельничать и пристроился он на побегушках у артистов, которые по свадьбам ходили, носил в мисках горящие угли для разогрева дойры. Певцы платили ему кое-какие гроши, потом как-то летом уехал в Ташкент с более проворными ребятами. Видать, там носил

Уйгун РУЗИЕВ

Родился в 1974 г. Окончил факультет узбекской филологии Самаркандского госуниверситета. Член СП Узбекистана. Автор сборников рассказов «Умрин-гизга умр кўшилсин» («Желаю долгих лет жизни»), «Тонгда кайтган каптарлар» («Голуби вернулись на рассвете»), романа «Атиргул» («Роза») и ряда повестей. Живет в Ташкенте.

угли в тазах побольше и артистам покруче, и в кишлак потихонечку стали доходить слухи, что у Панджи дела пошли в гору. Не прошло и полгода, распространилась молва, что Панджи на черном рынке промышляет: меняет наши деньги на иностранную валюту, и денег у него куры не клюют. Через год уже говорили, что на рынке «Чиланзар» он открыл свой магазин. Со временем магазинов становилось больше, люди, кто с восторгом, кто с завистью поговаривали о двух, потом уже четырех магазинах. Теперь к имени Панджи прибавляли слово «богач».

И вот тот самый «богач» положил глаз на младшую дочь Мергана Давана. Говорили, что Панджи возьмет в жены девушку из состоятельной семьи. Но дочь Мергана была такой красивой, что затмила любую богачку. Мергану не нравилось, как себя вел Панджи, только проклянул, а гордыни и хвастовства – хоть отбавляй. Однако дочь настояла на своем, Мерган был вынужден дать согласие на этот брак. В свое время так же поступили две его старшие дочери, объявив, что времена феодализма прошли, и они выйдут замуж за тех, кого сами выбрали, к кому сердце лежит. Отец не стал препятствовать, благословил их. И что получилось? Старшая совсем замаялась: заботы, пятеро детей, а муж что ни день прикладывает к бутылке и пашет носом землю. А второй дочери муж еще до свадьбы пообещал, если выйдет за него, то будет жить в городе. Как прошла свадьба, дочь и начала пилить мужа, напоминая об обещании, и заставила-таки переехать в город. Теперь от них ни слуху, ни духу. Совсем забыли кишлак, отчий дом. Только раз, в годовщину смерти матери, появились на пороге. После замужества младшей жена отошла в мир иной, словно решив, что выполнила свой долг. Старик Мерган остался в опустевшем доме совершенно один, укоряя свою жену за то, что оставила его в полном одиночестве. Хорошо, что есть конь, все легче, когда поделится с ним своей болью.

Сначала Мерган Даван был доволен предприимчивостью зятя, радовался, когда видел цветущую дочь. Но после того, как они побывали на свадьбе хромоногого Якуба, его снова охватила прежняя неприязнь. Хромой Якуб был когда-то сторожем в конторе. Детей у него было много, и он все время жаловался, что кормить их нечем. Сердобольный Мерган чуть ли не каждый день старался как-нибудь сэкономить немного хлеба и отдать ему, поджидающему его на дороге. Сейчас сыновья Якуба стали неплохо зарабатывать, он вырвался из грязи в князи, появился гонор, забыл даже, что прихрамывает, стал пинком открывать двери всевозможных учреждений, словно у него не две, а целых четыре ноги. Вот этот самый хромой Якуб устроил свадьбу, пригласил всю знать, разумеется, и богача Панджи, позвал и «мелких» людишек кишлака, мол, «богоугодное дело». Мерган седлал своего коня, когда к воротам подъехала новенькая машина. Из машины вышел Панджи и, не снимая своих черных очков, поздоровался с тестем. Мерган обрадовался, увидев дочь. Она еще больше похорошела, расцвела, было заметно, что столичная жизнь ей на пользу. По улице разнесся аромат духов дочери или этого пижона Панджи. Старик пригласил их в дом, но они заторопились:

– Скорее в машину, отец! По пути и поговорим, – сказал Панджи, который скоренько усел в машину.

Только что сиявшую от радости душу Мергана Давана вновь накрыли черные тучи. «Брезгают, – промелькнуло в мыслях старика, – считают ниже своего достоинства заглянуть в одинокую хижину. Этот дом для них чужой, никого не вспоминают, не тоскуют».

– Вы езжайте, я сам доберусь, – произнес он.

– Да ну, перестаньте. Вы со своей арбой-развалюхой опозорите меня. Раз уж за вами заехали, садитесь наконец, – сказал Панджи, заводя свою машину.

Старик растерянно посмотрел на дочь. Она спокойно сидела в машине, откинувшись на спинку сиденья. Старик был вынужден сесть рядом.

Когда доехали до дома, где проходило торжество, хромой Якуб кинулся им навстречу, с распростертыми объятиями приветствуя богача Панджи, пригласив его в гостиную, где был накрыт стол для «важных» гостей. Мергана Давана он сделал вид, что не заметил. Даван неловко потоптался в передней, потом присоединился к другим «мелким людям» и сел на топчан почти у самых дверей. Молодые помощники, разносившие чай и угощения, принесли им по кашушке шурпы и чай. Старик Мерган съел ложку едва теплой шурпы. В это время кто-то выскочил из гостиной и заорал: «Эй, ребята, оказывается тут тесть Панджибая, ему дали что-нибудь поесть?» Для старика, который едва терпел такое отношение к себе, эти слова стали последней каплей. Он отодвинул от себя касу и, не обращая ни малейшего внимания ни на чьи слова, пешком ушел домой. С тех пор он никогда не садился в машину Панджи. Лучше нет его старой арбы и коня – ничего не требуют взамен и вполне соответствуют его статусу.

Коня можно считать отцовским наследством. Досталась ему тогда одна кобыла, а этот конь ее потомство. Когда он был молодым, игривым от жалающих стаях его хозяином отбоя не было. Но Мерган Даван объявил, что конь – его половина, и он вовсе не намерен кому-то отдавать его. Для молодого коня он раздобыл новую арбу. Сначала не жалея сил он возил зерно, хлопок, когда открылось управление общепита, его позвали туда на работу. Стал подвозить в столовые, полевые станы хлеб из пекарни, овощи со склада.

Работа кипела, Мерган трудился не покладая рук. Да и конь пахал вовсю. Однако

потихоньку руководители стали выражать недовольство телегой Мергана:

— Избавьтесь от этого пережитка старины, возьмите вот этот мотоцикл и отныне будете на нем развозить продукты; — приказал однажды директор. Мерган Даван не стал противиться. За один день научился ездить на выделенном ему «Муравье», и с того дня конь проводил свои дни, изливая душу столбу, к которому его привязали. Когда Мерган кормил коня, чувствовал, что тот не в духе. Но что поделаешь? Разве объяснишь руководству?

По правде говоря, конь оказался выносливее «Муравья». У того то там что-то сломается, то тут, и едва прослужив год, мотоцикл износился. Наконец и Мерган, и руководство смирились с судьбой. «Муравей» превратился в груды металлолома. А умелый Мерган устроил багажник «Муравья» на свою арбу, где соединил старое с новым. Снова горячий конь стал служить верой и правдой.

Даже в нерабочие дни Мерган Даван не расставался с конем и телегой. Он неизменно добирался со своими верными помощниками всюду, куда ездили люди на машинах и автобусах, вплоть до райцентра в сорока верстах пути. Вот тогда и получил он прозвище Даван. В каком году это произошло, уже никто не помнит. Чтобы попасть в райцентр, нужно преодолеть небольшой перевал. Зимой того года в самый морозиле, когда он доехал до перевала, разбухевшая буря, все дороги занесло сугробами, автобус, набитый людьми, и легковушка застряли в снегу. Увидев запаниковавших людей, Мерган остановился около автобуса. В легковушке была женщина, у которой начались схватки. Люди тревожились за нее, обсуждая, как можно побыстрее доставить ее в роддом. Мерган предложил свою телегу. Женщину положили в нее, конь без особого труда перебрался через перевал, а дальше Мерган гнал коня изо всех сил, и привез женщину в роддом вовремя. После этого случая к имени Мергана люди стали прибавлять слово Даван, то есть перевал.

А теперь всякий, кому не лень, ни на что не способный, кроме как сидеть в чайхане, подшучивает над ним. Их слова не слышит старик, но смысл их ясен как день. Это расстроило его. Пришло в голову пойти домой, зажечь печь, укутаться в теплое одеяло и полежать, забыв обо всем. Но, вспомнив, что сегодня у Байтуры-фермера свадьба, он изменил свое решение. Хотя Байтура Хамдам приглашал старика не очень настойчиво, но пойти надо, так как Мерган Даван и ныне покойный отец Байтуры были близкими друзьями. Когда Даван выдавал замуж младшую дочь, Байтура принес в качестве свадебного подарка мешок риса. Мерган Даван решил отблагодарить его и преподнести в подарок кое-какие деньги, которые он копил в узелке опояски, а то неловко как-то будет. Это тоже своего рода долг, а долги надо возвращать, не то еще один повод для насмешек будет. Но конь, виадь, совсем выбился из сил, еле тянет арбу. Старик выпряг коня, бросил немного сена, и ему стало не по себе от жалкого вида животного. Что-то он не ест, как прежде — ни аппетита, ни силе не позавидуешь. «Что с ним стряслось? — с опаской размышлял Мерган Даван. Может быть, притомился? Дороги грязные, непроходимые. Не дай бог, чтоб к нему какая хворь прицепилась. Ладно. Пусть отдохнет. На свадьбу сам пешком схожу, так тому и быть».

До дома Байтуры Хамдама расстояние приличное. Пока Мерган Даван добирался, подол его ватного чапана насквозь вымок в дорожной грязи. Руки окоченели от мороза. На свадьбу пришло много народу, конечно же, Панджи тоже был среди гостей, его веселый голос звучал громче всех, подбадриваемый Байтурой: «Ай да Панджибай, ты молодец».

— Папаня, уберите вашу праделовскую телегу с глаз долой, я вам куплю новехонькую машину, будете ездить в свое удовольствие, — говорю я своему тестю. Ну, нет же, этого на редкость упорного не уговоришь. Да бог с ним, пусть делает что хочет, но мне не нравится, что он может этим подмочить мою репутацию. Небось, скоро нагрянет на своем «Лимузине».

Мерган Даван был почти у дома Байтуры, когда рядом с ним проехала машина, обрызгав его грязью, и остановилась у ворот. Задняя дверь машины открылась, и появился Якуб хромой. Байтура Хамдам, как к родному отцу, побегал приветствовать его, суетливо помогая ему выйти из машины.

— Мы слышали, что вы побывали в дальнем путешествии, да будет благословенна ваша поездка, аксакал, — кланяясь, сказал Байтура Хамдам.

— Да, побывал, — по-барски ответил Якуб хромой. — Отдохнул на Черном море. Такие места увидел, что и во сне не снились. Насладился от души. Вокруг плещется вода. Пароходы гордо плывут, словно лебеди. Эх, чем сто раз услышать, лучше один увидеть. Тебе тоже не помешало бы съездить в те края. Надеюсь, закончились твои заботы-хлопоты? Обязательно поезжай. Человек, который не видел моря — не человек.

— Покорно благодарю, почтенный аксакал. После вашей поездки, у меня тоже появилась мечта. Вы сами не хотите еще раз поехать?

— Там я обещал, что снова приеду. Но чуть позже. Сейчас у меня другое более благостное намерение, сынок. Хочу совершить хадж. Думаю, будет совестно, если я не побываю в священной Мекке.

— Благороднейшее намерение, да благословит вас Всевышний.

Бойкие помощники со всеми почестями провели его в гостиную. Вслед за ним к воротам подошел Мерган Даван, поздоровался с Байтурой Хамдамом, поздравил со свадьбой. Дрожащими от холода руками вынул из пазухи свадебный подарок, Байтура не стал протягивать руку. Взглядом наметнул одному из своих прислужников, тот подбежал, взял деньги и записал в тетрадь. После этого старика пригласили в дом. «Все они из одного теста, черт бы их побрал!» – с обидой еле слышно бормотнул старик. А возле казана продолжал изгойаться Панджи.

– Его старая клыча с развалившейся телегой для папашки лучше всякой машины. Он разговаривает со своей лошадью любезнее, чем со мной.

Мергана посадили за накрытый стол, сделанный из железа. Скамейки тоже были железными, ничем не застелены. Как только сел старик, его еще сильнее затрясло от холода. Но сейчас его интересовала не холодная скамейка, а Черное море. Увидев старика, Панджи прекратил свои байки, подошел к нему и поздоровался.

– Вы один пришли, бать? – спросил Панджи, зажигая сигарету. – Хотел подвезти вас на машине, но дома не застал, – он оглянулся вокруг. – «Лимузина» вашего не видно что-то?

– Я пешком пришел, – ответил старик нахмурившись. – Не хотел уронить ваш авторитет, сынок.

Мороз пробирал до костей, Мерган Даван больше не мог терпеть и, ни с кем не попрощавшись, ушел домой. Панджи в это время был в гостиной с важными людьми. Никто не вышел проводить старика. Добравшись домой, Мерган Даван первым делом пошел в стойло. Конь был совсем никудышним, к сену почти не притронулся. В душу старика пробралась тревога.

– Не делай этого. Прошу тебя, не делай, – дрожа обратился он к коню.

Потом зашел в дом, открыл печь, в которой еще теплился остаток утреннего огня, печка была тепленькой. Как только бросил в нее несколько щепок, разгорелся огонь. Выпил пиалку горячего чая из термоса. Однако его озноб все не проходил. Постелил засаленную скатерть, съел пару кусков черствеего хлеба, макая их в чай. «Моя лоскутная скатерть куда лучше, чем ваша скатерть-самобранка накормит меня. Я бы и не пошел, если бы не долг. Слава богу, избавился от него. Хорошо, когда никому не обязан. Даже в пруду тебя вода выдержит, если на ногах тяжести нет», – подумал он продолжая жевать. Оттого, что старик сидел близко к печке, стал подсыхать его чапан, но озноб не проходил. Он еще ближе подвинулся к печке и лег, укрывшись ватным одеялом. За окном воет ветер, в унисон ему трещит в печи огонь. «Почему он такой зловещий, этот ветер?» – подумал старик. Небо покрылось тучами, казалось вот-вот пойдет. От этих мыслей стало тревожно за лошадь. Хотел еще раз пойти к ней, но подняться не хватило сил. Холодная постель стала теплой, старик вспотел, вымок до нитки от пота, стал бредить. Только теперь он понял, что простудился. «Ничего страшного, пройдет. Я вынесу, бывало еще хуже», – шептал он.

Когда-то его жена, как мотылек, кружила над его головой, когда ему нездоровилось: укрывала одеялом, поила горячим чаем, окуливала комнату гармалой. Дочки помогали маме, шептались, вертели вокруг нее. Сейчас Мергану захотелось снова увидеть всех. Он протер глаза, огляделся по сторонам. Вот это да, жена как всегда копается во дворе. Хоть и нет никакой работы, старая всегда чем-то занята.

– Эй, дочь сапожника, прекрати свою возню. Подойди-ка сюда, лучше налей мне пиалку чаю, посиди со мной, поговорим немного, – гаркнул старик.

А жена, не обращая внимания, продолжала копошиться. Девчухи играли в салочки, поднимая на уши весь двор своим веселым криком. Мерган Даван засиял:

– Девчонки мои, мои куколки, – позвал он их.

Похоже, девочки его не услышали, продолжая играть. Старик потянулся к ним, желая приблизиться, поиграть с ними, поцеловать их маленькие ручки. «Ах, началась буря, они же просят!» – старик с испугом посмотрел в окно. Напрасно он сделал это. В один миг все исчезло, превратилось в дым. В доме кромешная тьма, из окна не видно света, огонь в печке ослаб, лишь иногда потрескивает. За окном буря утихла, тихий шорох указывал, что начался снегопад. Старик Мерган закрыл глаза в надежде вновь увидеть дочерей. Но его потускневшие глаза погрузились во мрак. Дом в непроглядной мгле, осиротевший двор... Ни одной живой души.

– Где же они? – чуть ли не в слезах прошептал он. – Где же мои родные, самые сладкие на свете? Почему так быстро оперились и улетели мои птенчики? Зачем же им нужно было так спешить? Играли бы себе во дворе в свое удовольствие.

Горько стало Мергану Давану. В горле запершило, глубокая печаль охватила его. Надеюсь увидеть дочерей, он снова оглянулся. Но на этот раз перед его глазами предстала совершенно иная картина. На большой поляне собралось много людей. На середине накрыт большой стол. Праздество в разгаре. На самом почетном месте Якуб хромой, в середине богат Панджи, рядом расположились вся знать, в самом низу Байтура Хамдам. Якуб хромой с гордостью рассказывает, как он плавал в Черном море. Другие, приветствуя его, поднимают тост. Все оказывают почтение: один подает чай, другой ставит перед ним вкусное блюдо, третий готовит для него кальян... В это время кто-то заметил Мергана Давана.

— Вон тот, что стоит насупившись, это Даван? Позвать его что ли? — спросил кто-то.

— Да ну его, он никогда в жизни не видел Черного моря. Человек, который не видел моря — не человек, — надменно заявил Якуб хромой.

Мерган Даван вскипел. Зашел в стойло, внимательно посмотрел на коня. Скакун готов был полететь. Мерган вывел его, основательно нарядил. Осмотрел копыта, рукавом чапана протер до блеска подковы. Грива его засверкала, с копыт будто сыпались искры. Мерган Даван вскочил на коня. Конь мотнул головой, словно спрашивая куда лететь.

— Вон те побывали на Черном море, — сказал Мерган Даван, — ну и пусть! Мы уступим им Черное море, а сами помчимся на Белое море, мой крылатый, на Белое море. Преодолеем перевал, преодолеем все перевалы, которые встретятся нам в пути, сколько бы их ни было! И доберемся до Белого моря. Белое море оно наше, добраться до него можем только мы. Никто из них не сможет добраться до нашего моря. Потому что у них нет таких верных коней, как ты. Сколько я себя помню, я носил грузы, а ты тянул телегу — вся наша жизнь прошла в труде и заботах. Отдохнем теперь пару дней. Искушаем в Белом море, побегам по белому песку на берегу. Будем гнаться за морскими ветрами. А когда вернемся, расскажем, как мы побывали на Белом море. Пусть только попробуют с нами не считаться...

Мерган Даван поторопил коня, он, словно ждал этого, помчался пулей. Остались позади пирующие хромые Якубы. Остались за тысячу верст черноморские приключения и черные тучи на небе, преодолевали перевал за перевалом. Постепенно небо становилось чистым, безоблачным. Как только преодолели последний перевал, перед взором раскинулось Белое море. Шумело и колыхалось море белоснежное. Сверкающие белые волны бились о берег. Серебристо-белый песок слепил глаза, полыхая в лучах солнечного света. Мерган Даван ринулся в море. Конь поскакал по белому песку. Шелковая грива блестела золотым огнем. Море шумело. Волны спешили одна за другой, ласково целуя берег. Мерган Даван бежал за волнами, желая догнать их. Чуть дальше он заметил своих девчушек с коротенькими косичками, которые строили домики из песка. Сердце затрепетало, и он торопливо устремился к ним. Но в тот миг девочки исчезли бесследно. Мерган оглянулся и увидел только своего бегущего коня. Конь мчался по берегу, резвился, скакал. Потом он, видимо, устал, остановился и бросился в море, и волны накрыли его.

— Вернись, вернись мой резвый, мой крылатый. Не делай этого, прошу, — вскрикнул Мерган Даван и, чтобы спасти коня, нырнул в море.

В горле у Мергана Давана пересохло. И в это время снова все бесследно исчезло. Тусклый свет в окне предвещал начало нового дня. Старик налил немного чая из термоса и выпил. Печка остыла, не слышно ни звука. Снаружи — мертвая тишина. Вспомнил коня и поспешно встал. Двор занесло плотным слоем снега, скрипящего под ногами. Старик пошел в стойло. От ледяной крови зрелища на мгновение оторопел. Конь лежал неподвижно, вытянув ноги. На глаза Мергана Давана навернулись слезы. Старик прислонился к кормушке, и бессильно присел. Глаза его верного друга остались открытыми, Мерган смотрел в них, и многое ожило в памяти.

— Я же просил тебя не делать этого, — сказал он с болью. — Теперь я совершенно без ног, — он тяжело вздохнул. — Что поделаешь, знать таково доля. Может быть, ты и правильно поступил... Кто бы тебя похоронил после меня? Не вытерпела бы моя душа, если бы тебя разрубили на куски.

В глубокой скорби он погладил гриву коня. Никогда она уже не будет сверкать золотом, жизнь в ней угасла. Тело коня уже успело остыть, оставалось лишь одно — предать его земле. Не каждому коню выпадает такая участь, часто думают, что животные созданы для того, чтобы стать пищей для всеядных живоделов, пацалышников.

— На этом свете нет никого, кто был так предан мне, как ты, мой резвый, мой сильный, — сказал вставая старик, смирившись с судьбой. — Никто меня не понимал, никто не хранил мои тайны так, как ты, лишь с тобой я делился всеми своими бедами...

Снегопад кончился, но небо все еще хмурилось. Мерган Даван долго вертелся вокруг стойла. У него не было никакой уверенности, что он один сможет погрузить труп коня на телегу. Но иного выхода не было. Он мысленно перепробовал тысячи способов. То подходил к коню, то возился у телеги. Наконец его осенило. Словно небесные силы вознамерились помочь ему. Он выкопал яму с пологими стенами возле стойла, спустил в нее телегу и... из последних сил толкнул туда мертвое тело коня. Затем поволол телегу в сторону холма на окраине кишлака, не останавливаясь ни на минуту и не оглядываясь. Снег доходил до колен. Старик даже не стал прикидывать, где пролегают дороги, по которым он ходил всю жизнь, а пошел напрямик по полю. На этом поле, укутанном снежным покровом, не видно было ни домика, ни дерева. Широкое заснеженное поле показалось старику белым морем. Ему казалось, будто он идет по белому морю, идет и тянет за собой огромный корабль. «Вот, вот оно Белое море мое, — подумал он. — Но почему оно не шумит? Почему нет прибоя? Где же волны его? Или же мое море замерзло, может, оно замерзает? Да, пожалуй, это так. Вероятно, замерзает. Иначе я бы столько не мучился с телегой». Прохладный морской ветер дул

в лицо. Он даже представить себе не мог, какими холодными бывают морские ветры, как они могут больно шипать за щеки. Старик сейчас вспомнил об этом и невольно улыбнулся.

Вскарабкавшись на холм, Мерган Даван перевел дыхание. Обернувшись, бросил взгляд в сторону кишлака. За исключением пары-тройки домов, из труб которых медленно полз в небо дым, вокруг никаких признаков жизни. Всех объял предрассветный сон. «Люди спят, – сказал вздохнув старик. – Пускай поспят. Ведь они должны продолжать жить. Должны собраться с силами, чтобы жить».

Следы Мергана Давана нашли ближе к вечеру. Панджи оставался ночевать у Байтуры Хамдама. После обеда он взбодрился, попросился и вышел. Перед отъездом в город захотел зайти к тестю. Однако не было там ни старика, ни коня с телегой. Наверное, как всегда бродит где-нибудь, решил он. Но от того, что все двери в доме и даже ворота остались открытыми, заподозрил неладное. Сходил к соседям, поспрашивал. Не сидеть же сложа руки, если сам Панджи занялся поиском. Все принялись искать Мергана Давана. Спустя время обнаружили следы человека и телеги, которые вели через голое поле прямо к холму. Утренний ветер быстро стих, не успев замести следы, они были четкими. Начался галдеж. Каждый судил и рьял по-своему.

– Что это такое, – сказал хромой Якуб, который поспешил на место происшествия, как только до его ушей дошел слух, – следы телеги? Стало быть, телегу ташил сам Мерган?

– У старика крыша съехала. Чтобы не тяжело было его лошади, он сам потащил арбу вместе с нею, – сострил другой.

– Э, тут нет следов лошади, только следы человека и арбы.

– Тогда куда подевалась лошадь?

– Видать, появились крылья и упорхнула.

– Да уж, она же еле копыта переставляла, не то, что летать.

Все направились по следам в сторону холма. Сразу за холмом перед ними предстала свежая и довольно большая могила. Те следы кончались у этой самой могилы. Вот и все, дальше бескрайнее поле, покрытое белым снегом, и не видно никаких следов. Народ был озадачен не на шутку.

– Этот безмозглый старик сам себя похоронил, что ли? – бросил Якуб хромой.

Люди вроде были согласны с его предположением.

– Да не может быть, – резко оборвал их Панджи. – Тогда где же лошадь и арба? Вы где-нибудь заметили следы копыт? Связываться с такими скудоумными, как вы, нет проку.

– Может быть, у Давана сломалась лошадь, старик закопал ее здесь и ушел обратно? – оборвал кто-то.

– Ладно. Допустим, он закопал ее. Но тогда мне ответьте, куда запропастились старик и телега, а? Испарились? Следы шли лишь в одном направлении, и кончаются они здесь, обратно никто не ушел, – вспыхнул Панджи. – Старик тоже хорош. Теперь стыда не оберешься. Откуда ему знать, что штуку, называемую авторитетом, за один день не заработаешь. Взял и ушел молча, как маленький ребенок, черт возьми. Не дай бог, эта гнусная весть долетит до города.

– Если его кто-то обидел, сказал бы нам, мы бы ему показали, где раки зимуют, – проговорил пришедший самым последним Байтура Хамдам. – Вроде вчера он был у нас на свадьбе. Или мне показалось? Короче говоря, я видел его где-то краешком глаза. Он был весь в грязи.

– Да не обиду вам будет сказано, уважаемый Панджибай, но ваш тесть странный человек, – с чванливой улыбкой сказал Якуб хромой, – может, он обиделся из-за того, что дома есть нечего, и ушел? Коли так, дал бы знать, мы бы заполнили дом едой. Для нас нет дорожке богоугодных дел. Чтобы наши деяния были угодны богу, мы сумеем прокормить одного голодного.

У Панджи выражение лица стало таким, будто скулы свело от кислого:

– Дед Якуб, такие богоугодные дела мы сами умеем совершать. Старик никогда не оставался голодным. Он был в силах прокормить даже нас с вами.

– Да неужели?

Их разговор прервал Байтура Хамдам:

– Надо найти старика, а ваши богоугодные дела могут подождать. Сейчас самый главный вопрос – куда исчез Мерган Даван?

Начало смеркаться. Люди вернулись в кишлак в раздумьях.

– Мерган Даван жив, ходит где-то, волочит свою арбу. Как только что-нибудь проявится, мы тебя оповестим, – односельчане успокоили Панджи и отправили в город.

Всю ночь жители кишлака не сомкнули глаз, размышляя об этом загадочном исчезновении. Даже если удалось ненадолго заснуть, им снились те одинокие следы до могилы на холме. Других следов нет. А за холмом раскинулась замерзшая белоснежная бескрайность, напоминающая море. И на следующий день, и потом, сколько бы ни думали, так ничего толкового и не смогли придумать, что навело бы на след старика. Но Мерган Даван не мог вот так просто исчезнуть. Он же не птица, чтобы улететь, и не песчинка, чтобы его водой смыло. Он – человек. Он – ЧЕЛОВЕК. Может быть, как люди говорят, он на самом деле где-то ходит, не давая о себе знать... в поисках белого, белоснежного моря.

литературоведение и литературная критика

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ А. ВАСИЛЬЕВОЙ

Интересным фактом в современной русскоязычной литературе Узбекистана является творчество А. Васильевой, наиболее известные произведения которой: романы «Время осенних птиц», «Возвращение в эмиграцию» и цикл «Фантастические новеллы» – вызывают исследовательский интерес. Первое произведение опубликовано в журнале «Звезда Востока», второе – представлено и в журнальном варианте и отдельным изданием, последнее размещено на литературном сайте Совета по русской литературе Союза писателей Республики Узбекистан. Что касается заглавия цикла А. Васильевой «Фантастические новеллы», необходимо отметить, что обозначение является двучастным: включает жанровое понятие «новеллы» и его определение «фантастические». Учитывая это, автор данной статьи остановится на четырех важнейших аспектах исследования жанра: теоретическом, историческом, национально-специфическом и индивидуально-авторском, предполагающем анализ художественного произведения.

В теоретическом аспекте жанр «новелла» на сегодняшний день явление, переживающее процесс становления. Первоначально теоретическое осмысление новеллы вызвало особый интерес представителей русской формальной школы. В частности, разрабатывая теорию новеллы на примере творчества О'Генри, Б. М. Эйхенбаум с удовлетворением замечает: «точно О'Генри прошел сквозь «формальный метод» в России и часто беседовал с Виктором Шкловским»¹. Примечательно, что, анализируя историю новеллы в русской литературе, Б. М. Эйхенбаум предлагает рассматривать в качестве аналога новелл О'Генри «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Причем, называет это фактом «русской беллетристики», основанием же для сопоставления выбирает пародийный смысл: «их основной литературный смысл (по существу пародийный) – в неожиданных и подчеркнуто-благополучных концах»². Если применить этот признак по отношению к «Фантастическим новеллам» А. Васильевой, то следует отметить, что все они, кроме новеллы «Дирижабль», действительно, имеют неожиданный и подчеркнуто-благополучный конец. Можно даже сказать, что концовки нарочито реалистические с эффектом общности. В первой новелле «Дверь» это просто одно предложение – констатация факта: «Двери не было»³; в новелле «Фантомас» специально введена арготическая лексика «неуд»: «Одно знаю точно: впредь, никогда, ни при каких обстоятельствах, даже если весной на экзамене он мне залепит «неуд», я не назову Евгения Михайловича Кудрявцева Фантомасом». В

**Оксана
ГИБРАЛТАРСКАЯ**

Родилась в 1978 г. Окончила факультет зарубежной филологии НУУз. В 2010 г. защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук. С 2013 года работает заведующей кафедрой мировой литературы в НУУз.

¹ Эйхенбаум Б. М. О'Генри и теория новеллы // http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry_intro.html

² Там же.

³ Васильева А. Фантастические новеллы // vasilyeva.dax.ru. Далее все ссылки даются по этому электронному варианту.

новелле «Экстрасенс» концовка напоминает сказочную: «А у Екатерины Андреевны и Николая Борисовича ровно через год и два месяца родился сын. Назвали мальчика Станиславом». Особый финал в новелле «Дирижабль». С одной стороны, он предельно трагичен: «– Костя! Назад! – завопил он, назвав Благого так, как никогда, даже в мыслях не называл. Но Костя не успел. Часть перекрытый вместе со стеклами рухнула и сбила его с ног». Далее нет никаких пояснений, но можно догадаться, что кровля ангара, состоящая из перекрытий и стекол, нанесла тяжелые телесные повреждения. Улетевший Игорь, если верить словам Благого, никогда не сможет опуститься на землю, и мечты Аристарха Ивановича никогда не осуществляются. С другой стороны, можно сказать о возрождении души в очень деловом, предельно прагматичном Аристархе Ивановиче Икорникове, поскольку в экстремальной ситуации, пытаясь спасти изобретателя, подарившего ему надежду, мечты, всю разнообразную гамму чувств, он назвал его «так, как никогда, даже в мыслях не называл». О правомерности такой интерпретации финала свидетельствует начало произведения: «Аристарх Иванович Икорников пребывал в благодушном настроении. Если бы не это слегка расслабленное состояние души, посещавшее его в те дни, когда удавалось получить или выполнить крупный государственный заказ, вряд ли бы он позволил впустить в свой роскошный, изумительно и со вкусом обставленный кабинет Константина Федоровича Благого, изобретателя». Но если вначале это было просто «благодушное настроение», «расслабленность», то в финале это крик человеческой души. Поскольку это все не эксплицировано в тексте, но выявляется из контекста, финал можно назвать открытым.

Для выявления специфических жанровых черт новеллы некоторые исследователи проводят сравнительный анализ с рассказами, повестями и даже с романами, но вопрос, насколько правомерно ставить знак равенства между повестью и новеллой, остается открытым. В то же время исследователи творчества И. С. Тургенева без особых оговорок, анализируя «последние повести» писателя, называют свои работы «Тургенев-новелист». А. Б. Муратов пишет: «...попытка выявить специфичность тургеневской повести принадлежит А. В. Пумпянскому, который рассматривал тургеневские произведения «малого» жанра как новеллы, созданные под западноевропейским влиянием»¹. В работе А. Б. Муратова особое внимание уделено «таинственным повестям», в частности, «Сон», «Песнь торжествующей любви», «Клара Милич». Вычленение в этих произведениях таких структурных элементов, как сон, таинственность, позволяет утверждать о традиции фантастического изображения в русской новелле. В отношении цикла «Фантастические новеллы» следует подчеркнуть, что в произведениях А. Васильевой природа фантастического всегда логически объяснима, но в то же время до конца не ясна. Так, не до конца понятно, откуда взялась и куда исчезла дверь, погиб или нет изобретатель Константин Федорович Благой, кем был «знаменитый поэт», разгадавший тайну серебряного кубка.

В работах, посвященных рассмотрению романа и новеллы, отмечается: «Роман и новелла – формы не только не однородные, но внутренне-враждебные, поэтому никогда не развивающиеся одновременно и с одинаковым напряжением в одной и той же литературе. Роман – форма синкретическая ... новелла – форма основная, элементарная ... Роман – от истории, от путешествий; новелла – от сказки, от анекдота»². Посредством сравнения Б. М. Эйхенбаум выводит основные жанровые особенности новеллы: противоречие, контраст, малый размер и сюжетное ударение в конце – и приходит к выводу: «Такого рода условия создают нечто совершенно отличное по цели и приемам от романа»³. М. А. Петровский указывает, что новелла, как короткий рассказ, рассчитана на непрерывность и единство эффекта, на прочтение (или прослушивание) «в один присест», словами Эдгара По. Новелла обозрима единым актом, и эта обозримость постулирует специфическую структурность новеллы, вследствие чего архитектура в ней должна рассматриваться как не только не безразличный, но как существеннейший момент ее организации»⁴. Таким образом, М. А. Петровский подчеркивает не линейность развития сюжета, как Б. М. Эйхенбаум («ударение в конце»), но целостность, «центристичность» новеллы. Также

¹ Муратов А. Б. Тургенев-новелист. – Л., 1985. – С. 5.

² Эйхенбаум Б. М. О Генри и теория новеллы // http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry_intro.html

³ Там же.

⁴ Петровский М. А. Морфология новеллы. // <http://www.fiercest.ru/m-a-petrovskii-morfologiya-novelly>

М. А. Петровский акцентирует внимание на архитектонике и считает, что новелла дает возможность для универсального структурирования.

Рассмотрению исторического аспекта развития жанра новеллы посвящены работы Е. М. Мелетинского «Историческая поэтика новеллы», Ю. Н. Тынянова «Поэтика. История литературы. Кино» и др. Исследователи отмечают, что для новеллы, как доклассической, так и классической, характерно использование сюжетов других жанров. К примеру, средневековая новелла развивает фольклорное наследие, используя одновременно легенды, фрагменты святого писания, исторические анекдоты, восточные апологии, античные басни, классическая обращается к фавлю, новеллино, провансальским новас, притчам, ехемпра, легендам, хроникам, рыцарским романам, античным сюжетам.

В «Краткой литературной энциклопедии» основой жанра новеллы называют анекдот: «В основе новеллы попросту мог лежать анекдот, но именно искусной строгостью своего построения новелла преобразовывала анекдотическое содержание и придавала ему особую значительность и типичность в формах самой нетипичности, необыкновенности»¹. Таким образом, новелла – это не просто анекдот, но определенное преобразование. Термин «фантастические новеллы» обладает некоторой смысловой избыточностью, поскольку в новелле «невероятное становится знаком обычного и типичного, мелкое и пошлое раскрывается как страшное и таинственное»²; новелла «сосредоточена на исключительном и удивительном, в сущности, неожиданном событии»³. Но лучшего определения современная наука пока предложить не может и словосочетание «фантастические новеллы» прочно закрепилось в терминологическом аппарате литературоведения. На наш взгляд, неправомерно выделение «новелл-сказок», «новелл-быличек», «готических новелл», «новелл-мифов» и их модификаций, т. к. в их основе лежит таинственное, сверхъестественное – мистическое.

Сложность исторического осмысления жанра новеллы связана не только с объективными причинами, но и с национально-специфическими: «В русской литературе короткая новелла появляется, вообще, только временами, как бы случайно и как бы только для того, чтобы создать, переход к роману, который принято у нас считать более высоким или более достойным видом»⁴. В данном случае, на наш взгляд, необходимо согласиться с Б. М. Эйхенбаумом, поскольку повести А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, О. М. Сомова, И. С. Тургенева объемом около 20 страниц нельзя называть короткой новеллой, которая читается «в один присест».

Особое место в русской литературе занимает символистская новелла. Это явление рассмотрено в статье О. Е. Тимофеевой «Итальянские» новеллы символистского журнала «Весы»: проблематика и поэтика». Автор считает, что, стремясь создать новую прозу, не похожую на реалистическую и натуралистическую, символисты обращаются к культуре прошлого, в частности, художественному наследию Запада – к жанровой традиции итальянской новеллы: введение итальянского культурного текста – названий городов, исторических фактов, образов, мотивов. В новелле А. Васильевой «Обручение» также есть названия знаковых городов: «Он говорил о войне с Венецией, обескровившей богатую и могучую Геную». Здесь можно провести прямую параллель с произведениями В. Брюсова, которые вошли в сборник «Повести и рассказы», новеллы – «Под старым мостом» и «Голубые глаза и черные волосы»⁵.

В произведении «Под старым мостом» представлена ситуация, характерная для средневековья. Об этом можно догадаться по таким значимым деталям, как: «Трубите, вот ваш государь, Антонио III», «Придворные склонились пред Антонио», «воскресла пышность и роскошь, быстрой вереницей промчались дни торжеств и всеобщего поклонения»⁶. В произведении «В подземной тюрьме» существует специальный подзаголовок «По итальянской рукописи начала XVI века». Кроме того, в тексте есть упоминание термина «новелла»: «повторяла новеллы Поджо и Боккаччо»⁷. Видимо, совокупность всех этих фактов дала основание в аннотации к сборнику отметить:

¹ Краткая литературная энциклопедия. – М., 1971. – Т. 5. – С. 306.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Эйхенбаум Б. М. О Гёте и теория новеллы // http://www.opojaz.ru/ohenry/ohenry_intro.html

⁵ Гречишкин С. С., Лавров А. В. Примечание // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. – М., 1983. – С. 342.

⁶ Брюсов В. Я. Под старым мостом // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. – М. 1983. – С. 27.

⁷ Там же. – С. 36.

«стилизованная под старинную хронику историческая новелла»¹. На наш взгляд, в цикле А. Васильевой «Фантастические новеллы» именно такая стилизация представлена в произведении «Обручение»: «Зал был наполнен людьми – кавалерами, дамами, в роскошных средневековых одеяниях. Волоча за собой тяжелые шлейфы, сверкая драгоценными камнями на запястьях, на лифах, в переплетениях сложных причесок, дамы степенно и плавно скользили, переходя от одной группы к другой, и кавалеры при их приближении отдавали глубокие и почтительные поклоны. Они говорили о чем-то, их губы шевелились, то на одном, то на другом лице появлялись улыбки, но до нее не доносилось ни звука, словно явившаяся ее взору картина происходила за толстым стеклом, хотя на самом деле никакого стекла не было». Особое внимание автор уделяет изысканному утонченному описанию: «Ее лазурного цвета тяжелое бархатное платье было расшито золотыми цветами, драгоценные броши удерживали на плечах мантию насыщенного темно-синего цвета, на груди и по неглубокому квадратному вырезу ослепительно-белый лиф украшали сапфиры, а заплетенные у висков и уложенные в замысловатую прическу косы перевиты жемчужными нитями».

Особое место в структуре новеллы занимает сон как возможность прорыва в мир иной. В новеллах В. Брюсова сон выступает как путь к ирреальному. В частности, в произведениях «Теперь, когда я проснулся...», «В зеркале», «В башне», «Бемоль», «Мраморная головка» вводится сон, который позволяет героям уйти от «реального» мира к «реальнейшему», то есть к фидеальному миру вечных ценностей. В произведениях В. Брюсова до конца не ясно, где сон, где явь. В «Фантастических новеллах» четко проведена грань: «Тогда она поняла, что все, произошедшее минуту назад – зал, нарядные дамы и кавалеры, герольды, старик и прекрасный рыцарь – все это было странным, не улетевшим из памяти, как это часто бывает при пробуждении, сном». Хотя в финале произведения возникает двоякая ситуация: сначала героиня пытается примириться с реальностью и даже подтрунивает над собой: «Он спал, а она вглядывалась в его спокойное, обращенное к ней полупрофилем лицо, светлым пятном выделявшееся на фоне темной стены, искала хоть мимолетную черточку сходства с тем, другим, очарованным рыцарем из сна и не находила. Она чуть не рассмеялась вслух, так насмешила ее попытка отыскать сходство между сном и явью. И вдруг поймала себя на том, что смех мог получиться не совсем веселым». Затем без особых комментариев нам дан очень неоднозначный финал: «Она вздрогнула, быстро отняла руку и поднесла к лицу. На безымянном пальце ее сияло бирюзовое колечко в тонкой золотой оправе искусной старинной работы».

Таким образом, если суммировать сказанное выше, то следует отметить, что в цикле «Фантастические новеллы» А. Васильевой аккумулировалось традиционное представление о том, что в центре новелл – противоречие, контраст; для новеллы характерен малый размер и сюжетное ударение в конце, в то же время центристичность и структурность; новелла рассчитана на непрерывность и единство эффекта. Реализованы эти постулаты на различном материале: от истории в горах Средней Азии до «американской трагедии», что придает ощущение новизны. Это является индивидуально-авторской особенностью, но в то же время и характерной тенденцией современной русской новеллы.

¹ Брюсов В. Я. Под старым мостом // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. – М. 1983. – С. 2.

литературоведение и литературная критика

ОБРАЩЕНИЕ БЫТА В БЫТИЕ

Тема Востока с наибольшей полнотой выявляет неразрывность нравственных и эстетических начал, связывающих русскую и восточную поэзию. Проницательный взгляд русских поэтов искал на огромных пространствах, раскинувшихся от Кавказа и Персии до Средней Азии и Индии, не только экзотику и чудеса, но и духовные качества, которые были созвучны русскому читателю.

Как отмечают многие исследователи, это был не только интерес, свойственный одной культуре к другим, весьма далеким культурным мирам, но и активное творческое сосуществование, иногда перевоплощение лирического героя в инонациональный характер. В этом опыте, составляющем суть подлинной художественной ориенталистики, они усматривали отражение весьма своеобразного явления – «двунациональности» поэта.

Подлинным феноменом поэтического воплощения темы Востока является творчество А. Файнберга. С одной стороны, поэт – внутри культуры Востока, с другой стороны, он одновременно и параллельно представитель и носитель русской культуры. Два культурных мира, два концептуальных пространства, две линии мышления органически, в силу образа и места жизни, пересеклись и синтезировались в творческом сознании художника. Экзотическое обрело плотную фактурность реального бытия, а бытовое, каждодневное с наслаждением вдохнуло сладкий воздух поэтического, чуть загадочного и экзотического.

Восток – одна из основных поэтических тем Файнберга, и то, что во всеобъемлющем понятии Родины именно Востоку поэт отводит главную роль, еще раз подтверждает мысль о том, что слияние двух культурных потоков создало качественно новое художественное пространство.

Начиная с ранних стихов, Файнберг последовательно утверждал намерение – не замыкаться исключительно на личном начале, выходить за пределы самоанализа, расширять границы поэтического обзора. Поэта привлекает мир в том ракурсе, который дает возможность ставить и художественно решать проблему «я и моя Родина как мир моего бытия». Естественно, в юношеской лирике эта установка была реализована в основном либо в изобразительном, либо в экспрессивном решении.

«Я обожаю утренние рынки...» (1965) – так начинается одно из стихотворений Файнберга в его первой книге «Велотреки». Лирический герой здесь предельно эмоционален.

Пока ему не очень важен сам предмет обожания – *утренний рынок*. В экспрессии его высказывания доминирует сосредоточенность на собственном *Я*. Однако сила его эмоций настолько заразительна, а палитра звуков и ощущений прохлады летнего утра столь узнаваема, что захватывает читателя. А вот в «Самаркандском базаре» (1978) те же эмоции уже четко мотивированы прелестью и самобытностью описываемого объекта. Самаркандский базар – это особый мир, живущий по своим законам. Лирический

**Галина
МАЛУХИНА**

Родилась в Подмосковье в 1952 г. Окончила филологический факультет ТашГУ (ныне НУУз). Работала в редакции газеты «Новая жизнь» в Омске. С 1970 г. преподавала в госуниверситете им. Низами, затем до 2010 г. в НУУз. Автор многочисленных литературоведческих статей и монографии «Поэтический прииск А. Файнберга».

герой поражен его обилием и разнообразием. Используемая гиперболизация представляется вполне уместной, колоритные образы вызывают у героя то фольклорные, то мифологические ассоциации.

Праздничную атмосферу дополняют яркие краски и сочные звуки: *не умолкает крик осла, // кричит павлин, звенят вязанки перца, // трубят карнаи, на солнце золотится рис, // горит кувшин чеканкой лучезарной и др.* Поэт расширяет границы пестрого базарного мира: до грандиозных масштабов вселенской радости: *...да не исчезнет ваш базар во веки! // Вселенской мены дивный образец.*

Тот же мотив воплощен в «Старой песенке» (1967). Базар в ней не просто место торга, а большой мир, где песня поэта вливается в общее «*море плеска разных голосов*». В «Картинке Самаркандского базара», опубликованной в сборнике стихов «Невод» в 1986 г., самаркандский базар по-прежнему исполнен чарующими звуками, расцветен яркими красками, правда, система новых мотивов углубила и усложнила изображаемое. Введение сюжета о мастерской с названием «Два грузина» вскрывает целый пласт образных структур: это и образ Востока как перекрестка путей многих культур:

*А над «хмели», над «сунели»
минаретов старина.
Два потомка Руставели
среди потомков Уйгуна.*

Это и столь часто связываемый с Востоком образ мастерства: *Залатаем умывальник, // Спишу вставим в колесо.*

Игривый повтор – «*а над хмели*», «*над сунели*» и необычное ударение в имени узбекского писателя Уйгуна обнаруживает и третьего участника культурного контакта, состоявшегося на Самаркандском базаре – русского, чувствующего себя совершенно своим, «внутренним» человеком этой радостной картинки, созданной им самим. Неожиданный, казалось бы, сдвиг в сторону Руставели, Уйгуна и старинных минаретов обретает особую образную нагрузку: история не только летопись и хронографы, но и то, что за нашей спиной и в нас. Это тень, падающая на тех, кто торгует в тени минарета, это причудливая линия наследства, сближающая умельца-грузина с его великим духовным предком.

Другая сфера внимания поэта, другая сторона пересечения культурных миров – это родной город и его реалии: речонка под названием Салар... и охапка пылающих листьев с 5-го проезда Жуковского, и Болгарские огороды, Первушка, вокзал и старый парк за железной дорогой – бесспорно, истощающе поэтически преображенные в лирике Файнберга.

Слияние души поэта с милой сердцу Азии находит отражение в одном из ключевых образов его творчества – *дворике*. С проникновенным лиризмом он воплощен в стихотворении «Восточный двор с кривой луною...» (1986) прямо апеллирующему к восточной специфике. Признаки условного замещения позволяют расширить пространство восточного дворика с *кривой луною*, представить его как первое, начальное звено цепи пейзажных зарисовок, воссоздающих удивительную по своей красоте и разнообразию мозаику среднеазиатской природы. Перспективы обзора все увеличиваются: *двор, сад и далее ночь*, объемлющая весь мир и персонифицированная в *хозяйку ледовых гор*, которая льет прохладу в долину зноя. Во второй строфе возникает образ поля, утоляющего жажду. Это ключевой образ поэтического текста. Поле тоже живое, оно *вздыхает, отходя ко сну*, и потому так естественно сравнение, отождествляющее поэта с уставшим тружеником – полем: *Вот так, Бог даст, и я однажды // порой полночью вздохну.*

В финале стихотворения снова возвращение к образу двора и снова безмерное расширение пространственного видения мира:

*Пусть мало радостей бывало,
зато светила мне всегда
в проломе старого дувала
моя – не чья-нибудь звезда.*

Так малый мир узбекского дворика оказывается связанным с Родиной и судьбой.

Мир малой Родины, ее простота, привычность находит горячий отклик в душе поэта. Значимость самых простых деталей: *обветшалый дувал, кисти сирени, жасмина, журчание воды в арыках*, провинциальная *зеленая улочка* – создавали ясный и четкий образ места, с которым невозможно порвать связь, куда бы ни забросила судьба. Подобный подход полностью соответствует творческой установке Файнберга.

В 70-е гг. открытый взгляд поэта на мир дополнился аспектами: объективным восприятием родного Востока, расширением пространственного и углубленного вхождения во временные перспективы мироздания. Объектом поэтического воплощения становится обычное, каждодневное. Но бытопись пронизывается глубоким поэтическим переживанием, перерастает в описание бытия в бытийность.

Очевидна и органична связь с миром Востока в пейзажных зарисовках Файнберга. Его пейзажи реалистичны и непосредственно связаны с реальной Средней Азией. Среднеазиатская специфика проявлялась у поэта в конкретной образности, где ландшафт и внутренняя жизнь лирического Я сопрягаются с идеей Родины.

В поэтических пейзажах «Памир» (1986), «Над страной черноглазой...» (1978), «Чертов лог» (1982) горы – модель высшего творения природы. Зная горы, их красоту и опасность, А. Файнберг поэтически воплотил незримую внутреннюю жизнь того, о чем трудно рассказать, но можно почувствовать, духовно постичь. Так протяженность горного массива определялась восторженным чувством лирического героя, который всем своим существом впитывал открывающуюся картину, наслаждался ею, фиксировал всеми чувствами ее неизменные качества: острый запах снежной свежести, смешанный с горьковатым ароматом ари, особую шероховатость горных трещин под ногами, слепящую, быющую по глазам белизну снежного покрова.

Если Памир завораживал Файнберга незыблемостью, то горная речка поражала экспрессивностью движения. («Чимган» – 1978 г.) В ней прочно соединялись озорство и радость, крутая злость, ярость без конца. В шуме реки сливались контрастные звуки: звон, визг, шипенье, журчанье. Глагольные лексемы определяли характер реки: *дробится в брызгах, взлетает, вихрь из реки стоит столбом, озорно движется ударной волной*. Несоответствие – *ожог ледяной* – дополняло общую контрастную картину шальной ферганской реки.

Следуя восточной поэтической традиции, поэт стремился к лаконичному воплощению красоты в природе. «Ночь в горах» (1982) – четверостишие, на этом малом поле лирического произведения поэт, обозревая Вселенную, определял точку соприкосновения с собственным состоянием:

*Бродит свет по арчовым урочищам.
Опускаются скалы к реке.
Смотрит с горных небес одиночество
С полумесяцем в черном зрачке.*

Мотив одиночества звучит и в другом емком по форме и глубоко по содержанию «Пейзаже после дождя». Оба стихотворения тяготеют к восточной поэтической форме – рубай.

Восток был не орнаментом, не фоном, а квинтэссенцией мировосприятия Файнберга, живой энергией его чувств, настроений, мыслей. В цвете, звуках, запахах, в лучах щедрого солнца предстает его Родина в лирических этюдах: «В республике лето душевное...» (1965), «Ах, город футбольный...» (1967), «Воскресенье в Сергелях» (1969), «Солдатские пески» (1986). Доминирует эта тема в «Саратане» (1997).

Саратан – это пик жары, раскаляющей пустынные просторы Азии: *Жара недвижна с четырех сторон*. Саратан вечен, как вечен и неизменен мир Азии. В знойных пустынях все неизменно, там все, как было создано творцом – утверждает поэт. Обозначенные реалии: *восточная флейта, солончак, ящерница и верблюд, дувал и очаг* – имеют знаковый характер, воплощая сущность страны восточного мира. А сам мир во власти жаркого солнца: *На свой очаг, что вылеплен из глины, // глядит старуха с глиняным лицом*. Солнце выжгло все, окрасив в цвет безжизненной глины и дом, и его обитателей. Саратан управляет и ритмом жизни, предельно его замедляя: звуки флейты заунывные, стон (а не песню) издают перепела, *стоит верблюд с дремотою в очах*. Вот в таком мире предназначено было жить поэту. Привычное и не очень привлекательное на первый взгляд выжженное солнцем бытие:

*Дом самодельный слеп и скобобочен.
Жара недвижна с четырех сторон.
И замер на стене до самой ночи
мой звездный знак – зеленый скорпион.*

Изображение возраста жизни, состояния души через метафоры восточного пейзажа характерно для Файнберга в разные периоды творчества и является специфическим качеством его лирики, позволяющим убедительно представить синтетичность человека и мира, его внутреннего я, быта и бытия.

ПОЭЗИЯ

**Виктория
ОСАДЧЕНКО**

Родилась в 1980 г. в Ташкенте. Окончила факультет журналистики НУУз. Участник Ташкентских открытых фестивалей поэзии. С 2006 г. член СП Узбекистана. Автор сборников «Пейзажная лирика», «Егоркины сказки», «Воздух», «Наяву и никогда», публиковалась в республиканской и зарубежной периодической печати, альманахах «Преддверие», «Сегодня», антологии «Анор/Гранат».

Мир лежит, как шар на спине слона

Хоть я и помню о том, что смерть ничему не кладет предел, все-таки этот прекрасный лес явственно поредел. Все-таки с той стороны сквозит, с этой несет дымком, и размышляющий индивид вьется над костерком мотыльком.

Я, закруглив свои тридцать три, смирно смотрю кино. Кое-какие мосты сожжены, кое-что спасено. Пусть даже ключик всегда внутри, честь ему и хвала, ты не дотянешься до двери, не завершив дела дотла.

Так что дыши и не мельтеши, предпоследний герой. Уж до таких-то духовных вершин дотянет каждый второй. Медный пятак за щекой держи, а вообще – не спеши. Раз уж колпак на тебя пошит, надевай и пляши. Просто так. Для души.

Это ли нам не новая мировая?
Во всех новостях мигалками завывает,
в каждую голову целится изнутри.
Странно, что эта планета еще живая,
но неотступно мерещатся ядерные пустыри.

Несколько тысяч лет аплодировали героям.
Новый мир, грозились, построим, ходили строем.
Всё давили то тех, то этих, чтоб не портили общий вид.
От еврея до гугенота, снова-заново, как по нотам – хорошо горит!

А прогресс означает, что можно рвануть всё разом,
и экспресс довезет, не успеешь моргнуть и глазом,
к белокурый валькириям, к нежным гуриям под крыло.
Только жизнь всё равно талдычит своё, зараза.
Сердце тикает, что бы там ни надумал разум.
Повезло.

По весне летят лепестки в пески,
потому что двери чилли близки;
потому что порваны в прах и хлам
запоздавшие облака;
потому что жизнь убивает там,
где у смерти кишка тонка.

Но из воздуха ловит твоя рука
капли бледного молока.
Лепестки летят, и идут века,
и бежит строка.

Мир лежит, как шар, на спине слона.
Мир стоит вертикально, ведь он – стена,
делит надвое «быть – не быть».
Ты шагнешь на улицу, в гам и гул.
Лепесток в полете коснется губ,
и скользнет за иголкой нить,

собирая, словно птенец, с руки
дни, где ветер и лепестки.
Легкий мост, протянутый вдоль реки.
Низка бисера в память мою длиной.
Между жаркой жизнью в сухой пыли
и холодной вечностью там, вдали,
сквозь снега зимы, сквозь пески чилли –
лепестки волной проливной.

Первое из сердец загорается от любви,
а второе – чтобы не были дни темны.
Третье сердце хотело тепла, но сгорит дотла.
Боль его прорастет однажды, насквозь света,
но пока я возьму свое и зажгу его от вины.

А когда твое сердце тоже поплывет в ледяном нигде,
отпускай его осторожно, как свечу по ночной воде.
Как ребенка на ручку, повяжи ему кузмунчок.
Золотистый свет уколёт тебя в зрачок.
Только этого ты хотел, только этим ты и владел.

Нескончаем счет, и река течет, и огни горят,
словно звездочки по воде утекают в ряд.
Вот еще одна загорелась.
И еще одна.
И еще.

Отчеркнутые белым провода
и белые инверсные деревья...
Но взгляд невольно падает туда,
где снег катастрофически сереет,

пропитываясь тяжестью воды,
утрачивая прежнюю летучесть...
Так, в общем-то, обыденная участь
на взгляд неотличима от беды.

Надо мной летит пылинка.
Подо мной растет былинка.
Я тусуюсь в серединке.
Все мы, в общем-то, родня,
толпы тварей разномастных.
Это жизнь тасует маски,
хмурит бровки, строит глазки,
ливнем хлещет сквозь меня.

Переполненным ковчегом
мир с горами, морем, снегом,
с птицей-зверем-человеком
храбро в космосе плывет.
Со страницы на страницу.
Приближают звезды лица,
и щеотно их ресницы
прошивают небосвод.

Мы бежим по круглой сцене.
Режиссер глядит с сомнением.
Нам в горячке превращений
не хватает слов и нот.
Вот мы все – в пальто и в перьях.
В рыбьем гриме, в теле зверя.
Пусть он взвесит и отмерит.
Скажет «Верю» и кивнет.

а если я вообще не человек –
а чье-то обещание вернуться,
неосторожно сказанное слово
оживлено чужой тоской и даром? –
и, загнанное в плоть, как под плиту,
растерянное, мечется меж стен;
как слабый след; как гаснувшее эхо
от голоса, что навсегда звучит
под этим небом, выцветшим к июню.

Когда все войны скомкает в одну
и правых в этих сварах не найти –
останется рвануть,
на выход все, и господа, прости.

Какой мы дивный мир не сберегли.
Жгли города и рушили леса.
В золе, в пыли
теряет эхо наши голоса.

литературоведение и литературная критика

**Давлятбек
САЪДУЛЛАЕВ**

Кандидат филологических наук, почетный профессор Кабульского университета и Ургенчского филиала Ташкентской медицинской академии, член-кор. Российской академии педагогических и социальных наук. Родился в 1947 г. в Ташкенте. Автор многочисленных монографий, учебных пособий, словарей, научных статей. Неоднократно награжден за успехи в преподавательской, организаторской и дипломатической работе.

ПЕРЕВОД И ВЕЛИКАЯ СИМФОНИЯ СЛОВА ХАФИЗА

Весь мир пленен золотом газелей Хафиза Ширази. Сквозь мрак времен до нас дошел крик человека, предсказавшего и воспевшего светлое будущее человечества и застонавшего от недовольства для него этого счастья. Этот крик души Хафиза, его божественной поэзии, которая «бьется, сжата в тиски», звучит и сегодня. Но открылись ли ему наши сердца?

Попытаемся рассмотреть некоторые особенности переводов, пересказов и вариаций газелей Хафиза русскими переводчиками, начиная от А. С. Пушкина, А. Фета и кончая современными специалистами по переводам.

К поэзии Хафиза переводчиков влекло таинство Слова, которое исторгалось из сердца Поэта и не всегда находило отклик у читателя. Хафиз не раз жаловался, что современники не оценили по достоинству его поэтический талант.

...Песнями сейчас не славится Шираз,

Пойдем же, друг, пойдем,

Хафиз, куда глаза глядят... (пер. И. Сельвинского)¹

Однако поэт был лишь отчасти прав. Никогда отношение к его поэтическому дару не было ни равнодушным, ни безразличным. Хафизовская тема неудовлетворенности собой и сегодня актуальна и зачастую звучит и в лирике, и в современном песенном творчестве.

Например, в исполнении известной узбекской эстрадной певицы Севары Назархан песня, в которой почти дословно повторяется эта тема Хафиза: «Пойдем же, друг, пойдем...» – «Юр, мухаббат, кетдик бу ердан», в Узбекистане превратилась в шлягер.

Каждый переводчик прочитывал, воспринимал и воспроизводил поэтические строки Хафиза по-своему, ибо, действительно, Хафиз, как драгоценный алмаз, многогранен. Одни переводчики воспринимали поэта как гедониста, певца вина и наслаждений, другие – как пресыщенного жизнью, разочарованного в ней скептика, эстетствующего гурмана и изящного вольнодумца. Часть переводчиков воспринимала поэта как лирика-бунтаря, иных привлекали вакхические и эротические настроения поэта. В некоторых русских переводах Хафиз выступает как личность антирелигиозная, порой атеистическая, с антидеспотическими идеями. Более благодатная и близкая простому читателю (по-настоящему объективному и истинному ценителю поэтического слова) лирика Хафиза сама находит путь к сердцу переводчика и в результате трепетного, профессионального воспроизведения на другом языке приобретает новую жизнь. Это переводы газелей Хафиза, в которых восхваляется труд, трудящийся человек.

¹ Хафиз. Лирика. М., 1956, с. 22.

До сегодняшнего дня большинство русских переводчиков «грешило» переводческим прочтением одной-двух, в лучшем случае трех творческих граней (обычно первых трех). Это, естественно, обедняло поэзию Хафиза, он предстал перед иноязычным читателем совершенно не похожим на Хафиза в оригинале: однобоким и даже косноязычным. В результате подобных переводов не только утрачивался ритмический рисунок хафизовских газелей, но упрощался и даже искажался смысл его творчества.

Кроме вреда эти переводы ничего Хафизу и нам, читателям, не давали. Например, одна из лучших газелей поэта:

...Агар он турки Шерози ба даст орад дили моро, Ба холи хиндуяш бахшам Самарканду Бухороро...¹ – многими переводчиками (И. Сельвинский, К. Липскеров и др.) была воспринята как псевдовосточный «любовный обмен»: *«...Дам турчанке из Ши-раза // Самарканд, а если надо – // Бухару! А в благодарность // Жажду родинки и взгляда...»²* (пер. К. Липскерова)

Однако известно, с каким нескрываемым уважением переводил Хафиза А. Фет, который в предисловии к своим переводам «Из Гафиза» дает следующую оценку его поэзии: «Даже поверхностное знакомство с нашим поэтом служит отрадным подтверждением двух несомненных истин: во-первых, что дух человеческий давно уже достиг этой эфирной высоты, которой мы удивляемся в поэтах и мыслителях нашего Запада; во-вторых, что цветы истинной поэзии неувядаемы, независимо от эпохи и почвы, их породившей. Напротив того, если они действительно живые цветы, экзотическое их происхождение сообщает им особенную прелесть в глазах любителей»³.

К сожалению, А. Фет был введен в заблуждение Даумером, чьи «переводы» на немецкий язык были весьма посредственными и, более того, своевольными вариациями стихов Хафиза. Очевидно, поэтому А. Фет дает мнимый перевод «Из Гафиза». На самом деле это оригинальное стихотворение, в котором даже сквозь призму фетовских консервативных эстетических взглядов и явной русификации поэту удалось своим поэтическим чутьем проникнуть в истинное содержание стихов Хафиза:

*Мы, Шамзедин со чадами своими,
Мы, шейх Гафиз и все его монахи, –
Особенный и странный мы народ.
Удручены и вечных жалоб полны,
Без устали ярмо свое влача,
Роняя перлы из очей горячих, –
Мы веселы и ясны как свеча.
Подобно ей мы таем, исчезаем
И, как она, улыбкой счастья светим...*

А. С. Пушкин восхищался истинно космическим талантом Хафиза. Сам он не подражает «ребячески и уродливо» Хафизу, а «в упоении восточной роскошью» сохраняет «свой вкус и взор», мастерски передает характер и звучание своего прототипа, хотя и не соблюдает при этом свойственных стихам-газелям Хафиза формальных сторон: их рифм и размеров.

Газель как литературная форма возникла в персидской поэзии в X веке, это преимущественно лирическое стихотворение, насчитывающее не более двенадцати двустиший (бейтов) с единой рифмой (монорифмой) во всех четных строках (в первом бейте рифмуются обе строки). Часто за монорифмой следует рефрен (редиф). У Хафиза, как и у большинства авторов газелей, обычно отсутствует единая сюжетная линия. Газель – это как бы ожерелье, где на формальную нить монорифмы и размера «нанизываются» отдельные двустишия или их комплексы. Вот почему можно легко вставлять в одну и ту же газель строки, как бы не связанные между собой внутренне. На самом же деле газель едина не только своим формальным построением, но и своеобразным внутренним смысловым звучанием, интонацией, настроением, часто противоречивым и позволяющим поэту сочетать элементы, кажушиеся на первый взгляд несочетаемыми. Однако отсутствие твердого сюжетного стержня затрудняет

¹ Хофизы Шерози, Ашъори гузида. Душанбе, 1971, с. 25.

² Ирано-таджикская литература. Перевод с фарси. М., 1974, с. 354-355.

³ А. Фет. Полное собрание сочинений. Л., 1937, с. 506.

восприятие того, что является в газели ведущим настроением, основным тоном, и что относится к обертонам, к аккомпанементу.

Одна из причин того, что у Хафиза нет цельных газелей, от начала выражающих его мироощущение, проста: в тех условиях, в которых он творил, приходилось прибегать к иносказаниям. Аллегорические иносказания – традиция восточной поэзии. В частности, вся философско-мистическая, так называемая суфийская поэзия сплошь состоит из аллегорий и символов. Посредством плотских, греховных образов, опьянения и любовных страстей принято было выражать самые абстрактные идеи.

Прием иносказаний, маскирующих подлинные мысли и идеи использовался задолго до Хафиза, так что ему не надо было ничего выдумывать для двусмысленного переплетения своих чаяний с легализованными традиционными формулами, законопослушными лишь символически, условно. Хафиз лишь использовал его, как писал Авиценна: «вел себя ослом в среде ослиной, где не ослов неверными зовут», предоставляя читателям доискиваться до подлинного смысла его творений.

Даже при беглом рассмотрении русских переводов, сделанных в большинстве случаев через подстрочник (список довольно внушительный – А. С. Пушкин, А. Фет, С. Есенин, И. Сельвинский, В. Левик, Б. Гуляев, К. Арсенева, К. Липскеров, А. Адалис, В. Звягинцева, Е. Дунаевский, Л. Кочетов, Т. Спендиарова, В. Державин и др.), можно констатировать, что смысл творчества великого поэта раскрыт не в полной мере, иногда искажается, ложно трактуется.

Очевидно, подлинное звучание, свою истинную суть Хафиз может приобрести в таких переводах с языка оригинала, в которых его поэтическое Слово предстает перед нами как единство всех граней: органический сплав текста и подтекста, иносказаний и символов, содержащихся в поэтических строках и между строк, не как голое отрицание, пустой, беспредметный нигилизм, не цинизм, а искания Хафиза, его тоска по положительному, высокому Идеалу:

...Да, я считаю, что пора людей переродить.

Мир надо заново создать – иначе это ад!.. (пер. И. Сельвинского).

Поэзия Хафиза жива в каждом из нас, она – Песнь большого любящего сердца Поэта, поэтому жизненна и человечна:

...День отрадных встреч с друзьями вспоминай!

Всё, что было теми днями, вспоминай!

Ныне верных не встречается друзей,

Прежних, с верными сердцами, вспоминай... (пер. К. Липскерова)

Поэт через толщу веков обращается к нам, сегодняшним: «Я шел для встречи с тобой, преодолевая пустыни и высокие горы. Мы разные с тобой по крови, и разный у нас язык, но сердцем мы близки» (дословный перевод – Д. С.).

проза

ДАЛЕКОЕ – БЛИЗКОЕ

Очерки

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

На третьем курсе учеба извела меня «перфектами», я был отчислен и «загребел» в армию. Служил в Подмоскowie, в Алабино, в «королевских» войсках – в стройбате. Из-за плохого слуха медкомиссия признала меня годным к нестроевой службе.

Мой командиром роты был капитан Максимчук – солдафон и пьянчуга похлеще ремарковского Кнопса, но с остроумнейшим армейским лексиконом: «Хохол без лычки, что бумага без печати», «Бери больше, кидай дальше» и др.

Савелий Крамаров вспоминал, что когда его призвали в армию, то старшина роты, увидев его лицо, сразу сказал, что армейская жизнь не покажется ему малиной. И хотя своей физиономией я далеко отстаю от облика гениального комика, но и меня капитан Максимчук, первый раз увидев, сразу невзлюбил. В итоге 157 суток из двух лет доблестной службы я провел на гауптвахте.

Она располагалась при знаменитой Таманской дивизии. Начальник «губы» капитан Шаевич был еще более отъявленной тварью. На «губе» полагалось пребывать наголо стриженным.

На обросших «дедов» Шаевич нахлобучивал фуражку и под корень стриг торчащие волосы. Мне кажется, что вот с этой «губы» начались нынешние «панки».

На обед Шаевич выделял ровно пять минут, урезал и так скудный солдатский паек, а сливочное масло скармливал своим собакам. Однажды он отправил солдат ремонтировать свою квартиру.

Они незаметно замуровали в стене куриное яйцо и проткнули его иголкой. Через месяц в квартире стояло жуткое, как в кавказском Провале, зловоние. Самое интересное, что невозможно было определить, откуда исходит смрад, и Шаевичу пришлось выламывать все стены...

Я долго думал, как мне отвязаться от любезного капитана, и однажды меня осенило. Я накатал в армейскую газету зарисовку о нашем шеф-поваре Эргаше. В батальоне он сразу стал героем нашего времени. А я в его лице нашел покровителя. Конечно, весовые категории были разные: на одной чаше – погоны с четырьмя звездочками командира роты, а на другой – сержантские лычки шеф-повара батальона. Но мой земляк обладал грандиозным преимуществом! Как истинный узбек он превосходно готовил и был любимчиком самого высокого гурмана – командира батальона. Ведь самый короткий и верный путь к сердцу мужчины – через его желудок.

По этнической протекции Эргаш взял меня на кухню кочегаром. Вот так я вытянул счастливый лотерейный билет!

Дневальный будил меня в 4 часа утра, я шел в черную от копоти кочегарку, растапливал печи и садился писать свои опусы. Я смотрел на пылающий в печи огонь и вспоминал далекий Ташкент, свой солнечный дворик и синие горы. В голове постоянно вертелась славная фраза: «Кто хоть раз пил воду из Салара, тот обязательно вернется в Ташкент». И эти слова согревали. Я знал, что мне не служить вечно, как медному котелку, и я вернусь в родной город.

В мои обязанности входило разжигать огонь к завтраку, обеду и ужину. В той кочегарке я запоем перечитал все новинки

Рустам ШАГАЕВ

Родился в Ташкенте в 1953 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне НУУз).

Работал фотокорреспондентом УзТАГ. Автор многих фото-выставок и публикаций в республиканской периодической печати. Живет в Ташкенте.

батальонной библиотеки.

Окружная армейская газета «На стройке» публиковала все материалы, под которыми я витиевато подписывался «Военный строитель, рядовой Р. Шагаев». Но самым восхитительным было то, что тогда в стране Советов не только давали советы, но и платили хорошие гонорары. Каждый месяц я исправно получал около сотни. И хотя не «зелеными», но хорошо помню, что в той коچهгарке, считая эти «деревянные», я чувствовал себя золотым мешком.

Батальонный почтальон Узун кулок быстренько доложил о моих «левых» доходах ненаглядному Максимчуку. С глубокого бодуна он вызывал меня к себе. Моё сердце радостно замирало: я знал, что сейчас он споет изъезженную, как старая пластинка, песенку под названием «До получки».

Он угодливо улыбался и сразу начинал с припева: «Рядовой Шагаев, одолжи «четвертак!»

Я видел, что после вчерашней изрядной дозы дешевого портвейна «Отелло» мой капитан страшно мучается. Ведь это мерзкое вино, словно шекспировский мавр, днем веселит, а ночью душит. И с искренней жалостью, кратко как в телеграмме, отвечал: «Базара нет! Но деньги – на книжке, а сберкасса – в Москве!»

Он тут же выписывал увольнительную, а я, не мешкая, доставал из кармана желанную купюру. Забирая сиреневую бумажку, он радостно мурлыкал припев: «До получки». А моё сердце ему подпевало: «Это сладкое слово – «свобода!»

Я не был слабоумным и знал, что Максимчук скорее удивится, чем вернет долг, но зато я целых три дня не видел его тупую рожу. В те годы юности я так хотел, чтобы песенка моего ненаглядного капитана никогда не кончалась!

И сейчас я вспоминаю чистые, как слеза, строки из стихотворения «Юность» Саши Файнберга: *Мне девятнадцать. Служба – не война. // Мундир сверкает. Не унять волненья...*

Словарный запас командира роты был заразителен. И поэтому бытовали забавные словищи: «Ветер в харю, а я х....», «Что солдат любит больше, мясо или масло?» — «Мяс-ло!», «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор». Действительно, за день каждый из нас выкапывал до восьми кубометров грунта, а это – два самосвала.

Зимой в Подмоскovie стояли жуткие морозы, земля промерзала почти на метр. Самое трудное было продолжать этот слой, а дальше – легче. Выручал лом, который один остряк назвал «карандашом». Старики знали, что чем тяжелее лом, тем эффективнее. Вот и носили на себе двухпудовые «карандаши» по несколько километров. Было у нас еще и табельное оружие: «БСА» и «МСА» – большая саперная лопата и малая.

В холода мы надевали две пар кальсон, брюки, а сверху еще ватные штаны. Старшина роты по кличке Балабон тоже был шутник, любил повторять: «Отдыхать будете на том свете». Но научил древнему, несколько странному, но верному приёму: чтобы не обморозить руки, засовывать их в ширинку. И это спасало. В армии я понял, почему фрицы проиграли войну. У них не было шутника Балабона! Арийцы со своей кастовой чопорностью не признали старый русский способ спасения рук. И дедушка Мороз сыграл с ними злую шутку.

После несравненного Максимчука Москва казалась настоящим праздником. В пединституте имени Н. Крупской учились мои друзья Отабек и Марат. Я приходил к ним в общежитие и переедвался в гражданку. Тогда впервые, в Пушкинском музее, я увидел работы Ван Гога, побывал во многих театрах. Был и на Новодевичьем кладбище, где ни шаг, – удивительный памятник. Недалеко от чугунного монумента Чехову был свежий холмик могилы Шукшина. На нем море цветов, а к ветке склонившегося дерева кто-то привязал кисть красной рябины...

Но были в армии не только отморозки. Я дружил с замполитом части капитаном Городецким. Он никогда не матерился, всегда читал мои опусы и относился ко мне тепло.

Однажды он остановил меня:

– Поедешь в пионерский лагерь оформителем?

Из политуправления пришла телефонограмма: срочно прислать художника. А у художника нашей части была уйма работы, и вот судьба улыбнулась мне.

Вызывает меня комбат подполковник Князев:

– Гагарина можешь нарисовать?

– Так точно, товарищ полковник!

Когда называешь начальника званием на ранг выше – это ему льстит, для тебя это залог успеха.

Я вспомнил чарьевские уроки: надо передать самое главное. И, недолго думая, несколькими линиями нарисовал круглый скафандр, крупно вывел «СССР», ниже – окошко, а в нем глаза и брови, нос и рот с улыбкой до ушей.

Комбат внимательно посмотрел на рисунок и спросил у Городецкого:

– Похож?

Городецкий незаметно моргнул мне и выпалил:

– Так точно, товарищ полковник!

Экзамен я сдал на «пятерку» и на три месяца укатил в Шелково, где находилась детская

здравница Московского военного округа. Нас было три художника – три афериста, кому поручили оформлять пионерлагерь к предстоящему лету.

Каждое утро, к приезду директора, мы меняли местами плакаты, и он не замечал подвоха. Жаловались, что кончилась краска.

Конечно Шелково не Юсупхана, но места удивительно красивые. Я нес ведро краски через рошу, чтобы продать в соседней деревне, а в голове крутилось есенинское «березовый ситец России».

Не жизнь была, а малина!

Уже и забыл, что служу в доблестной армии, когда за мной приехал старшина.

...С тех пор прошло тридцать пять лет... Раньше я думал, что служба в армии – это вычеркнутые из жизни годы. Но, нет, за эти два года я окреп физически, научился никогда не унывать, работать лбом, мастерком и отвесом. Я узнал, для чего еще надо расстегивать ширинку...

НАЧАЛЬНИК

Просто удивительно, как мне в жизни везет на начальников!

В армейские годы командиром роты, где я служил, был капитан Максимчук. Это был на редкость тупой и надменный служивый. Однажды во время урока политинформации он заглянул в мою тетрадь, где я, конспектируя высказывание Ильича, сократил его имя по инициалам – ВИЛ.

– «Вил» по-украински означает вол, кастрированный бык, – сказал капитан. – За оскорбление вождя мирового пролетариата наряд вне очереди!

Никогда не забуду, как за дедушку Ленина весь вечер драил полы. Максимчук невзлюбил меня с первого взгляда, тогда, глядя на него, я вспоминал барана своего соседа Коровоя: у того на морде интеллекта было больше, чем у моего капитана. Со временем я понял, что все бездарности – на одно лицо.

Прошли годы. И судьба свела меня еще с одним начальником. Я не буду называть его имени – как в той детской прибаутке: кто не скажу, но глазами покажу.

Вначале все складывалось хорошо. Он читал и правил мои материалы. Восторгался одними, а другие возвращал: «Не твой уровень!». И я не обижался, делал свое дело – колесил по стране, находил новые темы. Старался просто и ясно показать те позитивные перемены, которые дала нам независимость.

Однажды написал небольшую зарисовку «Парижанка в Ташкенте» о юной француженке, которая после занятий в школе подрабатывала в архитектурной мастерской и на каникулы прилетела в Узбекистан. Начальник остановил меня у лифта: «Эти сорок строк рассказывают больше, чем целый очерк!». И его слова окрыляли. Я старался писать кратко: меньше слов – дешевле телеграмма.

В начале своей карьеры он был славным руководителем, понимал творческих людей, на многие их слабости закрывал глаза. Я хорошо помню добрые рассказы о нем его одноклассника, с которым он рос в сельской глубинке, десять лет сидел за одной партией.

А школьная дружба самая верная!

Но с годами стали происходить странные перемены. В коллективе появились любимчики, расцвело наущничество. Ему стали доносить о личной жизни сотрудников. Он и сам не замечал, как это отдаляло его от людей.

Однажды обжегшись, попав в немилость, начальник стал крайне осторожным. Все чаще браковались мои материалы. А я не любил работать по указке. Нет, если поручали задания – выполнял. Бывало, даже не заехав домой, на своей машине мчался в Шахрисабз, чтобы через день привезти снимки, посвященные юбилею славного города.

Но все равно предпочитал поисковые темы, находить интересных людей. И вот находишь новое, а тебе говорят: «Шарт эмас» – «Необязательно». Но разве это ответ? Ведь человек ездил, искал, трудился. Хотя бы объясни почему? Но начальник полагал, что это ниже его достоинства. Дошло до того, что к нему и на прием не попадешь.

А ведь величие человека – в его простоте!

...Может быть, все мои беды в армейские годы и в журналистскую пору от моей строптивости, от неумения льстить и угодничать. Но что поделаешь, это отцовские гены.

Папа никогда ни перед кем не преклонял головы. Это был труженик и душа-человек, оставивший о себе добрую славу. Многие годы Махмуд Назарович Шагаев был директором хлопкозавода в Дальверзине, что недалеко от Бекабада. При нем здесь провели электричество и воду, вдоль улиц пустынного степного поселка проложили оросительные каналы, Дальверзин стал зеленым оазисом.

Семья – моя мама Салима и шестеро детей – проживала в Ташкенте, старшие учились в вузах и школе, а младшие ходили в детский сад. А он жил в Дальверзине, в заводской гостинице. Он не позволял себе никаких привилегий. В обеденный перерыв шел в рабочую столовую, ел за одним столом с простыми людьми.

Я был младшим из сыновей – кенжатойим – любимцем. Папа часто забирал меня с собой в Дальверзин. Тогда я был совсем малышом, но помню себя сидящим на винограднике в гостиничном саду. Я срывал и ел сочные красные плоды, тогда они казались мне огромными, на всю ладонь. Их нежный, сладко-приторный вкус и сейчас во рту...

Иногда, по субботам, папа вырывался к семье в Ташкент. По дороге, приметив попутчика, он просил водителя взять его. И в пути расспрашивал: кто он и куда едет? А узнав, что в далеком городе у того нет знакомых, привозил домой. И только утром, после чая, отпускал: «Вот теперь иди!»

Потом, мама всегда возмущалась этим гостям, а папа никогда не менял своих привычек. Потом уже с годами я понял значение этих поступков: не деньги дать побирушке, а приют нуждающемуся – вот истинное милосердие!

А еще в память четко врезалось, как на свадьбе он веселил всю округу. Он ставил на голову рюмку с водкой и танцевал. Крупный, дородный, в такт музыке папа делал плавные круги, и из рюмки не выливалось ни капли жидкости. Этот славный гусарский номер вместе с орденом Красной Звезды он привез с войны...

Паясничал ли директор завода?

Нет!

Ведь ту свадьбу играли после хлопковой страды, трудных дней и бессонных ночей: и электрики, и укладчики буртов, и лаборанты, и транспортировщики. И на том празднике он от души веселил свой коллектив, вот так радовался за молодоженов.

Народ любил его!

Уже после того, как его не стало, в годы независимости, из Дальверзина пришла весть, что бывшей улице Жданова решением схода дали имя отца. В 1995 году, в двадцатую годовщину его кончины, мы, его дети, дали в поселке поминальный плов. Во дворе аксакала – председателя схода – поставили длинные столы и скамейки, накрыли дастархан с лепешками, сладостями и фруктами.

Хорошо помню, как на это угощение пришли сотни седых стариков – те, кто работал с ним на заводе. Они приехали на велосипедах после номоз жума – пятничного моления в мечети. И тогда этот модный на селе транспорт наводнил всю улицу.

Побывал я и в том саду при гостинице. Видел грозди того же красного винограда, вновь ощутил их приторно-сладкий вкус. Но вот странно, в этот раз виноградины не казались огромными.

Неужели измельчал сорт?

Нет, просто за сорок лет я вырос из детских штанишек...

Вот таким человеком был папа!

А мой начальник все больше отдалялся от простых людей. Дошло до того, что ему стало зазорно ходить в... общественный туалет.

Несколько месяцев наше здание сотрясало от шума и грохота – перфораторы долбили перекрытия из железобетона, через все пять этажей сантехники прокладывали канализационные трубы. Как потом выяснилось, для того, чтобы начальник мог наслаждаться персональным клозетом.

Вы улыбнетесь: какое тонкое самодушие!

Но вовсе не весело, если представить, сколько народных денег ушло на этот каприз вчерашнего мальчишки из сельской глубинки.

Просто удивительно, как мне в жизни везет на начальников!

ПОДАРОК

Я давно наблюдаю за творчеством художника Бабура Исмаилова. В свои сорок лет он достиг многого. Работал в кино и театре, мультипликации и книжной графике. Но, как он сам сознается, его призвание – живопись. Однажды я пришел в его мастерскую, чтобы подготовить о нем фоторепортаж. И в этот день произошел забавный случай.

В мастерской с ним был его приятель. Бабур познакомил нас:

– Закир Умаров. Мой друг из Новосибирска.

После традиционных приветствий я начал снимать художника, его картины.

Ко мне присоединился и Закир. Вижу: у него профессиональная цифровая «Лейка», такой камерой снимают арабские шейхи и американские сенаторы.

Когда-то, в начале своей журналистской деятельности, я работал пленочной «Лейкой». Это была камера с очень тяжелыми линзами, но зато они создавали изумительно резкие снимки. Впрочем, просвещенный читатель слышит про фотоаппараты этой знаменитой немецкой фирмы.

Я же снимал «Никоном D70». Закир, увидев у меня в руках эту любительскую камеру, удивился. Я объяснил ему, что уходя на пенсию из Национального информационного агентства Узбекистана, мне пришлось расстаться с профессиональной камерой.

Мы разговорились. Закир родом из Бухары, но уже более двадцати лет живет в Новосибирске. Он подарил мне свежий номер издаваемого им журнала «Неизвестная Сибирь».

Я заметил, что он снимал в черно-белом режиме, а это совсем другое мышление. Когда фотографируешь на цвет, то все красивые эффекты получаются за счет красок. А черно-белая съемка гораздо сложнее: здесь все строится на контрасте света и тени.

И тут я увидел картину Бабура «Зимний лес», где на чистом белом холсте написаны деревья, покрытые снегом. На этом дивном фоне стояли художник с другом.

Меня осенило: вот он – черно-белый снимок!

Я не удержался и попросил у Закира «Лейку». Минуту-другую подлаживался к ней, отбросив всё лишнее, выстроил кадр, затаил дыхание и плавно, словно стреляя из «Макара», нажал на спуск.

Я вернул Закиру «Лейку», и когда они взглянули на монитор, то ахнули!

После съемки Бабур угощал нас чаем, а Закир показывал на планшете свои фотографии (кто дружит с Фейсбуком, тот часто любит ими).

И тут Бабур спросил:

– Рустам-ака, каким человеком был Рашидов?

Я рассказал о том, как однажды, в начале 1980-х годов, готовил фоторепортаж о том, как первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш.Р.Рашидов пришел на персональную выставку Народного художника Абдулхака Абдуллаева в Центральный выставочный зал Союза художников.

Он пришел не в день открытия, а позже и со своей свитой внимательно осмотрел всю галерею портретов художника. А когда прошались, то спросил у Абдулхака Аксакаловича:

– Ко мне есть пожелания?

Художник был так радостно взволнован посещением его выставки первым лицом республики, что даже растерялся от такого вопроса. Шараф Рашидович был человеком высочайшей культуры!

А Абдулхак Аксакалович – выдающимся художником. Единственным из узбекских живописцев, чей «Автопортрет смеющегося человека» приобрела галерея Уффици – один из старейших музеев Италии и мира. Здесь собраны 3000 автопортретов самых выдающихся художников планеты: Рафаэля и Леонардо да Винчи, Рембрандта и Рубенса, Кипренского и Айвазовского. Работа нашего землякаполнила эту коллекцию в 1999 году.

Друзья с интересом слушали меня, просили продолжения.

И я рассказал еще один случай.

Рашидов звонит директору УзТАГ Аслетдиновой:

– Хафиза Юсуповна, поздравляю! Сегодня «Правда» прекрасно представила Узбекистан!

А «Правда» в те годы была газетой № 1 – все члены многомиллионной КПСС обязательно выписывали её.

Аслетдинова разворачивает газету, а там – мой снимок. Она сразу дала приказ: «Шагаеву директорскую премию!»

И на эти 40 рублей – красивые деньги в ту пору – я купил чешские туфли «Цебо» и сделал «пловешник» для всей Фотохроники. Но больше всего радовало, что твою работу ценят – у меня словно появились крылья. И хотелось еще больше бороздить по стране, находить интересное.

После этого рассказа Закир загадочно улыбнулся, полез в свой рюкзак и достал «Nikon D700». Это была не новая, но профессиональная камера.

– Рустам-ака, я хочу сделать Вам подарок. Только передам после поездки в Самарканд – мне нужно снять памятники.

– Я не могу принять такой подарок, – отказался я.

Ведь эта камера стоила как минимум тысячу долларов.

– Вы профессионал и должны работать на профессиональной аппаратуре, – настоял Закир. – Вот только сгоняю в Самарканд...

Мы попрощались, и я уехал домой. Прошла неделя, я уже и забыл об этом разговоре, но звонит Бабур:

– Закир оставил камеру, заберите её...

Спасибо тебе, Закир, за царский подарок для бывшего репортера!

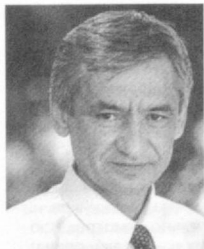
И еще вспомнился похожий случай. В Институте искусствознания АН Узбекистана многие годы работал фотографом Дмитрий Михайлов. Добрейший он был человек, дружил со многими археологами и художниками, обожал снимать спорт.

Однажды к нему в подвальчик пришел Эрнест Куртвелиев. Молодой фотокорреспондент был крайне расстроен: у него украли кофр с аппаратурой. Узнав об этом, Дмитрий Александрович открыл сейф, достал оттуда «PENTACON» и протянул парню:

– Снимай, Эрнест...

Дмитрия Александровича давно нет среди нас, но пусть земля ему будет нежным пухом. Этот мир не без добрых людей!

Переводы

Мухаммад ЮСУФ

Народный поэт Узбекистана. Родился в 1954 г. в Андижанской области. Автор более 10 стихотворных сборников, нескольких поэм. Умер в 2001 г.

Но я себе не изменял...

Тюбетейка

(Перевод Розы Казакбаевой¹)

Лишь у поэтов и приверженцев традиций
Наш головной убор не сдал еще позиций.
При вкрадчивых шагах, приглаженных висках,
Неловко тюбетейке на главах.

И тисненные – в три копейки,
И из Чуста тюбетеечки,
Переливчатые андижанские,
И жемчужные маргиланские,
Неотъемлемые, многоценные
Вы в кино остались, незабвенные.

Но почему лишь у приверженцев традиций и поэтов
На головах такая вот краса?
Задаю вопрос я, сам при этом,
Шляпу нахлобучил по глаза.

Родной убор теперь – история, литература,
Хоть тюбетейка всем нам по сердцам...
Вокруг бурлит кипение культуры,
Зато вниманья меньше к головам.

Лежат на полке тюбетейки Миртемира и Гуляма,
Мы забываем их беспечно и упрямо.
Но тюбетейка в душу смотрит нам в упор...
В узорах – непрощающий укор.

Поменьше б наших сделок недостойных.
Без тюбетеек много сел и городов.
Иль тюбетеек нет теперь пристойных,
Или, достойных тюбетеек, нет голов.

Подошло время «Новостей дня»

Сквозь тусклый свет чредой события на экране,
Сидит на корточках мальчонка на айване,
В рубашке грязной уютился на рогоже,
От телевизора глаз оторвать не может.

А жизнь вокруг него бурлит ключом,
Грохочет в темном небе грозный гром,
Дождь каплями молотит двор и дом,
Бабуля бежит за скачущим телком...

Она теленка, задыхаясь, проклинает:
«Чтоб лопнул ты!» – и колышком грозит.
А внук на корточках в обтрепанных штанишках
За новостями пристально следит.

¹ Родилась в 1949 г. в Учкургане. Окончила Наманганский университет, факультет русского языка и литературы. Преподаватель, переводчик, автор повестей и рассказов.

Скучаю

Живу в столице и по горам скучаю,
По разнотравью лугов скучаю.
По одуванчику – доверчивому другу –
Среди коробок каменных скучаю.

Под ливнем бегал я еще вчера,
И пел, лицо росой омывая.
Лукавых бабочек ловила детвора...
По детству моему давно скучаю.
В Ташкенте лишь заря встает
Стук каблучков высоких уши рвет,
Скучаю по скучающим по мне –
По босоногим я друзьям скучаю!

Ушел я от тебя, мак алый, чистоликий,
Известности, как счастья, ожидая.
Вокруг на нежных пальцах злата блики...
Я ж по мозолистым рукам скучаю.

Что мной не узнано досель – узнал,
В огромном городе беспечно согрешая,
В мечтах дворцы и замки воздвигал –
Теперь по дальним-далям я скучаю.

Чуть в городе обманщиком не стал,
Жил, сердца теплоты не отдавая,
И так давно Тебя не навещал –
Сейчас по чистым родникам скучаю.

Я был жестокосерден

Я был жестокосерден,
Я был немилосерден.
Ничьих советов я не принимал.
Друг за меня переживал,
А недруг громко ликовал.
Но я себе не изменял.

Хоть тишины и мира я желал –
Все ж каждый день устраивал скандал.
«Спокойнее будьте, сдержанней...»
Но я себе не изменял.

Полюбила девушка-неровня.
Подольститься я не пожелал.
«А вернулся б – жили бы по-царски...»
Но я себе не изменял.

Шептали мне: «Хитрее будь, проворней...»
Но я под эту дудку не плясал.
В ушерб себе что белое, то белым,
Что черное, то черным называл,
И никогда себе не изменял.

Но сердце чувствует отчетливо и ясно:
Друзья, я счастлив – все прекрасно:
В Ташкенте лучших я поэтов превзойду!
Или домой вернусь, позором смытый,
И там, обняв пушистый стебель мяты,
Смирненно у ручья на небо отойду!

Дом страдания

Горемычная, нежная, скромная,
Слезы тайные льются рекой:
Ни вдова, ни жена ты законная
День за днем и луна за лунной.

Будь ты Зайнаб, будь ты Кумуш,
Оставит тебя без защиты твой муж,
От ревности ты никуда не уйдешь,
В доме страдания гибель найдешь!

Пусть он не бек, а пастух простой,
Пусть он бедняк, пусть он изгой,
Но в сердце твоём воцарится покой,
Когда он твой... Когда только твой!

Дом страдания – символ разлуки,
Для обоих в нем яства – яд.
Ни любимого вам, ни супруга,
И дворец превращается в ад.

Будь ты Зайнаб, будь ты Кумуш,
Оставит тебя без защиты твой муж,
От ревности ты никуда не уйдешь,
В доме страдания гибель найдешь.

Узбекистан

О, милая отчизна!
О, дивная страна!
Ты, Родина, на радость нам дана.
Любимая, навеки я твой сын,
Поэтом стал в тени твоих вершин.
Я наше клеверное поле не отдам
За Колизей, Биг Бен и Нотр Дам!

Ты цветешь между рек, средь могучих гор,
Красотою твоей не насытить взор.
Сколько судеб видал, сколько разных стран –
Но тобой лишь горжусь, мой Узбекистан.

Видел в дальних странах множество красот,
Может, я придиричив, может, слишком прост,
Но отдам парижский лучший ресторан
За тандыр во дворе, за родной ширман.

Там все чуждо вокруг, и язык не мой,
Слова мне не сказать, будто я немой,
Из зени сон ушел, из души покой.
И трех дней не прошло, я хочу домой.

Вечно будешь ты жить, а с тобой и я
Стану вешней травой для тебя, земля.
Аравийской видеть не хочу газели.
Буду ждать бахмальных ярочек в апреле.

Каждый день с тобою – праздник для меня.
Я приветствую всех, знающих тебя,
Трудно жить без Родины даже краткий миг –
Жаль мне тех, кто край мой сразу не постиг.

Мальчонке с полевого стана

Так смотреть, малыш, совсем негоже –
Чистый, честный человек я все же,
И меня качали в зыбке терпеливо
Давней осенью под этой кривой ивой.

На бескрайних полях повзрослел я тоже,
Видел столько я рук с треснувшей кожей...
Когда строфе я покорился в снах,
В Ташкент уехал, грезя о стихах.

Там не знал Ойбека,
Не читал Гуляма,
Забыл Миртемира,
Усмана Насыра...

Лишь бейтов Навои глубины постигая,
Я осознал красу родного края.
Но взор твой пристальный все наблюдал за мной,
Что хочешь ты? Скажи, я пред тобой!

Не смотри так, мальчонка с хирмана.
Ведь строки лучшие – боль сердца – посвящаю,
И путь тернистый, но прекрасный предрекаю,
Тебе, двойник мой, с полевого стана.

И любит Родину лишь тот чистосердечно,
Об этом всему миру я скажу,
Кто, приложившись к иве с колыбелью,
В глаза посмотрит смело малышу.

Для тебя каждый день праздный...

Для тебя каждый день праздный,
Есть богатство, а совести нет,
Я – единственный в мире несчастный,
А тебя счастливее нет.

Не спою я о рае сонет –
Мама, домик под крышей из глины,
Тот, где пролита кровь пуповины –
Мне другого прибежища нет.

Небеса и земля – все тебе,
Не коснется тебя навет,
Нет желаньям твоим конца,
Нет и смерти, и кары нет.

Я не ангел – безвестный поэт –
Твой соплеменник Мухаммад.
За грехи попаду прямо в ад...
В хадж поехать – так денег нет!..

Из «Реквиема 37 года»

– Что это «жизнь», эй, человек?
– Жизнь – улетевшая птица.
– Что «сожаление», эй, человек?
– Сон в усталых зеницах.

– Что есть удача, эй, человек?
– То – две руки трудовые.
– Что есть мечта, эй, человек?
– Дороги мои роковые.

– Ты про обман мне скажи, человек.
– Ложь – долгая сказка поэта.
– Тогда что же правда, эй, человек?
– Сердце в крови – правда это.

– Что есть печаль, эй, человек?
– Жалости сладкой игрушка.
– Счастье что, эй, человек?
– Черного хлеба горбушка.

– Черный, тяжелый хлеб – это что?
– Друг, вера в законы природы.
– А вера-то что, скажи, человек?
– Спроси у «врагов народа».

Желание

Как осенью прекрасна Фергана –
Кишлак родной всегда подобье рая.
Ах, мама, как по дому я скучаю!
В садах, наверное, айма уж зацвела...

По холмам смешные жеребят
Мчатся вихрем, искры высекая.
И монетки дарят волнам сая
Молодухи, сыновей желая.

И о чем ты думаешь, вздыхая,
С трепетом поэта вспоминая,
Когда девы, мимо пробежая,
Тебя приветствуют, улыбками сверкая?

А я по-прежнему бродяга бранный,
Несомый ветром, как песчинка во Вселенной.
Известности у Бога попросил,
А счастья попросить забыл.

Как осенью прекрасна Фергана!
Подобье рая – милая страна...
Письмо закончил. Время вышло.
А Зеби, поди, уж замуж вышла?

Красавицы

Красавицы, как удаются вам обманы!
Красива ваша ложь и ясная улыбка...
Красиво ставите вы нам капканы,
Красивы ваши очи – сердцу пытка.

Собою вы гордитесь, недотроги,
А счастье есть? Пусть скажет кто-нибудь...
Красиво вы сбиваете с дороги,
Красиво возвращаете на путь.

Красавицы, как вы красиво льстите,
Души сожжеши присвоив без зазрения,
Красавицы, как вы красиво мстите,
Ушедшую любовь отдав на унижение.

Порою вы, как ива, беззащитны,
Но видит жертву взгляд ваш ненасытный.
Пришло ли время для красивого обмана?
Красиво ставите вы нам капканы.

На бабочку я обменяю...

(Перевод с узбекского Валерия Райхеля¹)

Богатство все я обменяю на бабочку в моем саду,
И жизнь свою на радугу, что в чистом небе, я менять пойду.
Сияньем город весь покрытый бетоном жалит мне бока,
Никак к такому не привыкну, съедает здесь меня тоска.

И даже если дом мой станет великолепнейшим дворцом,
На глиняный кирпич сменяю дворец, глупцом прослав при том.
На поэзии я не помешан, и вить мне не надо гнездо,
Однако, как поэт известен, но все готов отдать назло!

Сменяю на кусочек дыни я славу бrenную свою,
Для своего живу народа и скромно песнь о нем пою.
И все, годами написал что в свою толстенную тетрадь,
На сумалюка пиалу готов я поменять.

Не печалься, сердце

Не печалься, сердце... Не молчи, не грусти,
Мой отец – белый тополь, он укроет в пути.
Моя матушка – ива, мята стала сестрой,
А сестренкой – тюльпан мне, с длинным стеблем-косой.

Как луна одинока, так и я одинок,
Без родимой сторонки я давно бы иссох.
Горный пик стал мне братом, а братишкой – орел,
У великой природы сам я крылья обрел.

И вы спросите если: «А сидишь ты на чем?»
– На соленой землице, мне она – отчий дом.
Облака – мне постель, в них по небу плыву
И касаюсь крылами о земную траву.

Вспышка молний – улыбка, ну а слезы мне – дождь,
Лев меня с леопардом берегут день и ночь.
Не считал никогда я кровных, личных врагов,
Если смелы – за них бы жизнь отдать был готов.

Но живу и не знаю, кто друзья мне, кто нет...
Рядом только мой спутник – Бог один на весь свет.

¹ Валерий Райхель родился в Андижане в 1944 г. Поэт, переводчик. Публиковался в андижанской периодической печати.

проза

**Зульфикар
МУСАКОВ**

Кинорежиссер, сценарист, закончил высшие курсы сценаристов и режиссеров в 1989 г. Автор многочисленных фильмов и телесериалов, получивший приз за лучший сценарий на Фестивале национального кино Узбекистана и многочисленные призы за сценарий фильма «Свинец».

СВИНЕЦ

Повесть

Вместо предисловия

Ваш покорный слуга знаком с Большой литературой только по книгам (а что может быть лучше и честнее?), посему любой литературный критик может дать мне нокаутирующий совет: если можешь, не пиши... но в полтора часа экранного времени прежде снятого известного фильма «Свинец» не удалось вместить весь интереснейший материал, собранный в течение 4 лет, посему автор, не мудрствуя лукаво, изложил его в предлагаемом вашему вниманию произведении...

Ты обо мне не думай плохо

Моя жестокая эпоха...

...Я всё отмерю полной мерой,

Но только ты верни мне ясность

И трижды отнятую веру

И. Лиснянская

БОИНГ-747

Так я про Алёшку... Увижу его через десять часов полета...

Три месяца назад Алёшка пригласил меня посетить его Америку. Так и сказал: я тебя приглашаю в мою Америку!

Он – там, а я – здесь. Были и остаемся самыми близкими друзьями. В последний раз общались двадцать четыре года назад перед самым его отлетом. Стояли за столиком кафе, а над нашими головами висел свинцовый монстр. Монстр глядел на нас сотней маленьких паучьих глаз-фонариков. То был потолок Шереметьево-2. Я полный профан в архитектуре, но, по-моему, это самый уродливый аэропорт в мире. Мне кажется, что тот, кто создал его, был тогда скрытым антисоветчиком, отобразившим в проекте свою страну. Сюда прилетали случайно или по острой нужде, наскоро решали или окончательно хоронили свои проблемы и тут же улетали обратно, и, желательно, навсегда... Снаружи аэропорт – гигантский танк без гусениц, тяжелый, коричневый. Внутри – темный, с черными стенами, потолками и суровыми сотрудниками. Не хватало только надписи на электронном табло «Зря ты сюда прилетел, товарищ...»

Так Алёшка тогда и улетал, чтобы никогда не возвращаться... За огромными стеклами шел мелкий дождь. О чем мы тогда говорили? Так, о всяких мелочах, словно боясь сказать друг другу главное, очень горькое... А главное было в том, что прощались навсегда. Времена были такие.

Потом объявили посадку на его рейс. Алёшка долго плакал, за паспортным контролем отчаянно махал рукой, пока они с женой Анной не исчезли в серой алюминиевой кишке, ведущей к самолету... В тот день я окончательно осиротел.

А в январе 2013 года он позвонил мне и странным, каким-то притихшим голосом попросил приехать к нему в Нью-Джерси. Я сказал ему, что всё понимаю, но Ваш покорный слуга, Игорь Иванович Сиротин, хоть и считает себя писателем, но он далеко не Дарья Донцова или Борис Акунин. В смысле тиражей... И уж, тем более, не какой-то там олигарх, способный купить себе за миллионы баксов несколько яиц Фаберже. Я, извини, не могу

позволить себе такой вояж в Нью-Джерси. Ну, не могу я ляпнуть этак небрежно: «А сле-таю я к Алеше в Нью-Джерси на пару недель!»

Через день мне позвонила уже Анна. Она долго рыдала и уже с явным английским акцентом просила меня прилететь к ним – у Алекса рак в последней стадии. Она выбьет мне срочную визу и прилетит авиабилет туда и обратно. Алеша просит прилететь именно меня. Жить я буду в пятизвездном отеле «Хилтон», она даст на карманные расходы и т.д. Зная Анну со студенческих лет, я понял, что она все сделает до мелочей так, как обеща-ла... Она и Алешу сделала. Только не журналистом и не писателем. Она сделала из него одного абсолютно счастливого человека. Может же на земле жить хоть один абсолютно счастливый человек?! Об этом Алешка сам часто говорил по телефону, особенно в пер-вые годы эмиграции:

– Я счастлив... Понимаешь, старик, я абсолютно счастлив! Она мне в первую же брач-ную ночь прошептала мудрые слова: «Алеша, ты не журналист, тем более не писатель, ну нет в тебе этого дара! У тебя дар иной – быть... ресторатором! Писателем будет твой друг, только ты ему этого пока не говори!» Сейчас можно – это ведь она имела в виду тебя, Игорь! А еще она сказала: «Алеша, жизнь одна, запасной нет... Все трагедии людей от того, что им кто-то во время не подсказал их истинного, единственного пути... Она для меня стала как Моисей.

Я полетел рейсом «Америкэн Эйрлайнз» Москва – Копенгаген – Нью-Йорк на самом большом и умном самолете в мире «Боинг-747». Первым классом!

Если бы я не летел прощаться с Алешкой, то отнесся бы к этому как к замечательному подарку, простите меня Анна и Алеша... Но меня ничего не радовало. Ни то, что я летел первым классом на втором этаже такого огромного, похожего на кита-горбача, самолета со всеми наворотами и прибабасами. Я никогда так не летал и, скорее всего, не полечу. Мне и стюардессы не понравились, совсем некрасивые, с пластмассовыми улыбками. Они с самого начала полета дали мне изысканную сумочку с тапочками и носками, кошелек с зубной пастой и щеткой, одноразовую бритву с маленьким тюбиком геля. И всё это с эмблемой авиакомпании. Мелочь приятная любому человеку, а для совка, как я, это были бы просто маленькие именные сердца, если бы я не летел прощаться...

«Американ Эйрлайнс»... Никогда по ночам я не кричал от любви к Америке. Те аме-риканцы, с которыми мне пришлось общаться, были на редкость скучными, если не ска-зать, туповатыми. И всё-таки я не считаю их самыми глупыми людьми на планете. Просто им всё время не везет на президентов. Сидя в огромном кресле этого чуда техники, сконструированного аж в семидесятых годах прошлого века, я думал, что совсем тупые люди не могли создать такую машину! Через двадцать минут, выпив два бокала отличного французского вина (бесплатно, да еще подливают и подливают!), я уже в благостном на-строении смотрел на проплывающие мимо иллюминаторов облака. Самое удивительное, в этом самолете у меня почему-то не было боязни полета. Почему-то я не задал себе во-прос: как же они всю эту тяжеленную хрень подняли в воздух?

Через десять минут я в том же благостном состоянии духа начал осмотр пассажиров первого класса. Впереди сидела пожилая, высушенная парочка седых, как два луня, аме-риканцев. До сих пор удивляюсь – почему они такие нездорово белые, почти восковые? Наших стариков и старух, будь они колхозниками из глухой деревни Оренбуржья или потомками русских дворян из Парижа, можно угадать сразу – лица живые, морщины рус-ские, родные, а эта пожилая чета так и напрашивалась в музей Мадам Тюссо.

Чуть левее сидел молодой японец со своей секретаршей. Видать, летят из Токио в США транзитом через Москву. Оба в очках. Оба без возраста, то ли им по двадцать, то ли под сорок. Сели и сразу раскрыли крышки своих ноутбуков, словно укрывшись от всего мира маленькими самурайскими щитами.

Справа от меня сидел достаточно упитанный человек, с аккуратно подстриженной недлинной бородой и усами. Явно восточной внешности. Одет в джинсовую куртку. Национальность этого человека с бородкой трудно было угадать, было ясно одно – он не европеец, тем более не русский. Это мог быть и грузин, и турок, и иранец, его можно было принять и за азербайджанца или чеченца. А почему я обратил на него внимание? Потому что эти старые американцы, сидевшие впереди, почему-то с едва заметной опаской не-сколько раз посматрели на него. Через некоторое время то же самое сделали и японцы, осторожно выглянули из-за своих компьютерных амбразур. Внешне всё было вроде бы обычно. Только вот этот человек с бородой сидел уже минут двадцать неотрывно глядя на потолок самолета. Казалось, его огромные черные глаза не моргают. Может, он умер от инсульта? Да нет, дышит. Только не моргает. Старики-американцы почему-то начали перешептываться. Их обеспокоенность передалась и мне. Через минуту моя легкая тревога превратилась в большую и конкретную панику. Во мне вдруг вспыхнула страшная догадка:

Господи, да это же араб, или как их там, палестинец, короче, террорист! Точно!!! Небось, мысленно прощается со своим аллахом. Шандеи! Ну, спасибо тебе, Анна!!! Удружила! Купила мне билет на рейс с камикадзе из Аль-Каиды! Почему он сидит, глядя в одну точку? Он, небось, думает, когда же взорвать этот самолет неверных! Точно! Я нарочно стал смотреть на мужчину в упор. Он не обратил на меня никакого внимания. Правда, через некоторое время, почувствовав мой взгляд, он посмотрел на меня. Глаза его были абсолютно спокойны. Потом он нажал на кнопку вызова стюардессы. Она подошла. Он ей что-то сказал по-английски. Во мне всё обмерло от предчувствия беды – он наверняка сказал ей, что бы самолет сменил курс!!! Я вжался в кресло. Стал мысленно прощаться с белым светом.

А дальше случилось вот что. Через две минуты стюардесса принесла ему целую бутылку смирновской водки и легкую закуску из нескольких кусочков салями, сыра, красной рыбы и двух маленьких маринованных огурчиков. Я тут же воскрес. Вот тебе и араб, вот тебе и камикадзе-шахид! Старики-американцы тоже не смогли скрыть своей радости: плёт – значит, не араб и не террорист! Они даже начали хлопать в ладоши! Самураи тоже успокоились, они улыбнулись мне шелками своих глаз – мол, всё в порядке, он не грохнет самолет... Мне вдруг стало так стыдно, так неловко. Как будто взяли и оклеветали на площади невинного. А ведь летели близко к Богу.

Я уже другими глазами посмотрел на азиата. Он налил себе рюмочку водки, аккуратно стал раскладывать на столе свою закуску. Делал он это так изяшно и аппетитно, что я невольно залюбовался этим процессом. Я сглотнул слюну, позвал стюардессу и долго объяснял ей, что хочу... Вскоре она продублировала такой же набор, как у моего соседа. Через три минуты между мной и этим странным восточным человеком возникла молчаливая солидарность. Во всяком случае, мне так показалось. Я очень дружелюбно посмотрел на него. Он уловил мой взгляд, поднял вторую рюмку и вдруг на чистом русском, без тени акцента, сказал:

– Будьте здоровы!

– Ха! Так вы наш?!

Вместо ответа он залпом выпил водку, закусил и снова налил себе... Я сделал то же самое:

– За мягкую посадку!

Он кивнул головой и снова стал смотреть в одну точку.

Уже после третьей рюмки я достиг той стадии, когда, по словам Семена Альтова, вас начинает пучить от любви к ближнему – пить я никогда не умел.

Я протянул ему руку:

– Игорь Сиротин.

– Худояров... Абдулла.

Потом он почему-то замер, стал очень внимательно рассматривать меня. Я удивился:

– Что такое?

– Извините, вы писатель Игорь Сиротин?

Такой вопрос мне задал второй раз в жизни.

– Ну да... А что?

Вместо ответа Абдулла встал, достал из верхнего ящичка свой кейс, открыл его и дал мне затрепанную книжицу в мягкой обложке.

Я взял в руки книжку и обомлел – на книжке было написано:

Игорь Сиротин. ЗАПИСКИ ПРОХОДИМЦА.

– !!!

На второй странице была моя фотография двадцатилетней давности.

Господи! Якутское издательство «Эрденет». Тираж 3 тыс. экземпляров.

– Это вы?

– Да! Это я!!! Откуда она у вас?!

– Да, в библиотеке на прошение тётя Люся дала.

Я сидел в шоке. Согласитесь, не каждый день Вам показывают Вашу же книгу с Вашей же фотографией в самолете авиакомпании «Американ эйрлайнс»!

Меня стало распирать от гордости и любопытства.

– Читали?

– Да. Когда в Москву летел.

– Ну и как?

Попутчик пожал плечами:

– Хорошая книга... Хотя ... Но...(тут мой попутчик предупредительно покачал ладонью) спорить я не буду.

– А откуда вы летели?

– Из Якутска. Я там работаю.

– Из Якутска? Но сами явно не якут. Я учился с якутом. Вот эту книжку выпустило издательство, которым ведал мой сокурсник Рома Итыгилов.

– Я не якут. Я узбек.

Я расхохотался:

– Охренеть! Я бы тоже удивился, если бы летел якут из Узбекистана.

– Бывает.

Мой собеседник стал смотреть в иллюминатор, давая тем самым понять, что, мол, вы пили, поговорили и хватит, отдыхай мужик, не до тебя мне сейчас...

А я человек ненавязчивый, понял, не дурак, и тоже отвернулся к стеклу, ну летит человек по своим делам, выпил с тобой ради приличия... Ну, прочитал случайно твою книгу, сказал, что хорошая, и за это ему спасибо. Нет, тебе Сиротин, пьяной твоей рожой, надо в салоне первого класса авиакомпании «Американ эйрлайнс» читательскую конференцию устроить!

Я выпил еще рюмашку и постарался думать о предстоящей встрече с Алешкой и Анной. Но, блин, ничего не получалось! Потому, что этот странный узбек сидел в метре от меня, от автора книги, которую он прочитал, и не задавал мне никаких вопросов!!! Это было похоже на пытку. Ну и черт с ним... Может, он и не читал её. Хотя... Нет, читал, сволочь, а теперь издевается. В эту минуту я его просто возненавидел. Принял еще рюмашку... Вот этого бы не надо было делать – меня окончательно развезло. Тормозные колодки хорошего поведения стерлись до неприличия. До сих пор стыдно. Хотя как знать, может быть, именно эта, пятая рюмка позволила мне ближе познакомиться с этим узбеком.

Я вдруг громко сказал на весь салон:

– ...твою мать, что за жизнь?! Ау!!!

Ко мне со своей резиновой улыбкой подошла стюардесса, мол, чего хотите?

Пожилая пара американцев уже дремала, закрыв свои глаза наглазниками, а уши специальными пробочками. Японцы были заняты своими ноутбуками.

А я продолжал, правда, уже тише:

– Да это я не тебе, кукла драная! Что ты понимаешь в русской душе?! Иди отсюда, у нас всё окей!

Стюардесса, не меняя своего отлитого в пресс-форме пластикового лица, ушла к себе. А меня уже несло:

– Шесть с половиной миллиардов людей живут, пьют, жрут, совокупляются, не осознавая своей чудовишной разобщенности, своего страшного одиночества! Не глобального потепления надо бояться, господа, а глобального отчуждения!

Я совсем охамел и уже впрямую обратился к Абдулле:

– Вот ты, узбек, нагая твоя морда, пьешь водку, смачно закусываешь, и тебе абсолютно по барабану, что творится в эти минуты в душе русского человека! Крошечная изба-типография в Якутске выпустила вот такусеньким малым тиражом мою повесть, в которую я вложил, может быть, всю свою, пусть грешную, но мою, мою, понимаешь, Игоря Сиротина, жизнь! И я, этот писатель, сижу рядом с тобой, на первый взгляд интеллигентным человеком! А может быть, именно ты – единственный и последний читатель этой книжки, но тебе, жлобу, жаль, запахло на пару минут оторваться от своих глубоких мыслей и высказать свое мнение автору!!! А-а-а!!!

Я тут совсем некстати заплакал пьяными слезами (Семен Альтов, доза № 6). Странный узбек удивленно и долго смотрел, потом пересел ко мне.

Налил мне и себе. Выпили.

– Ну чего вы плачете? Вы написали очень хорошую книгу.

– Врешь!!!

– Ей-богу...

Опять налили и выпили.

– Сиротин Игорь Иванович! И давай сразу на ты!

– Абдулла... Худояров...

Я, как ребенок, стал вытирать слезы и успокаиваться:

– Вот, В Америку лечу. Друг, Алешка умирает. Рак. Хочет попрощаться...

– Мм... Сочувствую...

– А ты зачем летишь? Бизнесмен? Крутой? Поменял якутские алмазы на свои дыни, а теперь продавать бежишь?

Абдулла впервые слегка улыбнулся:

– Нет... К сыну еду... Он там живёт...

– Ну да, понятно...

– Так. Стоп. Давай еще по одной и потом рассказывай... но подробно... Гёте писал, что дьявол прячется в деталях! Только уговор – про Украину ни слова!!! Как ты думаешь, война будет?

Абдулла удивленно посмотрел на меня:

– Ты же сам просил...

– Да, но всё-таки...

Абдулла долго молчал, потом сказал, потупившись:

– Будет...

– Успокойл... Хорошо пошла. Лететь нам еще до хрена. Давай так. Мы же вряд ли увидимся в этой жизни, тем более война на носу... Ну вот! А летим мы с тобой близко к богам, ты к своему Аллаху, я к своему Христу. Врать нам нет смысла. Хоть души облегчим. Десять минут рассказываешь ты, десять я.

Мой узбек замолчал. Долго смотрел в иллюминатор.

– Нет. Хочешь говорить о себе, говори. Я буду тебя внимательно слушать. Впрочем, ты можешь этого и не делать.

– Но это не... Это несправедливо, нечестно. Я тебе значит о себе всё, а ты ничего?!

– Ничего. Давай лучше выпьем еще по одной и отдохнем.

Я долго раздумывал, пить мне с ним или обидеться. Я выпил. Затем обиделся. А потом и вовсе отвернулся к окну. Узбек как узбек. Я никогда не был в Узбекистане. Вообще никогда не был в Средней Азии. И не хотел. Короче, не питаю я ни любви, ни ненависти к азиатам. А сейчас и подавно, потому как рядом летит узбек, прочитавший мою книгу и не желающий пока со мной говорить! И так всю Москву заплонила, хотя дворники из них отличные – работают на совесть. Но вот этот Абдулла изъявил желание только слушать меня! Слушатель хренов!

Об узбеках я знаю только то, что знает среднестатистический россиянин, а именно: столица Узбекистана – Ташкент, летом у них там очень жарко, еще хлопок и самый вкусный в мире плов, и самые вкусные дыни и фрукты...

Век живи – век учись. Сейчас, на высоте одиннадцати тысяч метров рядом мной сидел узбек, первый узбек в моей жизни, который практически без акцента говорил по-русски, читал мою повесть и готов выслушать меня!

Вместе с хмелем обида моя постепенно стала проходить... Хрен с ним, пусть не говорит, мне ведь сейчас нужны были в первую очередь уши!

– Хорошо, я тебе расскажу об Алешке и Анне, а ты потом подумаешь, рассказывать о себе или нет, азиатская твоя душа!

– Рассказывай! Я с детства люблю слушать.

Я с благодарностью посмотрел на моего узбека, для счастья, оказывается, надо так мало!

СИРОТИН

Для разогрева я стал рассказывать ему про Алешку. Почему о нём, а не о себе? Лучше об Алешке... Передавать точную стенограмму монолога в доску пьяного мужички было бы жестоко по отношению к читателю, посему я эти рассказы слегка причесал на трезвую голову, хотя суть осталась та же. Это самое главное. Хотя, что этому узбеку мои Алешка и Анна?

Через двадцать пять лет после нашего доживлого расставания в Шереметьево почти всё вышло так, как говорила Анна. Сегодня сеть русских ресторанов «Алекс Николсон» раскидана от Аляски до границы с Мексикой. Алекс Николсон – отец трёх баскетбольного роста сыновей, дед кучи внуков, что еще надо для счастливой старости?! Рак легких? Ну, слава Богу, что не толстой кишки, и вообще, это же не мгновенный инсульт с конвульсиями и пеной изо рта, или, чего хуже, автокатастрофа, с размазанными на скоростном шоссе мозгами. Пусть меня бог простит, но все путем: ты, дорогой мой Алешка, медленно, в присутствии батюшки православной церкви Нью-Джерси отца Майкла успеешь исповедаться. Только чур! Наши с тобой студенческие забавы с Клавой и Надечкой из МГУ не упоминать! Потом ты спокойно отдашь Богу душу в окружении детей, внуков, плачущей Анны, а тут еще на десерт твой бывший одноклассник подоспеет...

А что рассказывать товаришу Сиротину о своей жизни? Так, трава московская, перекасти-поле с ареалом передвижений внутри МКАД. Редкие командировки по заданию редакции газеты «Московский железнодорожник»... С первой женой мы не прожили и года – она по уши влюбилась в сантехника Пантюхина, иногда приходившего к нам по вызову, потом уже без вызова, потом в мое отсутствие. Банальный жилищно-эксплуатационный роман... Он забрал её к себе.

Моей второй благоверной была Вера Николаевна, дочь крупного работника министерства лесного хозяйства. По-кустодиевски большая, белотелая, чистых сибирских кровей, с широкой душой, но воспитанная на крепких, как плотина Братской ГЭС, ортодоксальных понятиях об институте семьи, она любила меня так, как танк Т-72 любит утопить свежую траву. Тяжелый маятник её чужунной любви качался между двумя крайними точками. Первая точка – вселенская, щедрая на угошенья («Экие вы москвичи тощие да хлипкие, ничего, я через год из тебя сделаю настоящего сибиряка!») и на ласки. Первые три года я просто шалел, в глазах весь день стоял сладкий туман от прошедшей ночи и предчувствия будущей. Вторая – сметающие всё и всех на своем пути приступы её праведного гнева, если она вдруг начинала подозревать меня в левых походах:

– Все москвички – потаскушки, а мужчины – кобели!

Однажды моя сибирячка, застукав на своем дне рождения невенчанного мужа в объятиях своей подруги Алочки у себя же в ванной, возненавидела меня. Всякие смягчающие вину обстоятельства: что её благоверный был в этот вечер в лоскуты пьян, что ему было всё равно кого обнимать, хоть свинью – превращались тут же в отягчающие вину обстоятельства.

Дашенька, моя единственная дочь, вся в маму-сибирячку, уже лет пятнадцать живет в Германии, выйдя замуж за хиленького компьютерщика Юргена. Она через год прислала его фото – круглое, как российский сыр, лицо немца светилось счастьем, а в глазах стоял знакомый мне туман. Даша, помня, что до пятнадцати лет я всё-таки её растил, исправно присылает отцу раз в месяц двести евро. Десять лет назад у неё родилась дочь, но, когда вдруг во мне взвыли дедовские чувства, она тут же пресекла на всю мою оставшуюся жизнь любые попытки приехать к ней:

– Папа, я не хочу, чтобы моя дочь видела, какой у меня отец! Я тебе маму не прошу никогда!!!

В общем, зачем тебе моя хилая жизнь, когда есть Алешка!

Нет, мой дорогой попутчик, товариш Сиротин всю жизнь реально оценивал свои перспективы и свои возможности. Кто-то очень точно сказал, что все трагедии людей происходят от того, что они сильно завышают планку своих желаний и не учитывают своих возможностей. В таких случаях зверь по прозвищу Амбиция всегда бежит впереди хозяина. А честолюбивый охотник, так и не догнав, и не насытив эту Амбицию, уставший до потери сознания, с языком на воротнике, бессильно падает на беговой дорожке и начинает винить в этом окружающих:

– Сволочи! Не дали! Не пропустили! – или себя, – я бездарь, ничтожество, жизнь потратил зря!

Иногда обвинения смешиваются. Результат для русского человека почти всегда одинаков – водка, инфаркт или цирроз печени. Маленький некролог в «Вечерней Москве», – это в лучшем случае. Гепарды, самые красивые и быстрые животные в мире, во время охоты разбегаются до 114 км в час. У бога, видимо, было очень хорошее настроение в тот день, когда он создавал гепарда. Самой красивой кошке, никогда не питающейся падалью, он подарил и царское блюдо – прекрасную газель Томпсона (скорость бега – 108 км). Красавица отстает-то от своего убийцы всего на 6 км, но вот эта маленькая разница и решает её судьбу! Но! Только три из десяти попыток охоты бывают удачными. Бывают случаи, когда гепарды от перегрева откидывают свои замечательные лапы. А мне кажется, что перегрев тут ни при чем. По-моему, гепард умирает от обиды, что не догнал!

А Ваш покорный слуга Сиротин никогда никого не догонял, мало на кого обижался, не ныл, даже по-своему обожал окружавшую его тусклую жизнь и себя любил потихоньку. Мне вообще никогда не хотелось крикнуть в сердцах, как Александр Сергеевич:

– Угрозидило же меня с моим талантом родиться именно в России!!!

Мы с Алешкой учились в обычной московской школе на Марьиной роще. Много позже недалеко от школы построили кинотеатр «Таджикистан»... Связи между Марьиной рощей и городом Душанбе я тогда не понимал, да и сейчас не выезжаю. Потом типовое здание, построенное по единому проекту для всех советских кинотеатров под номером ТПКТ № 356, переделали в театр. Мои ровесники называли его «театром сына Райкина». Кстати, очень приличный театр, не стыдно и не скучно пойти. Сейчас образец тогдашнего декадентского советского зодчества люди называют «Сатириконом». Только вот для нас с Алешкой, динозавров прошлого века, он так и остался театром сына Райкина, сына гениального артиста... Думаю, что отпрыск великого отца не обижается на нас, ранних стариков, дохрамывающих свой затянущийся век.

Алешка пришел к нам в школу в шестом классе. До этого его семья жила на Дальнем Востоке, отец его был военным. Его посадили за одну парту со мной, так мы с ним и просидели до последнего звонка. Получив аттестаты, мы с Алексеем Николаевым неожиданно поступили на журфак в МГУ – только двое москвичей, да еще одноклассников. Остальными студентами стали приехавшие со всех концов страны парни и девушки.

Хорошие ребята. Но уже через месяц мы с Алешкой сделали одно неприятное открытие: приезжие-то нас не любили! Не любили свои же, русские! Нашенкам мы были вообще по барабану. Они, по-моему, даже не догадывались, что мы с Алешкой москвичи. Не любила еще одна украинка из Львова, белолицая красавица с толстой черной косой и такими же иссиня-черными глазами, как две спелые маслины. Её звали Ганка Нездоймишанко, что в переводе означало «не снимай шапку». Уже через месяц эти странные люди обнаружили в себе болезненную любовь к своим родным краям, и в их в глазах за всё время учебы я запомнил только вот эту, абсолютно мне непонятную, прямо-таки черную тоску по своим далеким аулам и ярангам...

Не тосковали только прибываи. Вместо этого они просто скопом ненавидели Москву и

своих братьев-соседей. Однако им это ничуть не мешало пить в своих комнатах русскую водку, но при этом считать, что столице «окупантов» вообще оказана великая честь: четыре года лицезреть этих гордых Петерса, Вайткуса, Свена Саарма и Тьну Кукумяги... Я тогда их про себя называл натовскими прихвостнями – мои слова оказались почти пророческими. Бог с ними, с нащменами, а свои?

А свои, скажем так, родные россияне от Владивостока до Мурманска, нас не любили и ничем не жаловали... Было понятно почему. Наши приезжие сибиряки и волжане после лекций ехали в свое общежитие, чтобы наспех перекусить вчерашними макаронами и бежать в ночную смену на завод или на товарную станцию грузить вагоны. Так они начинали покорять Москву. Девушки, особенно некрасивые, шли пахать на текстильную фабрику. Красивых было мало. Единственная, на кого можно было бы глаз положить – масляничная Нездომишапка. Остальные, даже совсем несимпатичные, уже на втором курсе сильно постарались выскочить замуж за кого угодно, лишь бы был москвичом... Ну и, конечно же, все они, прописавшись в столице, успев или не успев родить детей, раньше или позже, развелись. А мы, эти «московские пижоны» Сиротин и Николаев, после занятий спокойно шли по своим домам, я ел в нашей тесной, но московской кухне мамин борщ, Алешка в своей столовой (8 на 9 метров) лопал котлеты по-киевски, приготовленные их домработницей Дарьей Михайловной. Вечером мы могли идти куда угодно, но чаще шли в кино. Мы с Алешкой невольно чувствовали себя виноватыми, что выросли в Москве. Потом стали понимать, что это неприятие, сначала плохо скрываемое, а потом и вовсе откровенно агрессивное, имеет более глубокие причины... Алешка однажды сказал:

– Понимаешь, то что мы москвичи – это привилегия, а им, бедолагам, придется неистово бороться, рвать на куски всех, причем бороться за всё, начиная с очереди в туалет в коммуналке и кончая правом работать кем угодно и где угодно, и они пойдут на любые лишения и унижения, чтобы жить в столице, на это у них уйдёт в лучшем случае полжизни, но дети их будут править нами... Алешка оказался прав, некоторые из них сами стали править, не дожидаясь детей... Лимита рулит!

Да ладно, бог с ними, иных уж нет, а те далече. Один из нашей группы утонул у себя на Дальнем Востоке, другой вообще пропал без вести, двое стали модными телеведущими в Останкино... Хотя настоящим журналистом, а потом и писателем стал один Домовой. Не читали? Читайте, полжизни прожили зря. Мы с Алешкой до сих пор тихо гордимся тем, что учились в одной группе с гениями. Он нас побил на втором курсе. Двоих. Было за что: два московских фраера решили охмурить ту самую украинскую черноглазую красавицу Ганку Нездომишапку. Кому бы она отдала предпочтение, мне или Алешке, не имело значения – тут был важен азарт. А Домовой был из Сибири, до МГУ работал сплавщиком леса, был чемпионом своего леспромхоза по боксу... Нам с Алешкой пришлось испытать всеобщую ненависть инородного богатыря буквально на своих нозах и ребрах... С тех пор мы с Алешкой стали называть Ганку меж собой «бендеровкой» и старались обходить её за версту. Через год она сменила свою редкую фамилию и стала Домовой. После окончания учебы Домовой забрал её в Красноярск. Лет пять мы о нем ничего не знали. И вдруг в Москве стали одна за другой выходить его книги, сначала «Речные рассказы», потом повести, одна лучше другой. Лично для меня лучшая его вещь «Страдания молодого вертухая». Домовой редко появлялся в Москве, приезжая за очередной премией, а потом и вовсе стал небожителем – теперь уже сами москвичи стали приезжать к нему за истиной. Хотел поехать и я, да как-то постеснялся. Ганку в последний раз я видел на похоронах Домового по ТВ.

АНГИНА

Я не принадлежал к золотой московской молодежи. Алешка мог бы, но не хотел. Вообще он был патологически скромн, но это проявлялось в нем очень естественно, за что я его до сих пор люблю. Ни один человек на курсе, кроме меня, так и не узнал, из какой социальной среды Николаев. За все школьные годы я был у него всего один раз, когда он заболел ангиной. Долго искал дом, в котором он жил, это оказалось достаточно далеко. Многоэтажное Строение № 7 МО СССР было огорожено высокой чугунной оградой, вход был только по пропускам. На КПП только после звонка Алешки сержант открыл калитку. Я шел по огромному двору, поразившему меня своей чистотой и ухоженностью – всюду елки, на клумбах цветы. Двор убирала солдаты.

У подъезда стоял часовой с автоматом! Я залюбовался и формой, и, конечно же, настоящим автоматом Калашникова: в те времена мечтой каждого мальчишки было служить в армии и держать автомат, чтобы стрелять во врагов Родины. Сейчас это стало атрибутом бандитских разборок. Наконец я дошел до их квартиры. Двери открыла женщина лет пятидесяти в белом переднике. Я поразился её схожести с Екатериной II – как раз сегодня на уроке истории нам показывали её величавый портрет. Женщина в переднике была не менее впечатляющей, я оробел.

– Здравствуйте, я Алешин одноклассник...

– Я знаю... Надевайте тапочки.

Я прошел по коридору, в котором могло уместиться два наших с мамой Счастья – двушка на Марьиной роше. Полы паркетные, стены обделаны деревом, к высоченным белоснежным потолкам привинчены тяжелые люстры.

Алешка лежал в своей комнате, в кровати.

– Здорово... – прохрипел Алешка.

– Привет. Это твоя мама?

– Не, мамы с папой сейчас в Москве нет. Это наша домработница. Ты её не бойся, она с виду такая грозная, на самом деле добрая.

Дверь открылась, и домработница принесла на подносе кусок торта и чашку чая:

– Угошайтесь, Игорь...

Императрица образца 1959 года унесла себя в коридор.

Торт был отменный, с орехами, я его съел за полминуты. И начал приходить в себя от подавляющей роскоши Алешина дома.

– Лешка, у тебя отец кем работает? Министром?

– Нет.

На книжных полках стояло несколько металлических моделей военных самолетов.

– А, так он у тебя летчик?

– Ну, в общем да.

Я, как и всякий мальчишка, прилип к моделям. Многие самолеты я видел в первый раз в жизни. Среди моделей были и иностранные.

– Счастливый ты Лешка!

– Почему?

– У тебя есть отец, да еще летчик! А сколько у тебя самолетов!

– Я бы тебе все подарил, но они не мои... Честно говоря, я их терпеть не могу. А отец хочет, чтобы я тоже стал летуном.

– Ты какой-то придурок, как это можно не любить самолеты?

Лешка замолчал. Потом каким-то взрослым голосом сказал:

– Ты когда-нибудь видел, как горит самолет?

– Не...

– А я видел. Отец часто меня брал с собой на аэродром. У меня на глазах, на стоянке, сгорел «СУ-19» вместе с летчиком. Машина вспыхнула, как факел... А летчик, дядя Коля, не мог открыть фонарь. И катапульта не сработала. Ты знаешь, как пахнет заживо зажаренный человек?

– Не...

– Подгоревшим шашлыком... С тех пор я не могу есть это блюдо.

Алешка смотрел в окно и молчал. Потом каким-то другим голосом сказал:

– У меня к тебе просьба – ты к нам больше не приходи. Не обижайся. Я же был у тебя. Мне неудобно.

– А чего неудобно?

– Да неловко как-то. Все живут бедно, а тут домработница... К тому же всё это в любой момент могут отнять... Никому не говори, где и как я живу... Ладно?

– Хорошо.

Одевался Лешка очень скромно, даже беднее меня, за всё время учебы проносил всего четыре рубашки летом и два свитера зимой. Однажды я не выдержал:

– Хорошо тебе Лешка косить под пролетариев, я-то знаю, чей ты сынок!

Алешка ехал со мной в метро и сказал, глядя в темное окно вагона:

– Знаешь, так помалкивай.

На эту тему я больше не заикался.

– И тут я прервусь на самом интересном месте. Теперь ты рассказывай, Абдулла...

– Тебе это интересно?

– Мне это очень интересно!

– А мне нет.

– Абдулла... Зачем ты летишь в Америку?

– Я же тебе сказал, к сыну. Наверное, это не случайно, мистика какая-то.

– Мистика?!

– Не случайно, что тётя Люся, квартирная хозяйка в Якутске, дала мне именно твою книгу... И то, что мы оказались рядом...

– Слушай, ты глубоко копнул!!!

Абдулла полез в свою сумку и вытащил несколько старых, полуистлевших общих фотографий.

– Что это?

– Когда устанешь рассказывать, почитай. Лететь еще долго. Я думаю, тебе это будет интереснее, чем моя жизнь...

– А если у меня появится писательский интерес?

– Вряд ли... Хотя... Ну ты почитай, а потом поговорим...

РУКОПИСЬ РИМА

В апреле 53 года меня арестовали и впаляли десять лет из-за дела Умара Худоярова... В пятьдесят шестом меня досрочно выпустили, реабилитировали, вернув все награды... Но на службу я не вернулся. За три года, проведенных в Таштюрьме, у меня было время о многом подумать, решил потом вести дневники, чтобы не сойти с ума...

Всё, о чем я написал – правда, почти всё происходило у меня на глазах.

Родителей я помню плохо, знаю, что мы жили в деревне Обухово в ста верстах от Воронежа. У нас в деревне жили Кириллины, хорошие люди, богатые, отец работал у них конюхом, а мама батрачила. Младший брат Ванька был все время при дворе Кириллиных. У Кириллиных было четверо сыновей-богатырей. Однажды к ним во двор приехали чекисты и велели сдать все зерно и коров. Кириллины не захотели ничего сдавать и начали палить из обрезов. Чекистов было много – они начали стрелять. Мама и папа попали под пули, погибли все, среди них и мой брат Ванька. Я был на сенокосе. Когда я вечером увидел, что там случилось – у меня язык отнялся. Через месяц меня отправили в детдом имени Клары Цеткин в Воронеж. Про детдом вспоминать не хочу – выжил же... Директор детского дома в приказном порядке поменял мне имя и фамилию. Когда я спросил, для чего это, он сказал, что если бы мои папа и мама остались живы, их бы объявили подкулачниками... Мне выписали метрики на имя Рима Марлена...

После детдома рабфак. Учился хорошо. Потом по комсомольской путевке меня направили в школу младшего состава НКВД в Челябинск... Мне нравилось там учиться. Однажды к нам приехал сам нарком НКВД-ОГПУ товарищ Генрих Ягода... В высшую школу среднего состава НКВД я попал уже при Николае Ивановиче Ежове... Весной начальник школы Войцеховский повез меня и моего сокурсника Васю Онопко на полигон «Коммунарка»...

ПОЛИГОН «КОММУНАРКА»

13 марта 1938 года на полигоне «Коммунарка» шел дождь со снегом.

Мы с начальником школы подошли к забору из колючей проволоки. К нам подошел часовой, отдал честь Войцеховскому, но сказал, что дальше нельзя.

– А мы отсюда посмотрим...

Два офицера НКВД вели осужденного Акмаля Икрамова к яме.

По радио в это время шептал женский голос диктора:

– А сейчас у микрофона деятели советского искусства. Все вы знаете замечательную поэму славного сына казахского народа Джамбула Джабаева «Нарком Ежов» (перевод Константина Алтайского). Композитор Михаил Шафранник был так потрясен этой поэмой, что написал на ее слова музыкальное произведение, которое так и называется «Песня о батыре Ежове». Исполняет заслуженный артист РСФСР орденоносец Леонид Орловский. Партия на фортепьяно – Изольда Шойхет.

Офицеры подвели Икрамова к самому краю. Там, в огромной яме длиной в двадцать, шириной в десять метров лежали голые, замерзшие человеческие тела, покрытые снегом. Икрамов первый офицер приказал раздеться догола. Икрамов покорно разделся, прикрывая свой стыд. Радио:

*В сверкании молний ты стал нам знаком,
Ежов, зоркоглазый и умный нарком.
Великого Ленина мудрое слово
Растило для битвы героя Ежова.
Великого Сталина пламенный зов
Услышал всем сердцем, всей кровью Ежов.*

Напротив Икрамова, в шагах 10 стояли несколько офицеров, доктор и полковник Чабуа. Акмаль Икрамов смотрел на небо, в котором слышался голос жаворонка. Чабуа держался за щеку – зубы болели. К нему подбежал третий офицер:

– Товарищ комиссар, приговор будем читать?

Чабуа задумался, потом лениво промяукал:

– А на хрена? Кому читать? Ему?

*Он бьется, участь у великих батыров,
Таких, как Серго, Ворошилов и Киров.*

*С бойцами он ласков, с врагами суров,
В боях закаленный, отважный Ежов.
Когда над степями поднялся восход
И плечи расправил казахский народ,
Когда чабаны против баев востали,
Прислали Ежова нам Ленин и Сталин... – упрямо несло из радио.*

Офицер решил лизнуть своему командиру одно место:

– Я вам шалфея принесу. Полоскать.

– У меня свой шалфей есть.

Чабуа достал флажку с водкой и стал пить. Икрамов, бывший первый секретарь КП Узбекистана, смотрел на дула направленных на него винтовок.

А радио всё громче и громче:

*– Спасибо, Ежов, что, тревогу будя,
Стоишь ты на страже страны и вожая!*

Раздался выстрел, но громогласная музыка заглушила звук.

Акмаль Икрамов упал как подкошенный. К телу подошел доктор, быстро осмотрел его и сделал знак рукой, мол, всё, готов. Еще теплое тело Икрамова, от крови которого шел пар, офицеры ташили за ноги по мокрой грязи...

От увиденного я упал в обморок. Войцеховский велел Онопко поднять меня на ноги:

– Нервы надо закалять, курсанты...

ВОЙНА

Войцеховского тоже расстреляли через полгода... Ежова тоже. Новым наркомом стал Берия Лаврентий Павлович...

Началась война. Про неё писать надо бы отдельно, но не буду. Это была работа. Сначала я был командиром отдельной развед. роты, там я познакомился с Умаром Кадыровым. Мы несколько раз спасали друг друга от смерти. Страшно все было. Потом нас перевели в СМЕРШ. После войны я остался в системе НКВД-МГБ, а Умар поехал к себе в Узбекистан...

МОЙ ДРУГ УМАР

Фото. Там, в правом углу снимка, пожелтевшего, кем-то надорванного с краю, тогдашняя Площадь имени Ленина в Ташкенте. Парад трудящихся. Снимок был сделан замечательным фотоаппаратом «Лейка» с очень большой глубиной резкости, и посему на том снимке можно разглядеть очень много деталей... На трибуне руководители республики, все как один одетые во френчи. За ними огромные портреты Сталина, Берии, Ворошилова, Молотова, Жданова, Калинина, Кагановича. Группа трудящихся несла большую модель самолета «Ли-2», транспортеры:

– Слава труженикам Ташкентского авиационного завода, внесшим вклад в разгром немецко-фашистского ига!!!

– Слава нашему великому вождю, вдохновителю и организатору нашей великой Победы товарищу Сталину!!!

В группе шел мужчина-узбек в праздничном костюме, в черной шляпе. Это и был мой фронтовой друг Умар. Молодой, высокий, по-военному подтянутый...

После демонстрации Умар сбежал из колонны. Была у него на то сердечная причина: тут недалеко в аптеке. Умар пришел туда, долго смотрел на старуху-провизора, потом из рецептурной появилась Она, Гули... Она кивнула головой и убежала обратно. Как всегда Умар оробел, он каждый раз терялся:

– У вас есть пирамидон?

Старуха-провизор молча дала ему таблетки. Умар тут же взял горсть, отвернулся и проглотил. На самом деле он таблетки сунул за воротник. Потом резко пошел к двери и, вдруг, упал на пол. Он лежал, как мертвый.

– Эй, товариш, вам плохо?

Умар обреченно шепнул:

– Я достал билеты в театр Хамзы, а некоторые товарищи из аптеки специально остались на дежурство, хотя и не должны были дежурить...

Гули молча смотрела в окно. Старуха ворчала себе под нос:

– Война давно кончилась... Жить надо, любить надо, детей рожать...

Умар встал, пошел к двери, вернулся обратно:

– Передайте ей, что я буду ждть её у курантов... Через час не придет – повешусь...

Старуха быстро забежала в комнату и высочила оттуда:

– Она сказала, что сейчас выйдет...

Через час пара шла по парку Тельмана. С этим парком связана память нескольких поколений ташкентцев. Кстати, здесь снимался фильм «Два бойца». Умар, счастливый, умиротворенно смотрел на небо:

– Хорошо как...

Гули тихо сказала, думая о своем:

– Да, тепло...

– Главное, войны нет...

– Да...

Мимо проехал велосипедист. Гули смотрела куда-то, а Умар на нежную шею Гулбахор. Дул ветер.

– Не надо на меня так смотреть...

– Почему?

– Не надо и всё...

– Мы с вами уже полгода знакомы...

Гули удивленно посмотрела на Умара.

– Ну, я уже год хожу в вашу аптеку...

Гули молчала.

– Весь дом пирамидоном пропах. Выходите за меня замуж.

Гулбахор покраснела, молча опустила взгляд:

– Вам придется подождать...

Умар расстроился:

– Сколько? Месяц? Год?

– Сосчитайте до десяти... – улынулась Гули.

Умар от неожиданности засмеялся:

– Да ну? Раз, два, три

Вдруг Гули схватила его за руку:

– Подождите!

К ним бежала девушка в школьной форме, крича на ходу:

– Я уже два часа ишу вас! Обид-ака вернулся!!!

– Кто?! – поблденела Гули.

– Да идите скорей! Ваш муж вернулся!

Гули и девушка быстро убежали, но через минуту Гули вернулась одна к Умару. Умар растерянно смотрел на нее.

Гули сама не своя, бледная, как мел, собралась с духом:

– Сейчас... О Бог, не дай сойти с ума... Обид-ака, мой муж, вернулся... Живой!!! О Боже, сейчас сердце лопнет... Простите меня... Ладно?

Умар закурил:

– Конечно... Я так рад за вас...

Гули стала еще блее, в ней как будто что-то сломалось...

– Рады?! А уж я как рада... Прощайте...

Умар остался сидеть на скамейке.

Гули шла растерянно рядом с шепечущей девчушкой. Один раз оглянулась назад. Скамейка была пуста...

А Обид, муж Гули, уже два часа сидел перед съеденным пловом и початой бутылкой водки. Гули молча стояла в соседней комнате. Потом оттуда раздался её истощный крик:

– Почему вы молчите?! Кто-то уже успел наговорить вам! О, люди! Обид-ака, я перед вами чиста! Последнее письмо от вас получила 20 февраля 42 года! А потом без вести пропали! Шесть лет сидела с вашей мамой, она умерла, так и не дождалась вас!

Даже она, ваша мама, перед смертью сказала мне:

– Нет, был бы жив, написал бы... Не жди его!!! А я ждала!!! За десять лет хоть бы маленькую весточку, слово, запятую прислали о себе!

Обид грустно смотрел на пиалу:

– Ты думаешь, что в концлагере «Треблинка» в каждом бараке было почтовое отделение? А потом, в сорок пятом нас повезли в Воркуту – так там вообще на каждой сосне сидел почтальон?

Гули в ужасе смотрела на мужа.

Обид-ака выпил пиалу водки:

– Ты хочешь почитать мои письма к тебе?

Обид снял с себя рубашку. Вся грудь, руки, вся спина его были испещрены мелкими буквами татуировки... Гули подошла и начала сквозь слезы читать...

– Это я тебе из Сибири писал.

Гули читала:

– Дорогая моя жена... Сегодня температура минус сорок пять... Так что на лесоповал нас не повели... Вот и пишу тебе... Места тут красивые, суровые...

Гули начала целовать грудь мужа и вдруг зарыдала:

– Простите меня...

Обид гладил её по голове:

– Все будет хорошо...

ПОЛНОЛУНИЕ

Тот день Умар запомнил надолго. Через несколько часов после расставания с Гули, в ночь с 7 на 8 ноября 1952 года пошел дождь, и в Старом городе по узкой и чудовишно ухабистой улице Чувалачи проехали два черных автомобиля «ЗиМ». Когда они остановились, из первого вышел человек в форме майора МГБ (министерство госбезопасности) Лутфиев. Он искал фонарем нужную дверь.

Из второго вышел тогдашний то ли первый, то ли второй, а может быть и пятый Секретарь КП Узбекистана. А Лутфиев уже громко колотил в дверь.

– Кто там?

– Худояров, открывай!!!

Секретарь попытался охладить его:

– Э, Лутфиев, что такой грубый?

– Я не грубый. Я на службе, товарищ Секретарь! Худояров, выходи!

Умар открыл дверь. Тут подошел Секретарь:

– Худояров, одевайся. Срочное дело.

Умар узнал Секретаря:

– Что-то случилось на заводе?

– Хуже. Одевайся скорее. Поедешь с нами.

Те самые две машины через полчаса подъехали к зданию КП Узбекистана. Они въехали во двор. Через пять минут по коридору за Секретарем шел напуганный Умар. За Умаром – Лутфиев. Секретарь резко открыл дверь. В его комнате сидел маленький, похожий на взъерошенного цыпленка бледный директор завода Пискунов. У окна стоял другой мужчина в форме МГБ, полковник Рим Марлен. В отличие от пузатого Лутфиева, на обезьяноподобном лице которого читалось четыре класса начальной школы и склонность к садизму, у Рима Марлена была приятная для глаз аккуратность, подтянутость – военная косточка. Рим вдруг остановился. Умар узнал Рима:

– Рим?!

Рим сделал знак глазами, мол, не выдавай.

– Доброй ночи, товарищ Худояров.

Секретарь удивился:

– Вы что знакомы?

– Нет. Так, на партсобрании виделись.

Рим Марлен медленно повернулся к Секретарю:

– Доброй ночи, товарищ секретарь.

Секретарь как-то нехорошо вздохнул и потрогал левую грудь:

– Боюсь, для нас эта ночь недобрая, Рим.

Рим Марлен потушил свою папиросу:

– Да, мне тоже так думается...

Секретарь подошел к Умару и Пискунову и рывком так, что сидевший рядом Пискунов зажмурился:

– Вы писали письмо в Москву?!

Умар не понимал, о чем тот спрашивает. Секретаря трясло от ярости:

– Писали?!

– Нет, мы только подписали коллективное письмо трудящихся завода, – робко ответил Умар.

– Почему через меня перепрыгнули?! Ну?!

– Это... Сейчас... Мы только хотели поздравить товарища Сталина с годовщиной Великой Октябрьской революции...

– И что дальше?!

– Ведь миллионы советских людей пишут ему поздравительные письма. Даже дети...

– Это я понял, а что дальше вы там намарали?! Отвечай!!!

– Там мы познакомили товарища Сталина с нашими техническими достижениями, которые вы сами поддержали и одобрили... Вы же сами читали...

Рим теперь пристально посмотрел на Секретаря. Секретарь растерялся:

– Я?!

– Да, да, да, – затряс головой Пискунов.

Секретарь вытер пот со лба:

– Не помню.

Рим продолжал пристально смотреть на Секретаря, тот заерзал:

– Ну я действительно не помню! Ладно, я поднимаю все исходящие. Дело не в этом. Вы на что-то или на кого-то жаловались?

– Да нет. Упаси бог... – чуть не описался от страха Умар. – Николай Петрович, скажите, мы же ни на кого не жаловались? – посмотрел он на Пискунова.

Пискунов стал креститься:

– Что вы?! Никогда!!! Клянусь своими детьми...

Секретарь малость начал успокаиваться. Он всё время смотрел на свои часы:

– Так... Сейчас будет звонить сам Иосиф Виссарионович Сталин! Если сейчас товарищ Сталин сообщит или намекнет на что-то плохое про вас или про завод, или про республику, я лично вот здесь вас обоих расстреляю!!!

Пискунов обессилено опустился на стул, достал таблетки валидола, хотел их проглотить, но рука тряслась, таблетки рассыпались на полу...

Рим Марлен молчал и нехорошо смотрел на Умара и Пискунова.

– А вы мне еще говорите, что я с этими подонками грубил... – закашлялся Лутфиев.

На столе стоял черный правительственный телефон. Рим Марлен долго смотрел на Умара. Вдруг телефон начал звонить.

Секретарь поспешно взял трубку:

– Здравствуйте, товарищ Поскребышев... Да... Да... Конечно...

Секретарь выпрямился в стойку «смирно», Рим Марлен застыл у стены.

– Здравствуйте, товарищ Сталин. Да, товарищ Сталин... Да... Докладываю: план поставки хлопка перевыполнен на семь и две десятых процента... Да... Да... Спасибо... Как ваше здоровье, товарищ Сталин? – дрожащим голосом заблеял секретарь.

– Вы лучше о своем здоровье побеспокойтесь... – услышал Рим в трубке голос Сталина. – Мне нужны товарищи с завода номер 84.

– Так точно... Директора завода? Товарища Пискунова? – совсем растерялся секретарь.

Пискунов вскочил со стула, как ужаленный.

– Нет? Главного инженера Худоярова?! Да товарищ Сталин...

Секретарь дрожащей рукой протянул трубку Умару, сам встал рядом.

– Алло... – взял трубку Умар.

Директор завода Пискунов обмяк, опустился на стул и схватился за сердце.

– Добрый вечер, товарищ Худояров!

Умар молчал.

– Я сказал добрый вечер...

У Умара подкосились ноги:

– А?!... Ммм?... Здравствуйте, товарищ Иосиф Виссарионович Сталин!

– Товарищ Худояров, я прочитал письмо коллектива завода. Компривет товарищу Пискунову...

– А... А... товарищ Пискунов здесь, товарищ Сталин, позвать?

Пискунов опять вскочил с места.

– Нет, зачем же без причины тревожить человека. Он хороший работник, замечательно организовал производство. Я бы хотел поговорить с вами. Прилетайте числа двенадцатого. Поговорим. До свидания, товарищ Худояров.

Умар медленно положил трубку. Все, кто находились в кабинете, замерли.

– Что мне делать? Иосиф Виссарионович Сталин сказал, чтобы я прилетел в Москву... – испуганно промямлил Умар.

Секретарь ушащенно дышал.

Он не верил своим ушам и каким-то сдавленным голосом шепнул:

– Кто должен лететь?!

– Ммм... Я... Меня... зовет...

– Хм... Тебя... А товарищ Сталин не сказал, что я тоже должен лететь с тобой?

Умар чуть не заплакал:

– Нет...

В это время опять зазвонил тот самый телефон.

– Да... Да, товарищ Поскребышев... Так точно... Обязательно. Я сам лично проконтролирую... До свидания, товарищ Поскребышев... – подскочил к телефону секретарь. – Нет, полетишь ты один.

Секретарь сел за свой стол, открыл дверцу, достал оттуда початую бутылку коньяка, четыре хрустальные рюмки и коробку шоколада «Рот-фронт». Молча стал разливать.

– Рим, бери. Товарищ Пискунов, товарищ Худояров, угощайтесь...

Лутфиев дернулся было к столу, но что-то его остановило.

Выпили. Секретарь отломил кусочек шоколада. Потом пристально стал разглядывать Умара:

– Если тебя вызвал лично Иосиф Виссарионович Сталин в Москву, значит...

Секретарь посмотрел на Лутфиева и поменял тон:

– А ты, Лутфиев, случаем у власовцев или в гестапо не служил?

Рим Марлен удивленно посмотрел на Лутфиева.

Секретарь выпил:

– Рим, у тебя в конторе все такие держиморды?!

Рим Марлен начал мять папиросу:

– Не понял.

Секретарь сказал, думая о чем-то совсем другом:

– Да он честных советских работников оскорбил и им же нагрубил...

Рим Марлен бросил папиросу, встал, подошел к еще ничего не понявшему Лутфиеву и с размаху дал тому пощечину. Умар и Пискунов застыли в страхе. Даже секретарь не ожидал такого поворота.

– Ты что, козел?! Припух на казенных харчах? А? Я ведь тебя на лесоповал не отправлю, морда твоя ежовская... Я тебя к блатным в камеру засуну... Они тебя враз в чувство приведут... потом на куски порвут, а других петухов заставят сварить тебя в котельной или сожрать тебя сырым... Сдать оружие!

Лутфиев дрожа снял ремень и пистолет и вручил их Риму Марлену.

– Быстро проси прощения у товарищей...

– Я же... Вы же сами говорили, не чикаться с этими... Я обращался с ними по уставу, не бил, не ругал... – зашептал Лутфиев.

– Закрой то, что у тебя ртом называется! Проси прощения у товарищей!

– Товариш Пискунов, товариш Кодиров, п..простите меня как коммуниста... – начал хныкать Лутфиев.

Пискунов, еще не пришедший в себя от радости, что живой, вытирал пот со лба:

– Ничего, ничего, товариш Лутфиев, мы понимаем, это же ваша работа...

Рим Марлен тихо сказал Лутфиеву:

– Выйди вон в коридор.

Секретарь взял другой телефон:

– Мне Русакова. В пять утра самолет. Москва. Промежуточные посадки только для заправки. Понял? Товариш Пискунов, вас отвезут домой. А вы товариш Худояров, тоже езжайте домой, возьмете теплые вещи и сразу на аэродром. Я вас лично провожу. Подождите, товарищи, в коридоре.

– Не, не, не... Не надо меня везти. Я сам дойду... – испуганно заблеял Пискунов.

Рим Марлен посмотрел на секретаря:

– Товарища Худоярова отвезу я сам...

Худояров и Пискунов вышли. В конце коридора стоял плачущий Лутфиев...

Секретарь не знал, как начать разговор с Римом Марленом:

– Рим... Ты это, твой майор Лутфиев – брат моей жены... Конечно, он тупой идиот, но, сам понимаешь...

Рим Марлен стеклянно посмотрел на Секретаря, потом сел за стол спиной к нему:

– Я знаю, он ваш родственник.

Секретарь с опаской глянул на Рима Марлена:

– Какой он мне родственник?! Говорю же брат жены...

Рим Марлен якобы просматривал телеграммы, лежавшие на столе у Секретаря. Его аккуратно выбранный затылок не предвещал ничего хорошего. Перспектива «опускания» Лутфиева в камеру и дальнейшего его съедения петухами была реальной на сто процентов. Этот Рим Марлен не знает, что такое пощада, особенно к оплошавшим своим. В прошлом году капитан МГБ Коляда попался на изнасиловании безропотной вдовы... Коляду урки насиловали неделю, а потом петухи действительно сварили и съели его. Хрен с ним, с этим Лутфиевым, тупым животным, но жена Секретаря Латофат этого ему не простит...

Рим Марлен повернулся к секретарю:

– Ну, я его пока на годик в Нукус отправлю рядовым вертухаем, чтобы служба медом не казалась... А там посмотрим...

Секретарь прикусил губу:

– Ну, спасибо... Не буду вмешиваться в твои дела...

Рим Марлен посмотрел на него вполне определенно:

– Естественно...

– Ну... Ммм... Да, – мы поняли друг друга.

НАСТЁНА

Через двадцать минут по темным улицам Ташкента ехала черная машина «ЗиМ». Постовые издали отдавали честь. За рулем сидел сам Рим Марлен. Машина остановилась на Бешагаче. Рим и Умар вышли из машины.

Рим впервые улынулся:

– Ну, здравствуй, братка...

Они крепко обнялись с Умаром.

– Рим, ты? Как ты здесь? Живой! Мне же сказали, что ты в Польше погиб!!! Живой!!! Как ты? Как твоя Настёна?

– Настёна не дождалась меня... – вздохнул Рим.

– Не может быть... Она же тебе каждый день писала?

– Ты не то подумал... В Польше погиб мой тройной тезка... А что-то там напутали, извещение послали Настёне. Она как прочитала ту бумажку, так и упала. Разрыв сердца. А я дошел до Берлина – и ни одной царапины! Во как брат...

– И ты больше не женился?

– Нет... Ладно... Я уже два месяца здесь.

– Ты мне объясни, что это значит?

– Сам не знаю.

– Так ты по СМЕРШУ дальше и пошел? И кто ты здесь?

– На войне не спрашивают. А здесь я начальник милиции твоей республики. До этого был на Украине, во Львове.

– Молодец! А... А куда девался прежний?

Рим посмотрел на него, как на наивного ребенка, мол, нет того человека. В те времена «нет того-то» означало самое худшее...

– А...Понятно... – испуганно вздохнул Умар.

СЕКРЕТАРЬ

Через три часа у старой калитки дома Умара стояла машина Секретаря.

Умара провожала мать. Она повесила ему на шею тумор (талисман).

– В добрый путь сынок. Чует материнское сердце, едешь ты для больших и славных дел... Веди себя скромно. Только выслушай его внимательно. Он же наш отец. Спросит – отвечай коротко. У нас на работе висит картинка НЕ БОЛТАЙ! Сталин не любит болтунов.

– Хорошо, мама. Жаль, что с братом Рашидом не успею попрощаться. Ладно, вернется из своего колхоза, передайте ему привет.

– Хорошо, сынок...

Умар вышел из калитки и сел в машину.

Через час Секретарь стоял у двери самолета «Ли-2». Аэродром в Ташкенте в то время находился рядом с железной дорогой. Сейчас от того здания осталась только невысокая рулежная башня. Потом, в конце пятидесятых, построили двухэтажное здание по типовому проекту близнеца-аэропорта в Ленинграде. И много позже, но рядом, отгрохали с иголки отеланный международный аэропорт. Шел дождь. Умар стоял, думая о своем.

Секретарь начал говорить, стряхивая с фуражки капли дождя. Он старался не показывать Умару свое волнение, но был бледным, губы его тряслись:

– Меня наверное снимут с работы... Двенадцать лет назад, еще до войны, когда реши-ли назначать, меня вызывали в Москву. Иосиф Виссарионович Сталин лично со мной говорил целых одиннадцать минут... Это было и есть самое важное событие в моей жизни... Самое главное, если он спросит про меня, скажи правду: я всегда был и остаюсь коммунистом, и никогда, ты слышишь, никогда! Ни на миллиметр не сворачивал ни вправо, ни влево с генеральной линии партии. И еще, если со мной случится что, не трогай мою семью, они ни в чем не виновны...

Умар не знал вообще, что ответить:

– Да я ничего не понимаю...

– Скоро поймешь...

ПОЛЕТ 1952

Летели долго. Было две заправочные посадки: в Актюбинске и Куйбышеве.

С Умаром полетел помощник секретаря Ганиев, который всю дорогу до тошноты услужливо кормил и поил Умара. К Умару подошел штурман:

– Товариш Худояров?

Умар утвердительно кивнул. Штурман налил ему из фляжки стаканчик коньяка:

– Хорошая машина ташкентский Дуглас! – и пошел на свое место. Ганиев несколько

обиженно начал раскладывать на століке домашнюю еду: лепешки, казы, маис.

Умар поел, потом открыл тоненькую брошюру «О БОРЬБЕ КП УЗБЕКИСТАНА ПРОТИВ ПРОЯВЛЕНИЙ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО НАЦИОНАЛИЗМА И ТРОЦКИСТОВ-ЗИНОВЬЕВЦЕВ». 1937 год.

— Э, ука, зачем вам про них читать? Они еще до войны все расстреляны... — засмеялся Ганиев.

Умар внимательно посмотрел на смеющегося Ганиева... Аппетит у него и вовсе пропал.

Он долго думал, зачем его, обычного инженера военного завода, вызывает в Москву сам Сталин? Заменить директора Пискунова? Но он передал ему комплимент. Скорее всего, хочет сделать из него директора другого военного завода... Неужели его в чем-то обвиняют? Но они могли его арестовать еще в Ташкенте. Хотят снять секретаря? А он тут при чем? Он Секретаря-то видел три раза в жизни. Скорее это по линии его фронтового друга Рима Марлена...

Когда подлетали к Куйбышеву, по самолету ударил снежный заряд. Ганиев побледнел от страха. В Москву, на военный аэродром Тушино, самолет добрался вечером. Здесь тоже шел дождь. У трапа самолета его встретили два офицера и тут же пригласили в машину. Ганиеву и экипажу было приказано возвращаться назад. Ганиев растерялся — ему же было поручено сопровождать Умара всю поездку? Но тут же успокоился. Неизвестно, куда повезут Умара Худоярова после приема у Сталина — то ли в гостиницу, то ли на Лубянку...

СИРОТИН

Так я об Алёшке...

Самое смешное, что никаких, клянусь, ну никаких кулинарных, тем более общепитовских талантов у Алёшки не замечал никогда — мы ведь с шестого класса с ним за одной партией просидели, и в институт он поступил за компанию со мной со своими посредственными стихами. Насчет стихов я объективен. Там помог звонок его могущественного отца, о котором речь ниже. Но откуда у него появилось призвание быть одним из лучших рестораторов мира?! Может из детства? Товарищи, голодного детства, в отличие от моего, у Алёшки никогда не было! Это всё от Анны...

Год назад он прислал мне по почте диск с рекламным роликом своего ноу-хау. Во всех крупных городах Америки он открыл еще одну сеть, одинаковых, как близнецы, ресторанов под названием «Совет ностальжи»! Когда мне грустно, я кручу этот ролик и хохочу до слез. Люди, побывавшие в этих ресторанах, говорят, что, несмотря на высокие цены, туда записываются за неделю. Расклад клиентов там таков: десять процентов американцев, тридцать — бывших наших, а остальные 60% — русские туристы! Вход в ресторан — высокие деревянные старые двери, специально покрашенные в светло-голубую эмаль с такого же цвета решетками и звездой в центре. И обязательно с фанерной табличкой на бельевой веревке, где написано по-русски: ОТКРЫТО или ЗАКРЫТО.

И всё. При его-то деньгах можно было зафиндोलить что-то электронно-гламурное, как это в его ресторанах «Алекс энд сонс» в Лас-Вегасе! Ан нет. Тут все было тонко просчитано. Краска именно светло-голубая, именно потрескавшаяся эмаль и табличка на веревочке. Таких ресторанов в СССР было тысячи. Алёшка писал, что клиенты, завидев эту табличку, начинают плакать уже на подходе... Внутри специально приглашенные из Москвы студенты художественной академии сделали то, чем Алёшка по сей день гордится. Обладевшие от щедрого заказа американского лоха студенты по приезду из Америки тут же купили себе по иномарке. Ну, кто там был на самом деле лохом, надо разобраться: если бы те студенты знали, какую прибыль выкачал из их творения Алёшка за два года! Творение заключалось в следующем: стены ресторана обклеены страшными, просто чудовищными серо-зелеными обоями, на которых были маленькие вазильки. Когда мы с мамой въехали в наше Счастье, двухкомнатную малогабаритную квартиру с совмещенным санузлом и сидячей ванной, там были именно такие обои воронежской обойной фабрики имени Розы Люксембург. Таких обоев сейчас нигде не выпускают. Даже в Северной Корее или Монголии. Алёшка по этим реликтовым образцам специально напечатал в типографии в Чикаго несколько сот рулонов. То, ЧТО висит на обоях — песня отдельная, спую подробнее, со всеми припевами. На стенах были развешаны: алый флаг СССР, 15 флагов бывших союзных республик, флаги ВВС, ВМС и Советской армии, портреты вождей от Ленина до Брежнева. Отдельно огромный портрет И. В. Сталина в золоченной раме. На западной стене висит иконостас последнего Политбюро ЦК КПСС. На северной стене висело то, о чем даже написал журнал «Ньюс уик»: средний сын Алёши, Иван, за два часа на компьютере сделал фотомонтаж из жуткой фотографии с Нюрнбергского процесса. Суть фотомонтажа состояла в том, что на скамье подсудимых, рядом с Рибеттропом, Гессом, и заметно осунувшимся Герингом сидят Горбачев и Ельцин. Иван оказался очень умелым дизайнером, и посетитель не сразу замечал затесавшихся в ряды наистов двух

наших президентов. Не мудрствуя лукаво, Иван подписал это фотопанно размером три на два скромной подписью Эндис Уорхолл, причем, специально добавив в имя знаменитого, скажем так, художника, одну букву. Подруга Ивана, работавшая в Ти-Би-Эс, сделала небольшой репортаж о творении Эндиса Уорхолла. Наследники Энди подали в суд, но проиграли, ибо Америка – страна самых ушлых адвокатов. Адвокаты легко доказали, что этот шедевр создал Эндис, а не Энди... Число посетителей, желавших сняться на память на фоне Нюрнберга, резко увеличилось. В ресторанич, помимо ошалевших от бешеных денег богатых русских, стали навешиваться артисты, поэты, эстрадные певцы, приезжавшие на «чёр» в Нью-Йорк.

На столах белые клеенки в синюю клеточку (тоже специально изготовленные в Чикаго) со стертой надписью «Общепит» и тарелки с такими же буквами. На эти дорогие сердцу вчерашних советских людей, сегодня ставших вдруг богатыми туристами from Russia, реликвии было пролито немало пьяных слез... Ложки и вилки алюминиевые, отштампованные на металл-фурнитурном заводе № 6874 руками советских заключенных, как гласит маленькая табличка под такими же ложкой и вилкой, выставленными на стендике в вестибюле ресторана. У выхода – строгий швейцар в пиджаке с орденскими планками, с абсолютно русским лицом. Алешка лично проводил, как говорят сегодня, кастинг, выбрал пенсионера со сто восьмой улицы по фамилии Кау. Кау с холодным достоинством охранника ленинградского режимного завода открывал и закрывал двери посетителям. Рядом со стендом был ларечек «Совет эксклюзив». Там можно было купить всё, что выставлено, за полны. Мне приятно, что и я внес свою посильную лепту в этот бизнес: из Москвы по слезной просьбе Анны на сто долларов, присланных ею по почте, я послал в Америку купленные на Тишинском рынке граненые стаканы, рюмочки, те самые ложки и вилки, одну стертую до дыр общепитовскую клеенку... По этим образцам Алешка заказал на стекольном заводе в Ванкувере канадским мастерам-стеклодувам несколько тысяч копий тех самых стаканов и рюмочек. Там же изготовили 250-граммовые и поллитровые бутылки с нежно царапающей сердце русского человека этикеткой «Московская»! Соленые огурцы с пупырышками ему поставляют в бочках счастливые фермеры из Псковской области – триста баксов за бочку!

Нокаутом российских туристов сваливало Меню. Оно состояло всего из двух блюд:

1. Пельмени советские.
2. Сардельки московские.

Здесь тоже всё было продумано до мелочей. Я неделю рыскал по Москве в поисках пустой коробки из-под пельменей образца 1978 года с изображением бледной коровы, чтобы послать её в Америку. Там Алексей печатает эти коробки на фабрике. Помните, напротив входа в Зоопарк была пельменная, где добрые тетki на глазах у голодной очереди открывали эти самые холодные коробки, ссыпали их содержимое в огромные эмалированные кастрюли, и, пока ваша очередь доходила, заветная порция ценой в 67 копеек, спасшая от голодной смерти не одно поколение советских студентов, была готова... По желанию клиента можно было взять еще бесплатный бульон в тех самых граненых стаканах. Господи, а сардельки!!! А гарнир из зеленого горошка «Глобус» (пенсионеры называли этот горошек шариками Кадара) из Венгерской Народной Республики! А кусок черного бородинского хлеба с нашей, настоящей горчицей! Ничего вкуснее я в своей жизни не едал. Всё было тонко рассчитано. Алекс говорит, что постоянный представитель РФ при ООН тоже раз в месяц приходит сюда. Приняв на грудь триста граммов той самой «Московской», наш посол мира и доброй воли грустно смотрит на поварах, ссыпавших в кастрюли те самые пельмени, мастерски слепленные на конвейере фабрики Алекса в Чикаго из аргентинского мяса...

Да, но почему так много стаканов? Да потому, что эти самые граненые стаканы неожиданно стали чуть ли не основной статьей дохода в этом деле. Сценарий реализации стакана был продуман до мелочей и работал безотказно. Почти каждый вечер в ресторане бывал или крепкий сибирский газодобытчик со своими друзьями, или краснодарский владелец курорта с семьей, приехавший в Америку погулять, или какой-нибудь владелец русского холдинга с богатой тюремной биографией... И этот граненый стакан, стоивший Алексу меньше доллара, превращался в дорогой сердцу русского человека сувенир, который, якобы, отрывая от сердца («Понимаете, эти стаканы привез мой отец еще из того СССР, мне надо испросить его разрешения...»), заведующий залом Денис, бакалавр психологии, младший сын Алешки, продавал унывающемуся пьяными слезами русскому туристу за 50 баксов. Впрочем, говорил Денис, вы можете купить такой же стакан за десять долларов в нашем магазинчике. В эту секунду уже срабатывала супердядяская жилка всевозможных Клав, Ларис и Татьян, короче, жен богачей:

– Вася, на хрена нам полтинник тратить, если можно купить за червонец?! А лучше я тебе в Москве у мамы таких стаканов ведро наберу!

Тут Денис вставлял решающую исход операции реплику:

— Да, да, конечно, десять долларов, но должен предупредить вас, что там копия, изготовленная в Канаде...

Вася произносил окончательное слово хозяина:

— Молчи, дура, ты, как твоя мать, из-за рубля удавился! Тем более у твоей... ё... матери... я ничего не возьму. Мне и тебя хватает! Беру один, вот этот, из которого пил! Эх, вот она судьба. Вот из-за чего стоило ехать в эту Америку! Чтобы выпить московской водочки из вот такого родного стакана!

МОЙ ДРУГ УМАР. 1952

Умар уже ехал в машине по улицам столицы. Рядом с Умаром двое в форме МГБ. Умар молчал. Офицеры тоже. Только однажды Умар спросил у майора МГБ:

— Товариш майор, а курить можно?

— Так точно.

Майор достал из кармана шинели пачку папирос «Казбек» и угостил ими Умара.

9 ноября 1952 года Умар в первый и в последний раз в жизни побывал в Кремле, в приемной И. В. Сталина.

— Товариш Худояров, товариш Сталин ждет вас. Просьба, отвечать на вопросы четко, конкретно и коротко. Товариш Сталин не любит болтунов.

— Я знаю... Мне мама говорила...

Поскребишев удивленно посмотрел на него, потом открыл дверь.

Умар вошел. Сталин стоял спиной к нему, смотрел в окно. Первое, что пришло на ум Умару и то, чего он никогда не говорил никому – товариш Сталин был очень стар и болен. Мама за год до смерти её отца, многоуважаемого муллы Рахмона, увидев затылок старика, тихо прошептала:

— Дедушка не дотянет до следующей зимы...

Тот седой затылок деда Умар запомнил на всю жизнь. Так и вышло тогда, дед умер осенью. У Сталина был именно такой затылок. На нем был темный, почти черный френч. Умар никак не ожидал увидеть вождя в таком френче. Он по кадрам кинохроники, по газетам и по книжке «Краткий курс истории ВКП (б)» запомнил товарища Сталина или в сером, или в белом френчах, или в форме генералиссимуса. За две секунды своего пребывания здесь Умар на всю жизнь запомнил, что Сталин был совсем небольшого роста, что его лицо было желтовато-бледным и со следами оспы. Слегка, а не так, как его будут через полвека описывать многочисленные разоблачители, сами никогда не видевшие его вот так, с расстояния девяти метров. Поверить им, так у Сталина лицо было чуть ли не шилом брито. А что же тогда у этого, бывшего Президента Украины? Не лицо, а крупнозернистый наждак, вспаханное поле?

За столом сидели одетый в черный костюм и галстук Молотов и Министр МГБ Игнатьев в форме.

Сталин повернулся к нему:

— Здравствуйте, товариш Худояров.

— Здравствуйте, товариш Иосиф Виссарионович Сталин... – чуть сиплым от волнения голосом ответил Умар.

— Садитесь, товариш Худояров.

Вождь подошел к столу, вытащил из письменного стола трубку, взял пепельницу, раскрыл коробку табака «Герцеговина Флор» и... спрятал всё это обратно в стол.

— Я внимательно прочитал письмо от имени коллектива вашего завода. Хорошее письмо. Искреннее. Деловое. Все ваши предложения мы внедрим и на других заводах вашего профиля. Что меня радует, товариш Молотов, это то, что и в союзных республиках, особенно в Средней Азии, выросли такие умелые специалисты, как товариш Худояров.

Умару показалось, что Молотов чем-то огорчен. Во всяком случае, Молотов был еще в теме, которую, видимо, обговаривали до прихода Худоярова сюда. Глядя в окно, Молотов как-то равнодушно сказал:

— Еще до войны, вы, Иосиф Виссарионович, сказали: кадры решают все. И вот вам плоды правильной, дальновидной политики партии...

— Да, я это помню, товариш Молотов...

Сталин интонационно дал понять Молотову, что предыдущая тема исчерпана. Об этой теме Умар не узнает никогда, как не узнает, что в последние месяцы Сталин ни разу не вызывал Молотова к себе.

— Но вас, товариш Худояров, я вызвал по другому вопросу... Вы же имеете большой опыт работы в СМЕРШе?

— Так точно, товариш Сталин.

– Товариш Худояров на Белорусском фронте лично обезвредил более сорока диверсантов, был ранен, награжден тремя орденами... – перелистывая бумаги, заметил Игнатьев.

– Вот и замечательно... Мы решили назначить вас Особым уполномоченным при Министерстве госбезопасности в вашей республике. Будете работать с товарищем Римом Марленом. Кому, как не вам, учитывая ваше знание родного языка и национальных особенностей, поможет и, если надо, удерживать товарища Рима Марлена от перегибов на этой важной работе... А товариш Рим Марлен будет удерживать вас от проявлений местничества и родственного кумовства, чем часто грешат наши республиканские руководители. Товариш Игнатьев, все документы должны подписывать два человека: товариш Худояров и Рим Марлен на равных правах. Без подписи одного из них это будет не документ...

– Так точно, товариш Сталин... Я и сам думал так сделать...

Сталин холодно посмотрел на Игнатьева. Он был ему чужим, его протолкнули Маленков и Хрушев, и ему еще надо разобраться, что за фрукт этот Игнатьев. Дурак Власик, зажался на казенных хлебах... А может это ему всё достроили? Надо бы вечером вызвать на дачу Лаврентия, хотя Берия при микроскопическом подозрении на Игнатьева уничтожил бы его. Значит, надежный. Пока.

– Не надо. Вы так не думали товариш Игнатьев... Иначе сами бы решили этот вопрос. Игнатьев заткнулся и теперь уже стал думать, чем обернется для него небрежно брошенная фраза Сталина.

– Надо четко различать, что такое национальный вопрос с марксистско-ленинских позиций и что такое махровый, мелкобуржуазный национализм. Этому нас учил Ленин... Товариш Игнатьев, какие национальности были перевезены на постоянное жительство в Узбекистан?

– Крымские татары, турки-месхитинцы, чеченцы, ингуши, немцы... По информации товарища Рима Марлена, местное население с пониманием отнеслось к решению ЦК в годы войны и никаких инцидентов не наблюдалось...

– Видите? Это еще раз подтверждает правильность курса партии в этом вопросе. Но это вовсе не дает повода для благодущия. Это первое направление вашей работы. Второе: после выступления господина Черчилля в Фултоне и последовавших за ним недружественных актов, если не сказать больше, стало ясно, что наши бывшие союзники по антигитлеровской коалиции резко изменили свою политику по отношению к СССР и братским странам... А это вынуждает нас держать порохов всегда сухим как во внешней политике, так и во внутренних делах, то есть быть бдительными по отношению к любым проявлениям антисоветских настроений в стране... Особо надо проявлять бдительность ко всякого родам безродным космополитам и скрытым ячеекам международного сионизма... Детали вам объяснит товариш Игнатьев. Желаю вам успеха, и не торопитесь рапортовать о достигнутых победах. Победы, так же, как и провалы, мы увидим сами. До свидания, товариш Худояров.

– До свидания, товариш Сталин!

Умар вышел. За ним вышел Игнатьев. Выйдя из кабинета вождя, он подумал, что товариш Сталин вовсе не стар, абсолютно здоров, мудр! За две минуты так просто и доступно изложил задачи. У Умара от пережитого волнения, страха, восторга пошла носом кровь... Через двадцать минут он был в здании МГБ.

ИГНАТЬЕВ

Игнатьев уже сидел за столом и что-то писал на листе бумаги, потом протер очки платком, и сказал, глядя в окно:

– Ну... Как там на Родине?

Умар не знал, что ответить.

– Я вырос в Бухаре... И так до зрелого возраста... Садитесь, чего стоите... Женаты?

– Нет...

– Почему?

– Война была...

– Война давно кончилась. Вернетесь домой, женитесь!.. Невеста есть?

– Н..нет... Работа, завод... Я хотел спросить, а как же завод?

– Вам товариш Сталин четко и ясно изложил ваши задачи. Положение очень опасное...

– Неужели опять война?

– Она уже идет. Пока без артподготовки, без авиации, без танков... Вы экстерном пройдете Высшие двухмесячные курсы при академии МГБ СССР.

Сейчас зайдите к товарищу Тельнову.

Игнатьев взял телефон.

СИРОТИН

Алешкина благоверная Анна (в девичестве Каганович) была всё-таки уникальной женщиной. Скажем прямо: красивой её назвать было трудно. Даже в её самые лучшие годы. Там была проблема с орлиным носом. Родись она раньше, в фашистской Германии, любитель член НСДАП разрядил бы в неё прямо на улице свой «Парабеллум». За двадцать метров даже самый заухудалый немец узрел бы в ней классическое воплощение черт, присущих этой замечательной и вечной нации. Кроме одного – огромных, на пол лица, голубых глаз. Эти глаза когда-то для Алешки оказались судьбой.

Анна была дочерью Фаины Соломоновны Каганович, как выяснилось потом, подруги моей матери. Выдающийся деятель партии, организатор, народный комиссар путей сообщения, отец московского метрополитена, грозный «чистильщик» крайкомов и обкомов Лазарь Моисеевич Каганович был просто её однофамильцем. Не более. Однажды Фаина Соломоновна шла на параде в стаде первомайских демонстрантов. Они несли мимо трибуны мавзолея большие портреты с лицами первых помощников Хозяина. А Хозяин, да что там, без всякой иронии, для неё и для всех живой бог стоял на трибуне в центре, по бокам, как и положено, стояли его апостолы. И там Фаина Соломоновна узрела своего выдающегося однофамильца. Практичная от природы она вечером придумала миф о том, что дядя Лазарь приходился тётке Фae дальним родственником. Но странное дело: грозный родственник никогда не интересовался ни Фаиной, ни её голубоглазой дочерью. На вопросы подруги Фаина Соломоновна с тихой гордостью заявляла:

– Вера, я не сержусь на дядю Лазаря, где я, а где он?

Вот уж действительно, сердиться было не на что. Если бы её куриные мозги знали, что Лазарь Моисеевич сказал своему родному брату, попавшему в опалу: «Вон туалет, иди и застрелись!» Она бы свою, якобы, причастность к этой фамилии спрятала бы подальше... Отца у Анны не было. Фаина Соломоновна однажды только упомянула, что отцом Анны был русский мужчина дантист, и что он умер от инфаркта в тридцать пять лет... Больше Фаина Соломоновна не хотела говорить с дочерью на эту тему, тем более и дочери это было абсолютно неинтересно. Фаина не сказала дочери, что тот зубной врач Никифоров был очень красивым с её точки зрения. Он был очень похож на Марка Бернеса из фильма «Два бойца». Только мама не сказала дочери, что её биологический отец на самом деле жив и рвет зубы пациентам в той же поликлинике, где была зачата Анна... Он не был настолько похож на Бернеса. Просто Фаина влюбилась в него. Соитие произошло после нескольких посещений его кабинета средь бела дня прямо на кресле. Фаина пришла, чтобы стоматолог наконец-то поставил ей пломбу. До этого он тшательно, пожалуй, слишком тшательно, лечил и готовил зуб. На седьмом посещении рухнули вековые моральные устои древней Иудеи в лице потерявшей сначала голову, а потом и девственность, Фаечки...

И природа распорядилась так, что с первого же раза Фаечка понесла. Вот где причина иссиня голубых глаз Анны и практически поломанной жизни Фаины Соломоновны. У дантиста Никифорова были жена и двое детей никифоровенок. Слезы, истерики, угрозы Фаины позвонить жене дантиста и еще кое-куда вызвали обратный эффект: «Звони, жена тебе все волосы вырвет, а своим родственником меня не пугай – он тебя же и отправит в Магдан!» Фаина тогда испугалась...

Теперь Анне было уже двадцать три, у мусульман это уже возраст старой девы, думаю, что и Фаине Соломоновне положение её дочери уже внушало легкую тревогу...

Под предлогом моего дня рождения и визита к своей подруге, то есть к моей матушке, Фаина Соломоновна и привела дочь на встречу с молодежью. Посещение клубов, танцев, кинотеатров из жизни Анны было категорически исключено по очень веским, с точки зрения матери, причинам:

– Что вы?! Это так опасно с такой фамилией показываться в общественных местах!

Будучи девушкой умной, Анна видела, что строгость мамы была смесью ханжества и плебейской заносчивости: первое – боязнь повторения стоматологической истории, второе – ну совсем необязательное чувство причастности к фамилии Каганович... В 63 году всем, кроме преподавателей истории КПСС, были уже глубоко до фени все Кагановичи, Молотовы, Булганины. Все тогда жили космосом и коммунизмом. В космос верили. В коммунизм – вряд ли, может быть, только пионеры, потому что в учебнике по истории СССР для пятого класса четко было написано: в 1980 году наступит коммунизм.

Анна тайком от мамы ходила на все вечера в Политтехнический. Однажды даже попала в кадр знаменитого фильма. Среди толпы замороженных зрителей, которые просто умирают от очень искренних, сердечных песен тогда еще не седого, похожего на воровышка Окуджавы, сидит молодая брюнетка с неестественно голубыми глазами и что-то иногда записывает в своем блокнотике, а чаще просто слушает и думает. Она обладала замечательным качеством, присущим, наверное, только японским женщинам – она умела

слушать и понимать, при этом не выдавая никаких эмоций. Камера запечатлела её всего на три секунды.

Потом она также невозмутимо слушала замечательные по содержанию, но абсолютно пижонские по исполнению стихи и поэмы агрессивно талантливого молодого Евтушенко. Анна так и записала в своем блокнотике: «Евтушенко поэт, но пижон». Манерные завывания Ахмадулиной (вторая страница блокнота): «Бэлу лучше читать, но не слушать». И, странно, ей почему-то очень не понравился Андрей Вознесенский: резко и раздраженно в блокноте записано: «А. В. не люблю и всё, даже не знаю почему!»

Через пять минут почти то же самое она сказала Алешке, сидевшему сзади неё и дававшему ей, незнакомке, вопрос:

– Как вам Вознесенский?

Ответ мог быть только один: «Он гений...»

А она возьми и скажи:

– Он мне не нравится...

У нас с Алешкой глаза полезли на лбы: быть в Политехническом и сказать такое про Вознесенского, это было похуже, чем крикнуть в Древнем Египте: «Фараон – не бог!» Тогда Алешка её не разглядел. А я – тем более. Подумал, лапотница рязанская, куда притишайся? До их настоящей встречи оставалось четыре года.

Итак, как уже было сказано выше, они познакомились на моем дне рождения в 67 году. Мы, молодые, после нескольких тостов и маминого жаркого всё-таки умудрились удалиться в другую комнату и тут же ожили. Сначала были танцы, потом Яшка Курочкин (два года назад его тело, застегнутое в пластиковый пакет, я передал в общий крематорий для бомжей) начал играть на гитаре и петь, от чего все девушки на глазах разомлели.

Не мледа только Анна – она вообще не любила песни под гитару. Потом Алеша, уязвленный успехом Курочкина у дам, тихо сказал Анне:

– А хотите, я вам стихи прочитаю. Свои...

При этом он не смотрел на неё, а аккуратно разрезал лимон.

Анна смотрела на лимон и слушала... Стихи были плохие, может быть, поэтому причудливо нарезанные лимонные дольки произвели на Анну большее впечатление, чем Алешкины вирши. Прочитав, он робко посмотрел на неё. Он узнал в Анне ту самую «лапотницу рязанскую» из Политехнического. Через секунду Алешка упал в обморок. Глаза Анны сделали свое дело – Алешка влюбился. Нет, он полюбил в первый и последний раз в жизни. Они стали встречаться.

МОЙ ДРУГ УМАР

Через два месяца, утром, 10 января 1953 года Умар сходил с трапа «Ли-2» в форме полковника МГБ. Его с затаянным испугом встречал Секретарь КП Узбекистана. Секретарь был бледен, сразу спросил:

– Ну? Меня спрашивал? Или ты за мной приехал?

Умар пристально посмотрел в глаза Секретарю:

– У меня к Вам вопросов нет, – и пошел в сторону машины, на ходу бросив: – Пока нет...

К Умару подошел полковник МГБ Рим Марлен:

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Да ладно, Рим! – удивился Умар.

Они обнялись. Две машины отъехали от самолета.

В здании МГБ Узбекской ССР царил суматоха: здание побелили заново, внутри навоевали последний маршфет не только солдаты-срочники, но даже офицеры. Худояров приехал в здание прямо с аэродрома. В кабинете у Рима выстроился весь командный состав МГБ республики. Рим Марлен по порядку представлял высихших офицеров:

– Начальник пятого отдела подполковник Кушнаренко, начальник третьего отдела подполковник Клычев, Герой Советского Союза, начальник шестого отдела... И так далее. Товарищи офицеры, представляю Вам полномочного представителя МГБ СССР полковника Худоярова. Пароль по ВЧ и штабной связи – СВИНЕЦ, такой же, как у меня...

Только к вечеру Умар поехал домой, он так соскучился по маме!

Мать минут десять висела у него на шее:

– А я уже думала, что не увижу тебя, я думала, что тебя посадили, сынок! Как тебе идёт форма!

– Здравствуйте. Опа, я пойду?

Умар только сейчас обратил внимание на молоденькую девушку, скромно одевающуюся в коридоре. Мама предупредила его вопрос:

– Это Рисолат, соседка. Письма мне твои читала!

Несмотря на возражения матери, Рисолат тихо ушла...

Через час со своих полей приехал старший брат Умара агроном Рашид. Умар дал

денег своему водителю, тот съездил куда-то за продуктами, купил всё для плова. Хорошо посидели. Умар спросил у брата, мол, как дела на хлопковых полях? Брат уклончиво ответил, что всё путем... Брат вообще был неразговорчивым. После обеда Умар поехал на свою новую работу, брат – к себе на поля.

На работе его уже ждали.

Рим поставил комсоставу задачи на текущие сутки и уже в конце сказал:

– Спасибо товарищи. Все свободны. Товарищ Рудаков, задержитесь.

Кто-то из офицеров положил бумагу на стол и быстро ушел. Остался только майор Рудаков.

– Ты прямо с корабля на бал... – заметил Рим.

Умар удивился.

– Сейчас узнаешь. Товарищ Рудаков, министр МГБ прислал шифровку: он лично благодарит вас за проявленный героизм и мужество при задержании опасного шпиона-диверсанта. Вы и сотрудники вашего отдела будете представлены к наградам.

– Служу Советскому Союзу! – вытянулся Рудаков.

– Ну, ведите его, – распорядился Рим.

– Есть.

Рудаков вышел. Умар в это время посмотрел на улицу. По противоположной стороне с почтовой сумкой шла та самая девушка Рисолат. Умар аж шею вытянул... Конвой привел человека в гражданской одежде.

– Садитесь, – приказал Рим.

Рудаков положил на стол папку. Умар оторвался от окна и стал внимательно рассматривать принесенное.

– Это стратегический план города... Он отметил все войсковые части... Это списки руководителей... Это несколько шифровальных блокнотов, фотоаппарат, две кассеты с микропленкой... Это старый радиоприемник, использовавшийся как рация, – чуть слышно пояснял Рудаков.

Подследственный молча сидел не поднимая головы:

– Ну, всё ясно... Гражданин Симаков Семен Иванович, был задержан на месте преступления, когда воровал из продмага четыре бутылки водки... – тихо сказал Рим.

Симаков смачно высморкался в свой грязный платок:

– Не четыре, а три... Одну я выпил там... И там заснул... По пьяне и попался...

– Ну да... И поэтому вас на допрос вызвал начальник МГБ республики, когда ваше дело мог решить районный следователь, даже участковый... – засмеялся Рим.

– Ну, начальник, за что мне такая честь, я и сам не знаю... У вас что, других дел мало? Ладно, раз такая пьянка пошла, спрашивай!

– Нет Матвеев, не буду я тебя спрашивать... – отрезал Рим.

Подследственный вдруг изменился в лице:

– Не понял...

– Ты все понял, Матвеев.

Подследственный кнул свой воротник, резко, упал и начал корчиться. За ним спокойно наблюдали чекисты. Подследственный перестал корчиться, удивленно открыл глаза и сел на пол.

– Kloун! Карандаш! Я что зря тебя полгода пас? Мои ребята во всех твоих рубашках ампулы с твоим цианидом заменили на слабительное... Прочистишь свой дымоход! Они думают, что у нас болваны работают! – заразительно хохотал Рудаков.

Рим Марлен довольный сидел на стуле. Подследственный вдруг резко вскочил, бросился на Рудакова, Рудаков ловким движением ударил Матвеева под дых, скрутил тому руки.

– Руку! Всё! Отпусти, начальник!

– Вот сволочь, пуговицу оторвал... У, морда шпионская!

Вбежали двое конвойных, скрутили руки, посадили подследственного на стул.

– Зато я вам отомстил за своего отца!

Умар взглянул на Матвеева.

– Да не было у тебя отца никогда! Мать твоя была обыкновенной проституткой и пьяницей в Воронеже, её зарезал её же сожитель, Бастрыкин... – зарычал Рим Марлен.

– Врешь, начальник!!!

– А какой резон мне врать?! Тебя воткнули в детдом, чтобы ты не сдох. Твой однофамилец, сын белого генерала Матвеева рос там же. В 15 лет генеральский сын умер от дизентерии, а ты присвоил биографию того несчастного. Из грязи в князи... Потом в августе 41 года сам добровольно сдался в плен. И расстрелял своих же троих однополчан, Иуда – немцы тоже не дураки, так они проверили тебя... Разведшкола Абвера, кличка Валет...

– Всё начальник!

– А в 45-м снова сыграл в несчастного сына и попал в руки к американцам... Кличка Койот. Шакал. Ты работал в одиночку, свидетелей не оставлял. Своего помощника Гарибьяна после того, как он отработал, ты убил и сбросил в реку Ангрен. Потом от твоих хозяев пришел приказ: по паспорту убитого тобой несчастного пьянишы Симакова совершить мелкую кражу и после года-двух отсидки возобновить свою работу. Хитро придумано!

– Да... Только ты мне ничего не сделаешь, а отправишь в Москву, на Лубянку. Потому что я нужен там, – оскалился Матвеев.

– Шура, мразь... Я тоже детдомовский... Я даже имени своего не знаю, у нас на Волге вся деревня вымерла, но меня с девяти лет вскормила, воспитала и дала образование советская власть, и я защищал свою Родину, а ты сын проститутки Галки-даваки перешеголял свою мать, мразь... Уведите его! – скрипнул зубами Рим.

Матвеева увели. Умар смотрел на Рима.

– В Москву отправляйте. Охрана 10 человек. Только офицеры, – распорядился Рим.

– Есть!

Рудаков ушел. Рим закурил:

– Вот так братка, не зря мы едим народный хлеб...

– Не зря, Рим... Ты знаешь, я как будто на фронт вернулся.

ЕВРЕИ

Потом уже в кабинете Худоярова Рим Марлен и Умар до полуночи перебирали папки с бумагами. Рим Марлен тихо читал: «Гольдман Израиль Мануилович, врач, профессор. Три ордена, сам вынес на своих плечах десятки солдат... Сильминштейн Менахем Уриелевич, доцент, историк, преподаватель кафедры истории ВКПб... Рабинович Рахиль Соломоновна, стоматолог Поликлиники № 6». У них пока всё чисто.

Умар перепроверил папки, потом отложил их в сторону:

– В шифровке написано, что сообщение ТАСС выйдет 13 января...

– Да, пожалуйста... Смотри (читает)... все участники террористической группы врачей состояли на службе иностранных разведок и в организации «Джойнт»... – продолжил Марлен.

Умар вдруг рассыпал на столе спички и папиросы.

– Рим, следи. Мехлис умер. (Умар поломал одну папиросу). И все кто работал с Мехлисом... (Умар пододвинул к поломанной папиросе несколько спичек и сломал их): – Расстреляны... (Умар поставил другую папиросу)... Генрихом Ягодой.

Рим Марлен следил за рукой Умара. Умар сломал вторую папиросу:

– Ягода расстрелян, а все кто был с Ягодой... Расстреляны Николаем Ежовым... Николай Ежов расстрелян Лаврентием Берия. Абакумов неизвестно жив или мертв...

– Знаю. Зачем ты мне это говоришь?

– Я это говорю фронтовому другу, который меня спас от пули...

Рим Марлен задумался.

– А что нашли в кабинете у этой стоматологички Рабинович? – спросил Умар.

– Еврейская газета «Эйникайт» («Единство»)... Она в нее курицу заворачивала.

– Но она читала?

– Да она ни в зуб ногой ни на идише, ни на иврите... Но с работы её уже выгнали. Главарч Брейтман тоже трясется.

Умар набрал телефон:

– 755? Свинец. Соедини меня с поликлиникой № 6. Товарищ Брейтман?... Спокойно живешь? Я спрашиваю, спокойно живешь? А может ты приедешь к нам на Ленинградскую, может оденешь форму МГБ, сядешь на место следователя? Ты всё понял? Да я тебе все зубы вырву и в одно место вставлю, падаль. В течение часа восстановить на работе гражданку Рабинович. С комприветом полковник Худояров! Он по-моему обделался... Пока никого не трогать...

Рим Марлен хмуро смотрел на бумаги:

– А если Игнатьев затребует отчет?

– Как затребует, пошлем. Пока никого не трогать...

Поздно вечером майор Рудаков принес в кабинет котомку. Там была: бутылка самогона, кусок сала, домашние пирожки, огурчики... Сам Рудаков почтительно удалился. Выпили, закусили, расстегнули пуговицы... Дым стоял в кабинете – хоть топор вешай. Рим Марлен выпрыгнул в урну очередную пепельницу:

– Мм...да... Я бы в обморок упал... От страха и от счастья. Ты знаешь, поражаю его памяти. Игнатьев говорил, что Сталин помнит всех, не говоря уже о республиканских шишках, помнит имена и фамилии секретарей обкомов, крайкомов и даже райкомов,

директоров всех заводов...

Умар пристально посмотрел на Рима.

– Может, он помнит и каждого солдата в Армии, и вертухая в МГБ?

Рим засмеялся. Умар холодно взглянул на своего друга:

– Это ты меня предложил Игнатьеву?

– Ну да...

– А почему ты сам не пришел, не спросил меня, хочу ли я этого?

– Я как приехал, дал своим команду разыскать тебя... Тебя нашли через день.

Обнаруживать себя мне пока было нельзя. Я сам мало в это верил. Разве ты не рад?

Умар хотел что-то сказать, но остановил себя.

СИРОТИН

Через месяц моя мама поехала погостить к своей племяннице в Рязань, и я как самый близкий друг помог Алешке достойно потерять свою непорочность. Шелых пять дней с утра до вечера (а ночью – ни-ни, мать Анны была на чеку, после стоматологической истории она готова была надеть на дочь железный пояс девственности! Опоздали, Фаина Соломоновна!) влюбленные до потери сознания кувыркались и ворковали в нашем с мамой малогабаритном гнезде на Марьиной роше... Слава богу, им хватило ума не залететь. Таким счастливым Алешку я никогда не видел...

Но на шестой день Алешка вдруг пришел ко мне весь серый.

– Что случилось?

– Мы хотим пожениться.

– Да, а я думал, что ты похоронил Анну после стольких бурных дней! Эка невидаль, женитьба. В чем проблема?

– Ты что, идиот?!

– Нет.

– Анна еврейка!

– Ну и что?

– У мамы будет разрыв сердца, а отец просто меня расстреляет... Надо подождать. Так Анна говорит...

Подождали неделю. На восьмой день после этого разговора они тайком подали заявление в ЗАГС. Я был свидетелем со стороны Алешки. Ни подвенечного платья, ни черного костюма жениха. Расписались, потом пошли погулять по городу, посидели в кафе, поели мороженого, выпили шампанского и всё!!! Свидетельницей со стороны Анны была её подруга Рита, о существовании которой я забыл на второй день – настолько она была неприметна. Впрочем, думаю, что меня та подруга забыла еще раньше, в тот же день – мужчины всегда чувствуют, когда они неинтересны женщине.

Провал операции под кодовым названием БРАК случился через неделю. Разведчик попадает на мелочах.

Стоял 1967 г. Алешка Николаев был не просто моим другом, а сыном третьего зам. Министра Обороны СССР.

Вам даже трудно представить себе, что это тогда означало! Что означала тогда неожиданная женитьба единственного сына одного из заместителей Министра Обороны СССР, личного друга Леонида Ильича Брежнева и личного друга и русского брата Президента Объединенной Арабской Республики Гамала Абдель Насера, Генерала авиации Петра Николаева на стопроцентной еврейке?!

И это в то самое время, когда доблестные египетские летчики и наши рязанские, оренбургские, владимирские парни на «мигах» и «сухих» вели воздушные бои с израильскими «фантомами» и «старфайтерами»!!!

Генерала срочно вызвали в Кремль. Его ждал Сам Леонид Ильич в своем кабинете. Объяснял, расцеловались, потом Брежнев подошел к столу и небрежно махнул в сторону генерала лист бумаги. Обычный стандартный лист писчей бумаги взмыл над полированным столом и мягко приземлился как раз перед Николаевым. На листе была фотография Николаева в военной форме, а внизу что-то написано на еврейском.

Потом из уст тогда еще относительно молодого и красивого генсека последовал отборный и крепкий мат:

– ...Где твоя бдительность, Петя?! Весь арабский мир вопит – невестка русского генерала – еврейка, сионистка! Тут, конечно, не обошлось без руки ЦРУ, ты там со своими самолетами много крови им подпортил, но факт остается фактом, надо делать что-то с этой... как назло, и фамилия у неё Каганович!

– Она просто его однофамилица...

– Там уже все равно. А если этот старый хрен узнает? Он и так пятое письмо присылает в ЦК о восстановлении его в партии! А если он даст интервью вражеским голосам?

Генерал хотел было сказать, что супруга Леонида Ильича Виктория Петровна, тоже... Но страх, обычный страх сковал волю и язык генерала. До знаменитого шевеления указательного пальца генсека и его sacramentalного «Не шали» оставались секунды. Обычно после таких слов человек навсегда исчезал с поля зрения генсека. Как говорил Николаев, что дозволено генсеку, не прокатит человеку... Леонид Ильич отошел к окну с видом на кремлевский дворик и закурил сигарету. Воцарилась гнетущая тишина.

То, что до приезда Николаева еврейские летчики (за полчаса!) сожгли 309 из 340 новеньких советских самолетов прямо на аэродромах арабов, и что доблестные защитники Иордании, Сирии и Египта за шесть дней отдали врагу огромные территории своих стран с миллионами своих сограждан (и ведь до сих пор распухший в пять раз Израиль ничего не вернул) – это правоверные мусульмане еще могли пережить, а вот невестку-еврейку русского генерала Николаева – ну никак нельзя!!! И вот в такой нервный момент радикалы-семиты из кружка Меира Каханэ выпустили листовки с изображением генерала Николаева с надписью:

«Одна из этих листовок сейчас лежала на полированном столе генсека.

На самом деле Каханэ к этой виртуозно исполненной диверсии не имел никакого отношения. Это два агента ЦРУ, Сруль Нейман и Хаим Верлошки, добросовестно и бескровно выполнили просьбу своего правительства – уж больно много стали загораться в воздухе от советских «Сухих» совсем недешевые «Фантомы» и «Старфайтеры»... А машины-то продавались правительством США неистовым Давиду Бен-Гуриону и киевлянке по месту рождения, а теперь матери всех евреев Голде Меир за гроши. Но правительство США покупало у фирм «Нортроп» и «Дуглас» эти самые самолеты по коммерческой цене, капиталистам-то были по фене капризы той старухи:

– Господин Президент, хотите помогать друзьям – платите! Возник дисбаланс. Им надо было во что бы то ни стало уничтожить русского генерала, хотя бы морально. Листовка решила всё. Это был приговор.

Через двадцать секунд этой зловещей тишины большие генеральские звезды на погонах Николаева приготовились катапультировать, как пуговицы на кофточке перезревшей деревенской девушки... Но тут произошло непредвиденное. У генерала случился инфаркт. Прямо в кабинете генсека. А Леонид Ильич был человеком по натуре добрым и сдобольным, даже сентиментальным. Вбежала охрана, вбежал личный врач Брежнева, потом приехал сам Чазов и увез генерала в «кремлевку». Через два дня генсек (Лично!), сидя за рулем своего «Крайслера» приехал в госпиталь навестить больного. В тот же день генерал Николаев, якобы, подал в отставку по состоянию здоровья, тем самым сохранив свои златотканые генеральские звезды и оставшись до конца своих дней личным другом и Леонида Ильича, и братом Гамалы Абдель Насера... Хороший ход, между прочим.

Через много лет, зимним вечером 79 года, сидя у себя на даче в Завидово, Брежнев вспомнил про Николаева. Это был один из немногих людей, которых Брежнев назвал бы настоящим другом. Но Петра уже давно не было в живых...

МОЙ ДРУГ УМАР

Ташкент. Ночь. Улица Будёного. Многоквартирный «коммунальный» двор с одноэтажными домами. Милиция оцепила вход во двор. Умар и Рим Марлен входят во двор, милиционеры отдают им честь. Слышен отчаянный плач женщины. Рим Марлен идет впереди. К нему подбежал капитан МГБ.

Рим Марлен с ходу крикнул:

– Где?

– Там, товарищ полковник! – прошептал капитан.

Умар и Рим Марлен зашли в квартиру. Из квартиры вышла миловидная женщина-узбечка в белом халате:

– Здравствуйте, товарищи. Мы там уже не нужны.

Умар невольно оглянулся на женщину, Рим Марлен это заметил:

– Кстати, вдовушка...

В комнате лежал труп мужчины, накрытый простыней, через которую проступала кровь.

– Откройте! – распорядился Умар.

Эксперт открыл простыню:

– Два часа назад... Удар саблей... Голова почти отсечена. Смерть наступила практически моментально...

В комнату вошел, если это можно так назвать, инвалид в форме майора. Вместо ног деревянные протезы по колено:

– Здравствуйте, товарищ полковник! Доложите обстановку!

Рим Марлен удивленно посмотрел на него:

— А вы кто?!

— Как кто?! Я комендант этого двора! Я отвечаю за порядок в доме!

— Ну, ну... У вас человека час назад убили, а вы только узнаете! — заметил Марлен.

— Да я только что пришел!

— Где свои ноги оставил, отец? — спросил Умар.

— Они в Варшаве гуляют, сынок...

— Товариш Рим Марлен! Он здесь! Зашел, рубанул и сел на стул... По-моему у него это... свихнулся... — воскликнул капитан.

— О гражданине Рогове Васе могу сказать: не пил, не дебоширил... Уборку территории выполнял регулярно. Бухгалтером работал в жилконторе. Задолженности по квартплате и свету нет! — прокашлял инвалид.

Прошли в третью комнату. Там на стуле сидел русский парень лет 15-16.

— Товариш полковник! Вот, я тут в чемодане нашел!

Капитан показывает форму капитана МГБ, из кармана вытаскивает удостоверение. Умар прочитал:

— Рогов Василий Петрович, майор, оперуполномоченный МГБ... Так. Туфта ксива. Труп на экспертизу... Всё, поехали...

В это время в комнату вбежала женщина-узбечка лет 38-40:

— Абдаким! Где он? Почему вы связали моего сына?!

— Опа, вы кто? — удивился Умар.

— Как кто? Я его мать!

— Он ведь не узбек?!

— Не узбек, правильно... Я всё сейчас объясню...

— Только не здесь... Так, капитан хм... Как ваша фамилия?

— Капитан Пушкин, товариш полковник!!!

— Серьезно? А... — прыснул Умар.

— Да, товариш полковник, Александр Сергеевич мой троюродный прапрадед...

— Ну... Поехали!

Через два часа женщина сидела на допросе у Умара и Рима.

Рим Марлен открыл дело, там паспорт и метрики:

— Так, гражданка Очилова Саодат... Хм... Абдухакимом Очилов, 1936. А где отец?

Женщина заикаясь промямлила:

— У меня нет мужа...

— Хм... Ваш сын родился 21 декабря 1936 года.

— Я поняла. Его в 42 году взяла — я на хлебзаводе работаю, на Бешагаче, нам привезли двадцать детей-сирот с войны. У меня у самой детей не было и не будет, я его и взяла. Его имя на самом деле Евдоким, я вписала в метрики Абдухакимом. Я бы еще детей взяла, но одной их не вытянуть! Я больна — сердце. Он глухой — от разрыва снаряда у него нет перепонок в ушах. Вначале еле говорил, а потом совсем перестал. Он понимает только меня.

— А писать, читать умеет?

— А?... Нет... Он немножко душевно болен... вот всю жизнь со мной рядом... Ходил на работу, а так дома сидит — дети дразнят его... Похудел как! Отпустите его, он больше не будет...

— Да вы в своем уме?! Он человека убил...

Женщина бессильно заплакала.

— Вы объясните ему мои вопросы...

— Да, да...

— Рогова ты убил?

Женщина объяснила сыну на своем языке. Подросток молчит, потом что-то ей показывает руками.

— Этот человек не Рогов... — испугалась женщина

— А кто? — привстал Марлен.

Парень начал объяснять руками, мать даже карандаш взяла, что-то стала записывать.

— Коломиец, Василий Коломиец, — прочитала она записанное.

— А это кто? Мм... Почему ты его убил? Ты его знал до убийства?

Парень опять что-то стал объяснять матери.

— Да, знал. Он мне давно рассказывал. Он его на всю жизнь запомнил. Коломиец в их деревне Рюпино полицейем у немцев был... (парень стал всё более возбужденным, глаза навыкате, полные слез). Он был маленьким. Коломиец отца его убил, гад... И мать тоже... Сестру его Катю из автомата прошил... они с бабушкой в хлеву прятались... Всю деревню перебили. Их с бабушкой не нашли. Ночью в лес с бабушкой ушли... Три месяца там жили... бабушка там и умерла... Он её не похоронил... Боялся... Неделию искал людей...

Потом пришли наши... Потом детдом, отправили сюда... А год назад он его здесь увидел... Выследил его. Коломиец сменил фамилию, днем бухгалтером работал, а ночью грабил людей под видом капитана... Ему уже всё равно... Катку больше всех жалко... И маму, и отца... А саблю он украл в музее завода.

– Если это так, мы всё проверим, почему он не обратился в милицию? Он себе всю жизнь слома.

– Да нет у него жизни... А где вы были, когда его семью расстреливали?

ЛУНА 1953 ГОДА

Улица. День. Идет снег.

К Шайхантахуру подъехала машина Умара. Он в гражданском. Приказал водителю и адъютанту:

– Вы езжайте, я хочу прогуляться.

– Как же без охраны? – возразил адъютант.

– Кто меня тронет?!

Машина уехала. Умар подошел к почте, посмотрел на часы. Из дверей почты вышла очень обаятельная девушка.

– Умар-ака, вы? – удивилась она.

– Добрый вечер, Рисолат... Работа ваша кончилась?

– Да... – опустила глаза Рисолат.

Они пошли по улице. Навстречу им шел офицер МГБ, который отдал честь Умару. Рисолат заметила это.

Подойдя к кинотеатру, они увидели афишу: фильм «Молодая гвардия» с любимцем публики Сергеем Гурзо.

В кино Рисолат, глядя на экран, горько плакала.

Аллея. Ночь.

– Вам не понравилось кино? – спросила Рисолат.

– Почему, понравилось... Просто я не могу читать книги или смотреть кино о войне... Всё было совсем не так... Я на следующей неделе хочу к вам маму послать... Как вы к этому относитесь?

– Как хотите... Умар-ака, вы чем-то сильно огорчены? Вас что-то гложет изнутри... – покраснела Рисолат.

– Да нет... Всё нормально...

– А вы в милиции работаете?

– Да...

– Вы что шутите?

– Нет.

– А что другой работы не нашлось?

– Один человек попросил. Я не мог отказать.

Они о чем-то еще говорили, удаляясь вглубь парка. В небе висела полная луна октября 1953 года.

ЗАКОНЫ ПИТИЯ

Не зря я пью вино на склоне дня,
заслужена его глухая власть:
вино меня уводит в глубь меня
туда, куда мне трезвым не попасть. (И. Губерман)

ЗАСТОЛЬНЫЕ ЗАКОНЫ БАКИЕВА

Первый закон

У человека общая сумма разума и алкоголя в крови есть величина постоянная.

Следствия

- 1) Если человек пьет, то он глупеет.
- 2) Если человек пьет и не глупеет, значит он пьет воду.
- 3) Если человек пьет водку и не глупеет, значит, глупеть ему дальше некуда.

Комментарий Бакиева

Возникает логический вопрос: а может ли уметь трезвый? Если умеет трезвый, содержание алкоголя у него становится отрицательным, т. е. в организме образуется его дефицит. Это является ненормальным, поэтому, если кто-то вдруг почувствует, что начинает уметь, ему следует немедленно выпить.

Второй закон

В начале застолья многих трудно разговорить, а в конце трудно остановить.

Застольный закон превращения энергии

От калорий, потребляемых с водкой у одних начинают чесаться кулаки, у других – языки или кое-что другое...

Закон застольного квантования

Количество водки, выпитой компанией является величиной квантованной, кратной объему бутылки.

Акустический закон

Децибеллы, производимые выпивающим растут линейно с количеством выпитого, а затем, после критической рюмки резко падают до нуля.

Закон первой рюмки

Первая рюмка прочищает не только горло, но и мозги.

Застольный совет тостующему

Если нечего говорить, говори искренне.

Застольный парадокс

Чем больше пьешь – тем больше обезвоживается организм.

Еще один застольный совет

Не обижай выпившего. У трезвого обида остается в памяти, у пьяного – в сердце.

Застольное наблюдение

Опорожнив бутылку, некоторые лезут туда сами.

Закон Гурзиевеева

Если выпил хорошо, будет утром плохо;

Если утром хорошо, значит, выпил плохо.

Закон Абуталиба

Человека старят три причины:

1. Когда ждешь гостя и гость долго не приходит.
2. Посылаешь сына за водкой и сын долго не приходит.
3. Водка выпита, еда съедена и гость долго не уходит.

Сайдамин
БАКИЕВ

Родился в 1942 г. Окончил МГУ. Доктор технических наук, профессор. Имеет более 100 научных публикаций, автор двух изданных в Москве книг по мерфологии. Представлен в международных биографических изданиях «Кто есть кто в мире», «Кто есть кто в Азии» и «2000 выдающихся интеллектуалов 21 столетия».

Правило Гамзатова

Если не разрешается приносить водку с собой, её можно приносить в себе.

Закон второй рюмки

Поздно выпитая вторая – зря выпитая первая.

Закон ожидания

Ничто так не сокращает жизнь, как ожидание первой рюмки.

Обобщенный закон ожидания Бакиева

Ничто так не сокращает жизнь, как ожидание очередной рюмки.

Девиз застольного пения

Не можешь петь – не пей!

Закон Губермана

Не будь на то Господня воля,

Мы б не узнали алкоголя;

а значит, пьянство не порок,

а высшей благодати урок.

Второй закон Губермана

Главное в питье – эффект начала,

надо по нему соображать:

если после первой полегало –

значит, можно смело продолжать.

Девиз Ю. П. Никулина

Организм сопротивляется, но воля побеждает!

Основной закон застолья

Почему, после того, как один раз выпьешь, трудно остановиться?

Потому, что, после того, как один раз выпьешь, становишься другим человеком – а другому ведь, тоже выпить хочется...

Закон Жванецкого

Алкоголь в малых дозах безвреден в любых количествах.

Девиз Марка Твена

Умеренная трезвость еще никому не навредила.

Наблюдение Бакиева

Один был трезв умеренно, а другой – до безобразия.

Закон Куртелина

Никогда не знаешь, что выпил лишнюю рюмку, до тех пор, пока не выпил ее.

Закон Булатовича

На дне бутылки водка крепче.

Питейный парадокс

Пить за здоровье, то же самое, что воевать за мир.

Умозаключение Б. Шоу

Алкоголь – это анестезия, позволяющая перенести операцию под названием жизнь.

Понять без главного нельзя

твоей сплоченности, Россия:

своя у каждого стезя,

одна у всех анестезия. (И. Губерман)

Закон С. Льюиса

Сначала вы требуете выпивку, потом выпивка требует выпивки, потом выпивка требует вас.

Признание У. Черчилля

Я извлек из выпивки больше, чем выпивка из меня.

Закон Линкольна

Если выпивка и приносит вред, то он проистекает не от употребления плохой вещи, а от плохого употребления хорошей вещи.

Определение алкоголика

Алкоголик – человек, которого губит выпивка и отсутствие выпивки.

Правило Бараха

Алкоголик – это тот, кто пьет больше своего лечащего врача.

Закон Франсуа Рабле

Старых пьяниц встречаешь чаще, чем старых врачей.

Залей шуршанье лет журчаньем алкоголя,
поскольку, как сказал давно поэт,
на свете счастья нет, а есть покой и воля,
которых, к сожаленью, тоже нет. (И. Губерман)

проза

ОНА ЧУВСТВОВАЛА ВОСТОК ДУШОЙ...

Светлой памяти Н. В. Владимировой посвящается.

Эссе

В роковой апрель 2009 г. ушла из жизни талантливый литературовед и замечательный человек Н. В. Владимиров, воспитавшая целую плеяду молодых ученых и переводчиков.

В 1997 году, когда я пришел в Институт языка и литературы Академии наук, Нинель Васильевна Владимирова уже давно работала в небольшом кабинете, расположенном напротив того, что выделили мне. Неожиданно она решила перебраться ко мне в кабинет за свободный стол. В то время я не осознавал смысла ее решения. Позднее, общаясь с ней, постепенно начал постигать его суть. Она любила одиночество, но все имеет свои пределы. Одиночества в ее жизни было в избытке, оно заполнило и внешнюю, явную, и внутреннюю, скрытую от посторонних глаз, ее жизнь. Поэтому она иногда тяготилась им, пыталась спастись от его бремени. Одной из основных, на мой взгляд, причин ее переселения из неплохого отдельного кабинета в мой, неприглядный, было желание избавиться от груза одиночества, довлеющего над ней. Во всяком случае, мне так казалось. Так в близком соседстве мы проработали вместе с Нинель Васильевной в кабинете № 435, расположенном на четвертом этаже Института языка и литературы, около тринадцати лет.

Именно здесь было положено начало нашим добрым отношениям, нашему общению, проходили наши долгие, содержательные и полезные для меня беседы. Мы говорили на разные темы, обменивались мнениями, иногда спорили. Это была очень эрудированная женщина, большой профессионал, поэтому наши беседы обрели особый интерес благодаря ее неожиданным и мудрым высказываниям как знатока культуры, литературы и искусства, иногда в споре она горячилась, как ребенок. Я обращался к ней «Нинель Васильевна», она же звала меня по имени – «Удугбек», а позже искренне и трогательно стала иногда говорить мне «деточка». В ее характере удивительным образом соединялись качества, присущие русскому и узбекскому менталитетам. Это проявлялось в ее взглядах на многие жизненные явления, в отношении к окружающим и, главное, в речи. Говоря по-русски, грамотно и достаточно выразительно, расхожим и простым выражения и фразы она произносила обязательно на узбекском языке, и это была интересная особенность ее речи. Даже тогда, когда я старался разговаривать с ней только по-русски, она с удовольствием отвечала мне на моем родном языке. Как я и предполагал, такой способ общения с годами превратился в своеобразную культуру речи Нинель Васильевны. Необходимо отметить, что ее знание узбекского языка как результат специального изучения и чтения литературы было на несколько ступеней выше, чем просто понимание узбекской устной речи. Поэтому она без колебаний бралась за переводы произведений узбекских авторов прямо с оригинала. Работая с 2009 года в журнале «Звезда Востока», я столкнулся со многими переводчиками и с уверенностью могу заявить как редактор, хорошо знакомый с их деятельностью и проблемами перевода: сегодня переводчик, которому под силу без подстрочного перевода переводить оригинальный узбекский текст, если не редкость (что может быть преувеличением), то знаю точно, их так мало, что можно по пальцам перечесть. Но вряд ли их можно сравнить с Нинель Владимировой. Она прекрасно владела грамматикой узбекского языка, и вместе с тем, ежедневно общаясь на этом языке, душой чувствовала его. На протяжении всей жизни она исследовала современную узбекскую прозу (преимущественно жанр рассказа), начиная с начала XX века до сегодняшнего дня. Книга профессора Н. Владимировой «Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода», изданная после ее смерти – одно из ценнейших исследований узбекской литературы.

Несмотря на то, что Нинель Владимирова выросла и жила в Узбекистане, среди узбеков, она была человеком, рожденным и воспитанным русской культурой и духовностью, поэтому можно сказать впитала и соединила лучшие свойства русской и узбекской ментальности, что обусловило особый подход, методику исследования узбекской литературы, а это означает, что Н. Владимирова является исследователем особой категории, имеющим как никогда важное значение. Ее работы ценны тем, что отражают восприятие произведений узбекской литературы инонациональным ученым через призму другой ментальности. Поэтому справедливо будет подчеркнуть, что Нинель Васильевна занимала свое, особое, место в узбекском и русском литературоведении и переводческой деятельности. К сожалению, сегодня трудно назвать другого такого же крупного исследователя и переводчика,

сумевшего бы восполнить пустоту, образовавшуюся после ее смерти, способного так искренне, от всей души посвятить себя изучению узбекской литературы, исследованию современной культуры древнего народа, несмотря на то, что корнями своими он уходит в другую культуру. Это усугубляет ценность научных работ Н. Владимировой. Теперь, после ее кончины, я все глубже осознаю и ощущаю все то, что не уразумел во время совместной работы в одном институте, точнее, в одном кабинете, бок о бок, и говорю себе: «Человеку не дано правильно оценить жизнь другого, это как рядом текущая и потому до конца не познанная река, да и сам человек – раб божий, не знающий, что с ним будет завтра».

Конечно, Нинель Васильевна после себя оставила талантливых учеников, последователей, среди которых нужно отметить доктора филологических наук Замиру Касымову, кандидата филологических наук доцента Саодат Камиллову, которыми Н. Владимировна могла бы теперь гордиться. То, что Саодат Камилова перевела на русский язык свыше тридцати

рассказов современных узбекских писателей и в 2012 году с помощью Союза писателей Узбекистана издала их отдельным сборником под названием «Река души моей», а позже представила эту книгу на форуме переводчиков в Ереване и XIII Международном фестивале писателей, поэтов, переводчиков и литературных критиков в Москве (Липки), став лауреатом, свидетельствует о наличии достойных преемников.

Я все еще помню ее чуть хриплый (наверное, это от сигарет) голос, звучащий по телефону, когда она иногда звонила мне. Говорила она на чистом ташкентском диалекте: «Улугбек, где вы? Можете сейчас прийти ко мне? Я бы хотела обсудить с вами один вопрос». Конечно, по узбекскому обычаю в гости с пустыми руками не идут. Я покупал по дороге то печенье, то какие-нибудь сладости, поднимался на третий этаж дома, расположенного за магазином «Динамо» по улице Навои, и нажимал на звонок. Впоследствии я узнал, что она не любила громко звучащего звонка, поэтому, когда ждала гостей, заранее приоткрывала входную дверь. Она всегда усаживала меня за свой рабочий стол, заваривала удивительный чай из тех, что присылали ей друзья, родные или ученики из каких-то дальних стран.

Однажды она попросила меня подвезти ее на машине к могиле мужа. До сих пор я помню, как она, наклонившись, очищает могилу, с печально торчащим памятником, от сорняков и сухих листьев, опавших со стоящих рядом деревьев, кладет принесенные цветы.

В процессе формального и неформального общения, а в основном, беседуя в нашем 435 кабинете, я начал глубже понимать ее душу, чувствовать ее радости и боль, страдание от одиночества, дыхание сожалений, живущих в ее душе. И знаете, когда я в 2002-2003 годах писал свой роман «Бунт и смирение», в образе тети Ларисы, описывая ее внутренний мир, кажется, я невольно, краешком коснулся страданий, затаившихся в глубине сердца Нинель Васильевны. Возможно, внешне это совершенно разные женщины, но в романе плелись нити, внутренне объединяющие Нинель Васильевну и тетю Ларису. Да, неудивительно, что ей захотелось перевести этот роман! Хотя я не просил ее об этом, даже не намекал. В то время я не посмел бы! В общем, тогда я не думал о переводах своих произведений на другие языки. Я полагал, что об этом думать еще рано. Представьте себе, однажды, во время очередной беседы в нашем кабинете, она сказала: «Улугбек, я начала переводить ваш роман». Я... я как молодой писатель, безмерно обрадовался! Как сейчас понимаю, у меня был основательный повод для радости. Поскольку тот перевод возник не вследствие двусторонне выгодного соглашения автора и переводчика. Известный переводчик сам решил перевести с узбекского на русский язык понравившееся ему произведение...

Нинель Васильевна скончалась в дождливый день...

Она жила, предчувствуя свою смерть. В последние месяцы и дни своей жизни она часто заводила разговор о своем здоровье, старалась что-то мне втолковать. Из ее слов можно было догадаться, что она как восточный человек серьезно готовится к смерти. Вскоре, в день ее ухода из жизни, это подтвердилось: покойная обдумала все – от начала до конца, день за днем, все этапы погребального обряда, рассчитала все до мелочей. Узбеки это называют «честностью и добросовестностью», а русские – просто «порядочностью». Да, Нинель Васильевна даже своей смертью, своим последним жестом указала на высокое достоинство двух народов, укоренившееся в ее сознании. И переводить этот жест излишне, поскольку она сумела сказать свое последнее слово понятным каждому, независимо от его национальности, языком, языком действия. Иногда начинаешь думать, как же здорово будет, если человек всегда будет совершать понятные и без перевода поступки!..

Во всяком случае, дорогие мои, события, связанные с Нинель Васильевной, память о ней по истечении времени рождают во мне именно такие мысли...

УЛУГБЕК ХАМДАМ

возвращение к читателю

УНИКАЛЬНОЕ ПОДПРОСТРАНСТВО

Повесть¹

– Прежде чем взять тебя к нам, мне следовало бы проверить состояние твоих нервов, – сказал шайтан, когда мы покинули Институт хирургии со все еще темными окнами. – По-моему, ты уже готов бежать домой? Не так ли?

– Все-таки, почему вы создали здесь точную копию нашего мира? – спросил я, когда мы устроились на скамейке в чахлом скверике напротив института.

– Тебя опять разбирает любопытство. Что же, давай поговорим. Ты должен был видеть, что страдания последних двух казненных более тяжелые, чем у тех, кто у нас из древности, из веков, именуемых вашей идеологией «мусульманским мракобесием». Человеку все-таки легче, когда он точно знает, что его ожидает впереди, пусть даже самая страшная казнь.

– А надежда? Ведь тех, кто точно не знает своей участи, до последней минуты будет поддерживать надежда. Согласись, это заметно облегчает страдания.

– Для нее здесь места совершенно не оставлено. Казнимые знают это. Твои современники переживают здесь страшные душевные муки помимо обычной физической боли. А те, из древности, кричат и стонут только от физических мук.

– Не хочешь ли ты сказать, что мои современники терпят у вас более тяжкие страдания, чем наши предки?

– Считаю, – уверенно заявил шайтан.

– Не хочешь ли сказать, что в наше время грешат...

– Да, да, считаю, что грешат больше, – прервал он меня, – по крайней мере, среднестатистическое количество греха на душу населения нисколько не уменьшается за все время моей сознательной жизни.

– Чуть! – не выдержал я. – Человечество совершенствуется. Его разум охватывает новые высоты этики, эстетики...

– ...косности, изощренной изворотливости, корысти, – прервал меня он. – Ну что, продолжим перечислять?

– Слушай, шайтан, миллионы людей живут на Земле, особенно в нашем обществе, имея нормальное питание, самые необходимые права. Пользуются фантастическими возможностями технического прогресса. Факторы, еще вчера приводившие к несправедливости и неравноправию...

Он опять не дал мне договорить:

– Да, возможности расширились. Права возросли. Но не забывай: изменились виды и причины несправедливости, следовательно, горя и несчастий. Они сейчас совсем не те, что были при ваших предках. Именно против них вы не имеете средств борьбы. Они, эти средства, возможно, и появятся, но к тому времени и причины зла и несчастий предстанут перед вами в другом облике. И так до бесконечности.

– Короче, ты считаешь, что человек страдает, как и тысячи лет назад? И зла на Земле столько же?

**Абдурахим
ФАЗИЛОВ**

Родился в 1943 году в г. Ташкенте. Работает в НПО "Физика-Солнце" АН РУз. Заведует лабораторией «Солнечные Лазеры». Кандидат физико-математических наук. Член Союза Писателей с 1983 года. Автор 4 книг и более 80-ти научных статей и художественных рассказов.

¹ Окончание. Начало в №1, 2015 г.

– Несомненно. Изменились только методы. Они стали более изощренными.

– Нет! В этом ты меня никогда не убедишь!

Шайтан пожал плечами.

– Литературу не читаешь, сочинения древних авторов.

Он немного помолчал, отвернувшись, потом через плечо заворчал:

– Вспомни хотя бы твоего Данте... У вас ведь та же возня между людьми, что и при его жизни, только формы изменились, да что тебе объяснять, невеже... Еще в четвертом веке до нашей эры грек Феофраст составил прекрасную картотеку разновидностей человеческого порока. Объем этой картотеки, как я знаю, с тех пор несколько не уменьшился. В древнеиндийском «Калиле и Димне» описываются интриги, прекрасно бытующие у вас и сегодня... Сейчас я тебе кое-что покажу. Давно известно, когда хотят по-настоящему насладиться страданиями врага, его не уничтожают физически, а, загнав в бесправное положение, постоянно издеваются, временам проявляя уничтожающую снисходительность. Этот метод стар, как мир. Так вот, тут недалеко казнят одного особо отличившегося в этом деле. Наши вычислили на компьютере самое подходящее для него наказание. Тебе это должно понравиться.

– Крови не будет?

– Нет, нет. Ведь в твоем веке кровопускание считается примитивизмом. Люди иначе уничтожают друг друга...

Скоро мы уже входили в здание с вывеской «Институт прикладной физики». Там шли какие-то спешные приготовления. Сотрудники суетливо бегали по длинным коридорам. Нервно ходил директор (его указал мне шайтан), всем своим видом напоминающий заплата, которому случайно удалось проникнуть о грозящей ему ревизии. Он нетерпеливо подгонял сотрудников, как гоняют продавцов, чтобы свести концы с концами в кассе, выставить глубоко запрятанный дефицит...

– Готовятся к неожиданному визиту академика с мировым именем из Центра. От одного его слова зависит многое в дальнейшей карьере директора, – пояснил шайтан.

Директор общался в основном с окружающими его респектабельного вида людьми. Других он не удостоивал даже взглядом... Длинный стол для совещаний в кабинете директора был накрыт как на дипломатическом приеме. В кабинет вперемежку вносили до груши в вазах, то макеты приборов, которыми директор собирался похвастаться перед высоким гостем.

Вдоль стен кабинета были расставлены стулья.

– Там пусть сядут завабыв, – указал директор, – а вы, – он окинул взглядом свою свиту, – сядете здесь, – кивнул на стол заседаний.

– Приехали, – донесся чей-то шепот из коридора. Директор с быстротой, не соответствующей его возрасту и комплекции, ринулся к выходу.

Через несколько минут он возвратился, поддерживая под руку глубокого старика в очках. Я ахнул от происшедшей перемены. Старика вел уже совершенно другой человек: застывшая заискивающая улыбка, добродушная кротость...

– Согласись, что сам Овидий очарован был бы такой переменой во внешности, – шепнул шайтан, читая мои мысли.

Я вспомнил нашего Алима Акрамовича, оставшегося в другом мире. Не только Овидий позавидовал бы такой «метаморфозе»...

Все расселись на заранее указанные места. Директор бережно усадил старика и, налив ему пиалу свежесваренного чая, предложил отведать фруктов. Тут же, несколько запинаясь от волнения, глубоко заинтересованно начал расспрашивать о здоровье старика. Потом, немного осмелев от благодушных киваний старика, перешел к составленному для таких случаев рассказу об истории создания института, при каждом удобном случае упоминая о своем скромном вкладе в это дело. Когда речь касалась кадров, он кивал на респектабельную группу, сидящую за столом, называя их фамилии и умело подчеркивал, что им надо помочь в научном оспетении, продвижении («это его люди», – совершенно излишне шепнул мне шайтан). Потом начался нудный рассказ о научных направлениях, достижениях института.

– Это нас не интересует так же, как и старика, который знает, что никакие особые достижений у института нет, – сказал шайтан. – Но ему надо все это выслушать по долгу службы, а я тем временем введу тебя в курс дела, в связи с которым устроен здесь этот сыр-бор. Видишь, у стены в углу сидит скромный молодой человек с блокнотом. Это ученый секретарь института. Талантливый физик-экспериментатор. Когда он блестяще защитил диссертацию, директор увидел в нем большую опасность для себя. Сразу стало ясно, что этот человек не будет работать на него и, мало того, в будущем, если наберет вес в научном мире, может сильно помешать «респектабельным», которые как раз работают на него. Дальновидный директор решил нейтрализовать его пока не поздно... В те дни он искал замену на место выжатого, как лимон, и смешенного с поста очередного ученого секретаря института. С его опытом ничего не стоило внушить выбранной жертве, насколько почетен этот пост, как престижен непосредственный контакт с самим директором. Тем более, жертва, до тех пор занятая только наукой, не совсем

представляла канцелярский характер работы на этой должности. И уж совсем не подозревал молодой ученый, что всех, кто побывал на этой должности, директор обычно подминал под себя, превращал в своего личного секретаря. Любой клочок бумаги за подписью директора, включая его личные документы, должен был составляться ученым секретарем, который между делом обязан был еще готовить для внешнего мира всю информацию о деятельности института, непременно придавая ей достойный вид при любом положении дел.

Жертва, несмотря на свою чудовищную наивность, все же проявила некоторое сопротивление – видимо, сработал слабый, но все же инстинкт самозащиты. Но «доводы» директора и активно поддакивающей ему в любом деле «респектабельной» группы, как всегда, были неотразимы: высокая эрудированность выдвигаемого, интересы института... и прочее. Наконец, был сделан самый важный ход – некий отвлекающий обманный маневр – молодому человеку обещали сохранить экспериментальную группу, чтобы в свободное от секретарства время тот занимался и наукой. Это окончательно обезоружило, мягко говоря, наивного товарища, и он сдался.

Дорого обошлось согласие новоиспеченному ученому секретарю. Его быстро и умело завалили рутинно-бюрократической работой, а потом, как и следовало ожидать, принялись критиковать сперва мягко, а потом все серьезнее за нерасторопность. Будучи добросовестным, он, не желая «нанести ущерб общепринятым интересам», все меньше и меньше посещал свою экспериментальную группу, от чего работа там скоро замерла. директору этого и нужно было. По его команде давно предвкусившие этот момент «респектабельные» на одном из семинаров обрушились на ученого секретаря, который «держит неработающую экспериментальную группу и этим разбазаривает государственные деньги». Потом в институте начали планомерно формировать мнение, что ученый секретарь – не человек науки, а скорее прирожденный администратор. Экспериментальная группа сама по себе распалась. Теперь уже, чтобы держать секретаря в надежной узде, достаточно было при каждом удобном случае выражать недовольство, раздражение его работой, независимо от ее качества, мало того, время от времени с наигранным возмущением предлагать ему написать заявление об уходе по собственному желанию... Это и делается безукоризненно по сегодняшний день, – закончил шайтан.

– Почему же он не плюнет на них и не уйдет? – спросил я.

– Его сильно напугали, надомили. Он сейчас совсем не уверен, что в другом месте нужен кому-нибудь для науки.

– Короче, он человек конченый?

– Потерпи, сейчас увидишь кое-что интересное, – кивнув в сторону стола заседаний, сказал шайтан.

Там директор заканчивал рассказ о «крупных достижениях института». У старика был несколько отсутствующий взгляд, и голос его звучал апатично, когда уточнял какие-то детали радужного рассказа директора.

– Я, кажется, утомил вас, дорогой Глеб Романович? Уже заканчиваю. Если вас интересуют подробности, я с удовольствием отвечу на ваши вопросы, – сказал директор, улыбаясь как можно добродушнее.

– Спасибо, я удовлетворен. Мне понравилось, что у вас в институте ведутся очень полезные прикладные работы, и в то же время вы не забываете о серьезных фундаментальных исследованиях, – сказал старик несколько ожившим голосом.

Лицо директора расплылось в улыбке. Шутка ли, его похвалили за «полезные прикладные исследования» и за какие-то «фундаментальные работы», оставшиеся тайной даже для него самого. Но сейчас некогда было обращать внимание на небольшую неточность в оценках рассеянного старика, тем более, что неточность эта была в пользу директора.

– А теперь, – сказал старик, все больше оживая и почему-то повернув голову в дальний угол кабинета, – я хотел бы, если вы позволите, поговорить вон с тем молодым человеком, вашим ученым секретарем. Садитесь, пожалуйста, к нам, Аххам Каюмович, – сказал старик, указывая на свободный стул напротив себя.

Все в кабинете удивленно посмотрели в сторону ученого секретаря. Директор вначале никак не мог взять в толк происходящее: действительно, откуда мог знать всемирно известный Глеб Романович об этом, как считал директор, одном из самых невзрачных его сотрудников, которого он сам никогда не называл по имени и отчеству? Но... приходилось верить происходящему – ученый секретарь встал и, как ни странно, без трепета, спокойно подойдя к столу, сел на предложенное место.

– Аххам Каюмович, – запросто заговорил старик с ним, как со старым знакомым, еще больше удивив сидящих, – каким должен быть спектр реликтового излучения по вашей модели в окрестностях нашей галактики?

– Он отличается всего на десять процентов по ширине линии от результатов последних измерений Родыгина. Это вполне укладывается в пределы возможного статистического искажения, вносимого межзвездной средой.

— Значит, сотни тысяч мегапарсек для вашей модели не страшны?

— Совершенно. Думаю, расстояния здесь существенной роли не играют, если правильно учитывать поправки Девиссона на искажения, вносимые межзвездным водородом. Если принять мою модель, то вся обозримая Вселенная вполне удовлетворительно описывается системой макроквантовых уравнений. Некоторые расхождения с данными Крымского телескопа, мне кажется, следствие неточности оптических измерений этого диапазона.

Старик выдержал небольшую паузу, потом, взглянув на собеседника, заговорил:

— Вы, наверное, знаете, что пока только мое вето закрывает большую дорогу вашему методу. Астрофизики и большинство специалистов по теории поля, заразившись вашей идеей, уже кинулись вычислять угловую зависимость постоянной Хаббла и распределение плотности материи в ближайших скоплениях по квантовым уравнениям... А меня, пожалуй, убедите вот в чем... — старик потянул к себе лист бумаги...

— Ты что-нибудь понимаешь во всем этом? — шепнул шайтан.

— Нет. В астрофизике я профан.

— Да нет, не об этой арифметике я спрашиваю. Я имею в виду происходящее здесь. Оно тебе о чем-нибудь говорит?

— Нет. А чем это кончится?

— Перед тобой — изощренная казнь. Скоро поймешь, кто казнимый.

Я оглядел зал и увидел поразительную картину. Присутствующие застыли в разных позах, следя за разговором старика с их ученым секретарем. Сейчас можно было точно определить — кто приятно поражен происходящим (такие оказались в меньшинстве), кто смотрит на споривших и на директора со злорадством, кого раздражает нездоровое любопытство, кто срочно пересматривает свое отношение к присутствующим и, наконец, кто явно убит происходящим.

Жуткая маска застыла на лице директора. Будто он только что сжевал стручок жгучего перца, но обязан через силу улыбаться. Красный как рак, с глупой улыбкой на лице, он пытался делать вид, что внимательно, с пониманием слушает научную беседу.

— На самом деле, — наклонился ко мне шайтан, — перед его глазами сейчас проходят страшные сцены травли ученого секретаря в течение последних двух лет. В то же время его многоплановая голова отчаянно пытается установить, не проворонил ли он самую крупную добычу в жизни — фундаментальную работу, руководителем которой мог оказаться. И, наконец, он лихорадочно перебирает возможные последствия, если этот жалкий, терроризируемый им ученый секретарь вдруг станет знаменитым физиком. Чем это обернется для него? Вот какой кавардак сейчас у него в башке, «Респектабельные» сидели с абсолютно непроницаемым видом. Но свое привычное пренебрежительно-высокомерное отношение к ученому секретарю им скрыть не удавалось...

— Я теперь понимаю, почему у вас получилась такая прекрасная увязка... Критерии предельного перехода да вы, молодой человек, видимо, выбрали очень удачно... — старик задумался. — Ну что же, хотя некоторые моменты я намерен еще проверить, но интуиция подсказывает мне, что вам, кажется, удалось сделать самую крупную вещь за последние двадцать пять лет в этой области.

Старик вдруг повернулся к растерянному директору:

— Вот важнейшие достижения вашего института. А вы почему-то скромничаете и говорите мне о каких-то уже написанных докторских диссертациях.

— Это диссертации тех двух из «респектабельных», — шепнул мне шайтан.

Директор начал было что-то лепетать, но старик уже повернулся к ученому секретарю. — Ахдам Каюмович, я вас прошу, выкладки и результаты вашей работы оформите в соответствии с требованиями к докторским диссертациям и в течение месяца пришлите мне. Если удастся уладить формальности, на следующий месяц мы вас вызовем на заслушивание. Работа ваша даже на этой стадии стоит сотни докторских. Специалисты Института астрофизики уже признали ваш метод и решили представить вас к Государственной премии. Так что, — обратился он к директору, — незамедлительно пошлите туда рекомендацию вашего Ученого совета.

Директор, уже изрядно покрытый потом, мгновенно ухватился за соломинку. Старик сам подсказал ему выход из создавшегося положения. Теперь, кажется, можно будет оправдаться и, если вдруг появится такая возможность, даже втереться в соавторство.

— Дорогой Глеб Романович, мы обязательно рассмотрим работу на Ученом совете и, думаю, пошлем хорошую рекомендацию. Мы сделали бы это давным-давно, если бы Ахдам Каюмович, которого мы очень уважаем, относился к коллективу института доверительнее и по-товарищески. Дело в том, что и я, и все сидящие здесь впервые слышим про эту замечательную работу.

Старик вопросительно посмотрел на ученого секретаря.

— В течение трех месяцев я пытался пробиться на семинар института, но мне не удалось поставить там свой доклад, — с обидой в голосе заявил секретарь, который, против ожидания

директора, вместо того, чтобы проглотить это пустяковое обвинение, пошел на открытый бунт.

– Ваши семинары настолько перегружены? – спросил старик, почему-то опять же у ученого секретаря.

– Нет, это я так завален административной работой. Когда я обратился к директору с просьбой о докладе, он заявил мне, что, дескать, сначала надо справиться с работой, за которую получаешь деньги, а науку и без меня есть кому делать: хватает более талантливых и достойных, – при последних словах секретарь бросил взгляд в сторону «респектабельных».

Директор покарснел и заппнулся от негодования. Лицо старика стало очень строгим.

– Теперь я начинаю понимать, почему вы приехали докладывать работу на нашем семинаре во время трудового отпуска. О командировке вы тоже, надо полагать, не могли мечтать. Не так ли, товарищ директор?

– Дорогой Глеб Романович, возможно, я ошибся... Ведь огромная нагрузка... Ему надо было быть более настойчивым в своих просьбах...

– Товарищ директор, – довольно сухо прервал его старик, – советую больше не мешать Аххаму Каюмовичу делать полезнейшую работу. Освободите его от административной работы. С ученым секретарством, я думаю, прекрасно справится кто-нибудь из этих молодых людей, – качнул он головой в сторону окаменевших «респектабельных».

– А насчет странных, мягко говоря, ненаучных порядков во вверенном вам институте я вынужден буду доложить в соответствующие инстанции. Теперь разрешите откланяться...

– Мы тоже можем смываться. Дальше все пойдет стандартно: директор через два дня испустит дух от разрыва сердца, не переживет своего падения. Этот тип людей не выдерживает такого обращения с собой. Чем больше достойны они разоблачения, тем сильнее переживают крах. Один из парадоксов человеческой натуры.

– Неужели они не каются хотя бы наедине с собой?

– Самобичевание у них сводится, приблизительно, к такой форме: «десятилетиями мне без особого труда удавалось держать нос по ветру и всегда находиться на гребни жизни. Как же я ошибся на такой мелочи? Если бы я раскусил ее вовремя, она, оказывалась, могла бы меня обессмертить, озолотить...

– Но дело не в этом, – продолжил шайтан, уводя меня все дальше от Института прикладной физики... – Ты только что видел, как расправился этот директор с потенциально опасным для него человеком. Он не стал избавляться от возможного соперника, а просто сделал из него полезного для себя слугу. Ты можешь мне поверить, этот метод существует с незапамятных времен. Как-то раз, около трех тысяч лет назад, меня на месяц командировали во дворец могучего ассирийского царя Сарданапала для работы с литературой. У него была самая лучшая библиотека по тому времени. В ней можно было, например, наткнуться даже на редкие глиняные клинописи, нацарапанные еще в те времена, когда твои предки только учились грамоте. Так вот, однажды Сарданапал вернулся из очередного военного похода на взбунтовавшийся Вавилон и привел в цепях множество пленных. Самых талантливых, особенно из тех, кто покушался на его власть, он не казнил, а велел держать во дворце на довольно унижительных должностях. Я видел, как он эффективно эксплуатировал способности этих людей, и знаю, что это продолжалось до самой гибели деспота. А ты пытаешься втолковать мне, что человечество избавляется от пороков. Люди и сегодня умеют заставлять своих потенциальных врагов работать на себя, только они научились делать это с большим изяществом, чем какой-то там древний царь.

– Да, но в случае этого директора с ученым секретарем справедливость все-таки восторжество... – я осекся, вспомнив, что не знаю, чем закончился земной вариант этой истории.

– У вас так не бывает. Ты видел лишь наш сценарий, а не торжество справедливости. На самом деле этот директор безнаказанно проработал в институте до самой дряхлости, спокойно высасывая кровь таких, как этот ученый секретарь. Визит академика был на самом деле, но старик ушел из института с самыми приятными впечатлениями о любезном директоре. Никакого разговора с Аххамом Каюмовичем не было.

– Но если тот действительно создал новую теорию, или, как я понял, оригинальную модель, то вряд ли это могло навсегда остаться в безвестности?

– Не создавал он ничего серьезного, да и не мог создать даже при его одаренности. Не такой дурак был этот директор, чтобы оставить в голове ученого секретаря хоть какой-нибудь уголок, свободный от административной рухляди. Вначале этот Аххам Каюмович действительно начал какую-то работу. Но директор тут же узнал, нет, скорее почувствовал это нутром и так завалил того работой, что ни один гений в подобных условиях не довел бы до конца ни одно из своих начинаний. А тот сценарий наши состряпали на компьютере.

«ДЕПАРТАМЕНТ ЗЕМНЫХ ДЕЛ» – было выведено золотыми буквами на вывеске внушительных размеров при входе в огромное здание. Шайтан, наконец, ввел меня в давно обещанное управление.

Тяжелая многоязычная громадина, отстроенная в псевдоклассическом стиле, чувствовалось, жила оживленной жизнью. Массивные двери открывались и закрывались, издавая совершенно земной скрип. В отделанном мрамором вестибюле висела карта-указатель, показывающая где, что находится. Судя по карте, департамент делился на отделы, секторы и группы, которые имели специфические признаки соответствующих народов, государств и идеологий.

– Я работал здесь и вначале был счастлив, – говорил шайтан. – Сюда устроиться так же трудно, как на земле в ЦРУ, что в Соединенных Штатах. Сам понимаешь, хороший оклад за грязную работу, поездки, различные привилегии. К нашему стыду, департамент создан по образцу этой же организации, видать, не удалось придумать ничего лучше. Ну, говори, в какой отдел ты хочешь пойти?

– Естественно, меня интересует, что нового вы замысляете по нашему институту. Какое мне дело до ваших интриг, например, на золотодобывающих приисках где-нибудь на юге Африки.

Шайтан озадаченно закусил губу.

– Хочешь в мой отдел? Я бы не хотел встретиться там с нашими... Впрочем, ладно, вломимся прямо к заву.

– А нас примут? – спросил я, умудренный многолетним опытом томительного ожидания в различных приемных.

– Наш зав, в душе тряс, как и многие другие надменные властолюбцы. Его громы и молнии предназначены только для подчиненных. Посторонних же, каковым являюсь я после своего исчезновения, он принимает с опаской, смешанной с любопытством.

– Как же ты собираешься поддерживать с ним разговор? Ведь он сразу раскусит, что от тебя нет никакой пользы. У нас, например, деловые люди не любят разводить беседы с такими посетителями. Ваши вряд ли уступают им в этом.

– Сейчас все устрою. Ты только подожди меня здесь минуточку, – с этими словами шайтан исчез в боковом коридоре, куда указывала табличка со стрелой «Буфет». Действительно, через минуту он вернулся с фирменным полиэтиленовым пакетом.

Бутылочка «Арамейского» и закуска, – сказал он шепотом, – Это из буфета для персонала департамента. В магазинах, ясно, этих лакомств не найдешь – дефицит.

– Как и многие высокооплачиваемые, мой бывший заведующий привык радушно поддерживать любую компанию, когда сервировка не за его счет, – пояснил шайтан в лифте.

Секретарша-чертовка только успела надменно сложить губы, вероятно, чтобы спросить, что нам здесь нужно (у земных секретарш во всяком случае особый нюх на «нужных» шефу посетителей, а всех прочих ожидает подобный унизительный вопрос), шайтан сунул ей в когти плитку шоколада и потянул двери зава, подмигнув мне. Так мы предстали перед завом.

– А-а... беглец, объявился? Долго же ты пропадал! Не давай ответить моему проводнику, зав, с притворным огорчением поспешил сообщить:

– К сожалению, твое место уже занято. Сам понимаешь, мы не могли держать его так долго вакантным. Ты, наверное, заглянул за расчетом?

Судя по тому, что зав. на меня совершенно не реагировал, я, видимо, оставался для него незримым.

– Не утруждайте себя оправданиями, шеф, я сюда больше не вернусь. А заглянул, чтобы поболтать о новостях. Исход кое-каких операций, проводимых в отделе, меня все-таки еще интересует, – отвечал мой шайтан, удобно расположившись в мягком кресле.

– Может быть, ты зайдешь в другой... – осторожно начал было шеф, но осекся, увидев горлышко темной бутылки, искусно высвобождаемой из пакета ловкими руками шайтана...

В разговоре о служебных дразгах, о тупости начальства, бестолковости подчиненных выпили полбутылки «Арамейского». Заведующий становился все более разговорчивым.

– Как идут дела в моем институте? – спросил наконец шайтан, удостоверившись, что шеф уже достаточно опьянел, чтобы плюнуть на соблюдение служебных и профессиональных тайн.

– О-о-о, твой институт – это уникальный объект. Между прочим, ты зря обижаешься на нас. Ведь мы предлагали тебе райскую жизнь. Не вмешиваться в их дела, только наблюдать, не забывая вовремя получать зарплату. А ты обиделся на нас, как мальчишка.

– Вы меня не проведете. Будь по-вашему, я просто деградировал бы, а потом, в один прекрасный день при необходимости вы в два счёта вытурили бы меня отсюда за полную бездельность и несостоятельность вести активную работу. А я хотел расти...

– Глупец, – по-отечески заботливо возразил шеф, – как ты не понимаешь? Ведь какую-нибудь стоящую выходку твоих подопечных ты мог переоформить ее на себя и козырять ею на выборах в Большой совет, мог в конце концов оформить диссертацию на ее основе. В твоём институте, например, только так и делают. Думаешь, растёт тот, кто умный и выдает идеи? Ничего подобного. Мой тебе совет, – зав. положил руку на плечо бывшего подчиненного, – если хочешь расти, будь в первую очередь послушным и чутким к желаниям начальства. Не жди, когда оно попросит тебя о чем-то, угадывая сам то, что ему нужно. Тогда никакие идеи не нужны. Я тебе гарантирую – будешь расти.

— Ну, ладно, хватит меня уму-разуму учить. Лучше Расскажи, как там дела? — шайтан ухмылялся, — меня любопытство разбирает, все-таки дело-то для меня было кровное.

— Ну, что тебе рассказать? В самом главном мы оказались правы. Бывшая твоя группа только тем и занимается, что наблюдает за ними, — зав. тоже указал на потолок. — Мы сделали несколько попыток вмешаться в их дела, но надо признать, то, чего мы добились, меркнет на фоне их деяний. Этот Алим Акрамович просто великолепен, мастер своего дела! Мне бы такого сотрудника. Потрясающие номера выкидывает! Помнишь его Правую руку? Так вот, слушай. Этот гусь так поднабрал в предугадывания, а потом и превращении в жизнь малейших желаний шефа, что тот, наконец, решил дать Правой руке возможность пробовать себе долгожданную степень доктора химических наук...

— Ты думаешь, он начал с того, что стал указывать своему избраннику на оригинальные научные направления, мудро корректировать его научные выводы, гипотезы? Ничего подобного! Стал бы он пачкать себя подобным ремесленничеством! Нет, директор начал с того, что стал методично, где тонко, где довольно бесцеремонно, внедрять мнение, будто Расул, как там его, кажется, Сагдуллаевич вполне созрел для защиты докторской диссертации. Это у него получилось столь мастерски, что очень скоро сотрудники института, особенно те, которые ориентировались на директора и его свиту, начали открыто возмущаться: почему, мол, такому заслуженному, энергичному, умному и давно уже созревшему ученому никак не дают возможности заняться своими личными делами, то есть защититься? Директор при этом с глубоким вздохом разводил руками и объяснял, что бедняга Правая рука, будучи замом по науке, перегружен административной работой, дескать, он жертва, принесенная в угоду процветания общеинститутских дел. Сам же Правая рука, потупив взор, выражал молчаливое согласие: «да, я жертва». При этом никому в голову не приходил простой вопрос: а есть ли у Правой руки кто-то защищать в качестве докторской? Вот пример совершенно уникального одурманивания публики!

Мнению Алим возможность распознать за пределы института. В первую очередь в обаянии этого «спрута» попадали именитые ученые, по какой-либо причине оказавшиеся в институте или хотя бы в этом городе. Гость усиленно обхаживался, обслуживался, прокатывался по историческим и примечательным местам, разумеется, за счет Правой руки или, точнее, за счет больших премиальных, получаемых им из казны. И гость уезжал с мыслью, что этот молодой человек действительно современен, энергичен, оперативен, в некотором смысле даже эрудирован. Почему бы не поддержать его в предстоящей защите докторской. Если он не сделал ничего в науке, то бог с ним. Зато из него может получиться прекрасный организатор науки. Ведь такие люди тоже нужны.

Зав. говорил вдохновенно, все больше и больше увлекаясь рассказом. Мой проводник слушал его зачарованно, окутанный сигарным дымом.

— Самое страшное впереди. Мы спортивного интереса ради попытались перемешать карты Алима Акрамовича. Нас интересовал ответ на такой чисто познавательный вопрос: как будет он реагировать на неожиданное препятствие? Пришлось вникнуть в руководство Академии мысль — проверить институт по финансовой линии. Как и следовало ожидать, нагрянула ревизия. Начали всплывать нарушения, злоупотребления, нечестности и так далее.

Несмотря на все увертки директора и его свиты, не удалось уйти от признания нескольких увесистых, мягко говоря, нарушений. Встал вопрос об увольнении Правой руки с применением дисциплинарных взысканий.

— А вы, конечно, об удовлетворении дешевого успеху? — вставил шайтан (я, естественно, очень удивился этим новостям. При мне никакая проверка не «накрывала» институт. Видимо, все это случилось после нашего сошествия в подземный мир. Неужели я так долго нахожусь здесь?).

— Еще бы, вначале было от чего потирать руки, но недолго мы радовались, — ответил зав., — дело в том, что директор неожиданно пустил в ход свой могучий талант — умение лепить победу из теста поражения. Точно уловив в воздухе отдаленный запах горелого, он явился с покаянием в Президиум и, виртуозно сыграв роль человека, понявшего свои ошибки, обещал немедленно снять Правую руку с поста зама. Только об одном он умолял взамен — чтобы формулировка приказа о смещении с занимаемой должности была как можно мягче и чтобы ее не обнародовали, а пустили в рабочем порядке, без огласки. Ему поверили, пожалели. А он, в свою очередь, на ближайшем заседании Ученого совета института без зазрения совести похвалил Правую руку за оперативность, энергичность и за многое другое, а в конце с сожалением заявил, что, несмотря на все эти положительные качества, тот оказался жертвой грубого нарушения финансового режима заведующими лабораториями, за что наказывается штрафом в размере месячного оклада. Надо было видеть и слышать, как он красочно рисовал своего подопечного невинной жертвой, принесенной во спасение сидящих здесь охоломонов. А присутствующие в зале не знали, куда девать глаза, хотя все отлично понимали, что Правая рука получил какую-нибудь сотую долю того, что должен был получить за свои многолетние подвиги. Но о вознаграждении шефу не могло быть и речи — все молчаливо решили, что такая мягкая кара свидетельствует о наличии у Правой руки мощных опекунов в Президиуме Академии.

К концу речи директор опять же виртуозно подвел победную черту под этой операцией, от которой мы, к своему стыду, просто обалдели. Он заявил, что Правая рука уходит с поста зама по собственному желанию, чтобы готовиться к защите давно уже завершенной докторской диссертации. Вот это можно назвать триумфом!

– Да, здорово они утерли вам нос, шеф, – расплылся в улыбке шайтан.

– Не говори, нигде мы не терпели такого фиаско. Если хотели перепутать карты кому-нибудь, путали. А тут мы даже как бы помогли директору в его очередном финте.

– Это мне знакомо, – задумчиво произнес шайтан, вероятно, вспоминая наш провал на защите кандидатской диссертации. – Ну как же они дальше продвигали эту несуществующую научную работу?

– После ухода с кресла зама, оставаясь на посту заведующего лабораторией, Правая рука исчез из института приблизительно на полгода. Правда, исчез он для сотрудников института. Мы же выбились из сил, стараясь не отставать от него в разных городах страны. Он с поразительной быстротой выходил на научные авторитеты, с удивительной уверенностью рассказывал о своих «оригинальных экспериментах», загадочных, пока еще необъяснимых результатах и под видом дискуссий, обсуждений и консультаций выводил ценную информацию, создавая образ своей «работы». Подход у него был сугубо индивидуальный. Кого он ошарашивает восточной любезностью и воспитанностью, кого – диковинными гостинцами из дальних краев.

– Больше не делали попыток перепутать им карты? – ехидно поинтересовался шайтан.

– Все это кончилось тем, – продолжал, не реагируя на вопрос, изливать душу зав., – что Расул Сагдуллаевич сумел зацепиться за один из научных центров, где собрались всевозможные подготовительные высококвалифицированные специалисты для периферии. Только после этого Правая рука вернулся к себе в институт и исчез еще на два месяца, чтобы состряпать из собранных во время длительного турне обрывков сведений и идей толстый талмуд под названием «докторская диссертация». Еще через месяц он защитил ее.

– Да, я чуть не забыл. За день до защиты был один довольно забавный эпизод. У кого-то из наших не выдержали нервы, и он настроил одного из оппонентов на трезвый лад, то есть против защищаемой работы. Оппонент вызвал Правую руку к себе и заявил, что работа, честно говоря, сырая и пока не поздно, ее надо снять с защиты, иначе на защите он выступит «против». Буквально через два часа взбунтовавшемуся оппоненту уже звонил один из сочувствующих китов. Он в доверительных выражениях объяснил, что все уже слишком далеко зашло в этом деле, чтобы отступать, и, если оппонент в чем-то сомневается, на его место есть более подходящая кандидатура. Правда, при этом защита будет отложена на несколько дней по чисто техническим причинам, но потом «бывшему оппоненту» лучше не следует показываться в научных кругах... Нашим подопечным (после случившегося называть до их подопечными несколько неловко) понадобилось побегать туда-сюда в течение всего двух часов, чтобы полностью нейтрализовать наше вмешательство и опять оставить нас в дураках.

Шайтан хохотал, наверное, чтобы сильнее кольнуть бывшего шефа.

– Ваш департамент, видимо, забыл, для чего он создан. Вы ведь призваны сами устраивать интриги, а не наблюдать за ними, как в кино. Сколько можно сидеть и глазеть на делишки других? Была бы моя воля, я бы всех вас разогнал!

– Ты не очень-то выражайся, – ответил задетый за живое зав., – думаешь, нам не известны твои детские выходы? Мы тут умирали со смеху, наблюдая, как ты связался с этой размазней, как его там... в общем, с одним из тех несправедливо притесненных, каких на земле ходит несметное количество. А кустарщина, которой ты занялся под его руководством? Позор! Разве так надо работать, да еще с человеком, который и за себя-то не может как следует постоять? Нет, ты меня извини, но при всем уважении к тебе скажу: не тебе над нами смеяться!.. Ну а если быть честным, надо признать, что по части всяких выдумок оказывается мы еще не доросли до уровня человека, – с раздражением бросил зав. – Но я, тем не менее, я настроен оптимистично. Еще немного времени, и мы будем надежно управлять ими. Взять хотя бы этого типа, с которым ты связался. Он уже почти готов. Озлоблен на свое окружение, имеет представление о технике интриг. Как только наберется достаточно опыта, начнет работать самостоятельно. Через таких и будем проводить свою политику.

«А ведь он прав: от отчаяния я был уже готов на любую ответную подлость», – с ужасом успел осознать я.

– Ну, давайте, давайте, – усмехнулся шайтан, – посмотрим, что у вас получится. А как обстоят дела в других отделах? – спросил он, видимо, желая устроить мне экскурс по делам департамента.

– Естественно, у всех есть свои трудности... Но нас утешает то, что в отделах, занимающихся делами стран развитого капитализма, все обстоит еще более плачевно. Там любая идея наших меркнет перед делишками финансовых и политических воротил этих краев. Народ из этих отделов бежит из-за безделья. Никакого морального удовлетворения. Наблюдай и гоняй чай.

– Выходит, по-вашему, чем более развито общество, тем чаще встретишь в нем «дьявольскую» изощренность? – опять рассчитывая на меня, сказал шайтан.

– Не знаю, во всяком случае, у нас добиваются успеха разве что отделы, занимающиеся слаборазвитыми уголками планеты. У них, что ни идея, – то претворение в жизнь там, – зав. привычно указал пальцем наверх.

– Там что, люди из другого теста?

– Да нет, я думаю, что все из-за степени религиозности. Они не любят, а боятся бога, боятся своих начальников и вообще боятся всего. Даже у самых смелых воля, решимость и предприимчивость заторможены. Когда наши выбирают их жертвами, достаточно небольшой обработки, и они прекрасно играют по любому сценарию, даже по самому бездарному. Недавно эти бездары из отдела, занимающегося делами Полинезийских островов, вынесли на Большой совет несколько таких «шедевров» творческой мысли, что все уматывались в зале. И ничего. Все прошло. Сейчас на этих островах опять полнейший бардак.

– А вполне нормальные идеи ваши Советы заваливают, – сказал шайтан, напоминая свою обиду на департамент.

– Дорогой, публика, с которой ты имел дело, совершенно другая. Соответственно и требования у нас несколько отличаются. Ты зря на нас обижаешься...

Пузатая бутылка «Арамейского» вносила коррективы в разговор.

– На днях один заведующий из южноамериканского региона бахвалился, что только за последний год у него на счету два военных переворота, три безукоризненно организованных похищения со взломом и убийствами, а семейным и производственным драмам он не знает счета. Так вот, чихать я хотел на эти его дешевые успехи. Хотя и трудно, но мне по душе работа с более сложной и изощренной публикой... Не люблю я крови... Сейчас у меня на примете одно министерство со сложным коллективом, безукоризненными успехами. В рекордно короткий срок, скажем, за один год, я хочу разрушить их работу и поставить там все с ног на голову. Это стало бы делом моей жизни. А там можно уходить на заслуженный отдых... а для этой работы мне нужны хорошие ребята... Не хотел бы ты вернуться в отдел на более выгодных условиях?..

Шайтан сделал продолжительную паузу, чтобы выиграть время для ответа, затем спросил:

– Ну, а как дела у здешнего начальства?

– А, ничего интересного. Шефу опять удалось удержаться, – с нескрываемой злостью ответил зав.

– Как?! Ведь еще при мне дело шло к полному провалу.

– Нам надо учиться у него, дорогой мой, думаешь, он не предпринимал контрмер?

– Но всякое безобразие имеет границы...

– Зеленый ты еще, дело в том, что наш шеф не имеет явных врагов в сферах, где, собственно, и решается его судьба. Там нет никого, кто кровно заинтересован в его крахе, никого, с кем пересекаются его интересы. А крах после провала работы, запомни, не наступает как его естественное следствие. Кто-то должен заниматься этим, как говорят, грязным делом: преподносить везде этот провал выпукло, требовать наказания виновных. Шефу каким-то образом удается ни с кем сильно не портить личных отношений. Это при полном-то бардаке в делах! А анонимки и открытое недовольство, идущие с низов, при небольшом умении убеждать всегда можно подать как проявление зависти, сведение личных счетов и, еще лучше, как ответную реакцию на принципиальность начальства.

– Но в последнее время департамент не смог выполнить ни одну из поставленных перед ним крупных задач. Я думал, что в этом случае шефа ничто не спасет.

– Ты дума! – не сдержавшись, выпалил зав., видимо, связывающий свои определенные планы с уходом шефа. Он тоже думал и придумал! Потом начал действовать...

– Успокойся, – прервал его шайтан. – Если тебе неприятна эта тема, можешь не продолжать. Зав. быстро вернул свой беспечный тон.

– Нет, почему же, послушай, это очень забавно. Ты помнишь заведующего отделом новых методов и средств? Талантливейший, но, согласись, безвольный работник, одним словом – тряпка. Что ни день – он кидает очередную идею. Его статьи об оригинальных системах психологических воздействий на людей – просто шедевры. Многие наши бездары пытаются с его бесхозного стола – попросту крадут у него идеи, оставляя его с носом.

Так вот, в последние полгода этот тип носился с идеей создания какой-то невероятной мощности и быстрого действия компьютерной службы, моделирующей оптимальные режимы воздействия на помыслы людей. Эту идею, естественно, никто у него не крал, так как было ясно, что для ее осуществления надо пробить огромные средства, штаты и дорогостоящее оборудование. А для этого мало одной пробивной способности, которую нашим ни у кого не занимать. Надо еще на всех инстанциях компетентно и научно провести разъяснительную работу, убедить в целесообразности этого предприятия. Никто у нас, как ты сам знаешь, особенно не блещет знаниями и эрудицией в кибернетике, чтобы сделать это, кроме самого автора идеи.

– Да, но пока я еще не слышал, чтобы с помощью одних только знаний и эрудиции у нас что-нибудь пробивали, – спокойно возразил шайтан.

– Представь себе, он пробил. Притом так пробил... На дело ему было обещано около ста миллионов!.. А он, дурак, о каждом своем ходе подробно информировал шефа. Шеф вовремя понял, что речь идет об открытии нового отдела, который по всем своим показателям будет весомей всех остальных подразделений департамента вместе взятых и со временем полностью поглотит его. При таком обороте дел трудно было рассчитывать удержаться в своем кресле. И вот он предпринял шаг, который до сих пор приводит в восторг его подхалимов и заставляет трепетать от страха перед ним обывательский контингент департамента.

– Он сумел подсесть инициатора на каком-то этапе и окончательно провалить дело в последний момент! Известный прием, что тут удивительного?

– Все ожидали именно этого. Но он не стал пачкать себя такой банальностью, а подкараулил и, точно определив момент, когда дело в принципе решилось на всех инстанциях, и пришел черед оформления документов с именами и подписями ответственных руководителей и исполнителей темы, попросту отобрал ее.

– Как?! – шайтан разинул рот.

– Очень просто. Однажды он вызвал к себе этого растяпу, велел принести с собой все подготовленные бумаги проекта, включая и черновики. Говорят, он в течение полудня, как мог, вникал в детали работы и в конце заявил, что ему надо изучить все расчеты, так как скоро ему придется подписывать много документов по этой работе как директору департамента (а подписывается он только тогда, когда понимает суть дела, – подчеркнул он), запер бумаги в свой толстостенный сейф.

Дальше события разворачивались стремительно. Не давая возможности опомниться этому балбесу, шеф быстро сформировал из молодых и хватких проходимцев, преданных ему, костяк будущего отдела. Как гончих собак за добычей, он пустил их по всем направлениям для дальнейшего продвижения и реализации проекта. Во все стороны полетели документы, теперь только с его подписью и именем как руководителя, а для неосведомленных заодно и как автора проекта.

– Куда смотрел настоящий автор?

– Естественно, даже при его туподумстве в таких делах он скоро почувствовал, что остается в дураках. Он пришел к шефу и интеллигентно попросил объяснить происходящее. Говорят, шеф один на один твердо заявил, что тот будет участвовать в этой работе как консультант, если это понадобится, а отобрал он дело исключительно из соображений производственных интересов – дескать, он не может рисковать исходом такого важного и крупномасштабного дела, на которое выделяются огромные общественные средства, поручив его кому-то, когда им может заниматься он сам. И еще добавил, что, если ему не нравится, может жаловаться хоть куда: все равно там, где это нужно, он уже узаконил свое руководство над работой. Как потом рассказывала шепотом своим доверенным секретарь шефа, бедный зав. новыми методами и средствами вышел из кабинета как побитая собака. Он и до сих пор ходит такой.

– Но шеф провалит эту работу! Он же не специалист и ничего не смыслит в кибернетике.

– Ерунда! Работа должна дать результаты через шесть-семь лет. К тому времени шеф уйдет на пенсию. Зато до этого он обеспечил себя престижной деятельностью. Он раздувает штаты, открывает новые подразделения, вершит судьбы сотен сотрудников, в общем, имеет все то, что составляет истинное наслаждение властолюбцам.

– Только раздуванием штатов дела ведь не сделаешь?

– У таких, как наш шеф, подход к делу философский. Он делает ставку на переход количества в качество. То, что при этом огромные деньги пускаются на ветер, его мало волнует. Действительно, на него работают живые сотрудники. Много сотрудников. У каждого стремление к росту. Среди них попадаются и талантливые. Один такой талантливый может размотать сухой счет безрезультатности тысяч других.

А шеф в качестве руководителя престижного начинания праздничным генералом разъезжает по всяким конференциям, симпозиумам и встречам, ловко вставляет слово в беседе между именитыми кибернетиками и, пользуясь своим виртуозным умением хватать верхки, переполнять свой лексикон терминологией из области, по-существу, ничего не понимает, дает интервью для прессы, решается, если это нужно для престижа, делать даже научные выступления, то есть зачитывать написанный для него текст. Снимать с работы такого деятеля никому и в голову не придет... Тем более, высокое начальство понимает: снимешь, потом самому придется отвечать за сорванные сроки, проваленную работу...

– Ну, хватит сплетничать о шефе. Вернешься к нам? – напомнил о своем предложении зав.

– А что я буду с этого иметь? На что мне у вас рассчитывать? Я ведь теперь не мальчишка, чтобы быть на побегушках. Мне нужны свое дело, свои сотрудники, свой персональный транспорт в конце-концов. Сможете устроить?..

Проснулся я, как обычно, в шесть утра от ржавой трескотни до тошноты надоевшего будильника. «Сегодня же выброшу этот трамвайный колокол, куплю что-нибудь более мелодично звучащее», – подумал я, прекрасно зная, что и завтра, и через месяц эта же трескотня будет поднимать меня с теплой постели и кидать в объятия неуютной жизни. Кровать... Вспомнил вчерашний день (если его вообще можно назвать днем). Шайтана моего купили. Ему было обещано все, чего жаждет душа карьериста, и он тут же забыл свои обиды на департамент, свою «борьбу из-за принципа». Скрепив договор остатком «Арамейского» и расчетливо-деловым лапопожатием, шайтан поспешно покинул кабинет заведующего. Я с трудом догнал его недалеко от дверей департамента.

– А, извини, я забыл про тебя, – сказал он с оттенком надменной рассеянности в голосе. – Ну, что ты еще хочешь посмотреть у нас? – нетерпеливо спросил он, ясно давая понять, что на мою дальнейшую судьбу ему, мягко говоря, наплевать.

– Отправь меня обратно. Теперь мы с тобой будем работать в противоположных лагерях.

– То есть как? – снисходительно посмотрел он на меня.

– Очень просто. Я многое понял. Теперь знаю, как и против чего надо бороться.

– Ты? – шайтан издевательски расхохотался. – Ты будешь бороться против этих, своих, как их там... Нет, я не могу, спасите меня, я сейчас лопну от смеха, ха, ха, ха... Они же расправятся с тобой, просто размажут ради потехи, ха, ха, ха...

В это время откуда-то появилась моя кровать. Шайтан уложил меня на нее, как ребенка, продолжая безудержно смеяться. А у меня почему-то, то ли от обиды, то ли от злости, перед глазами все начало расплываться и меркнуть. Постепенно во мраке растворился хохочущий шайтан.

И вот, разбуженный утром будильником, я по привычке, как запрограммированная машина, начал собираться на работу в институт. Дома на меня не обратили никакого внимания. Видно, ловкий шайтан устроил так, что моя отлучка осталась незамеченной. Кто знает, быть может, на Земле оставалась моя тень, которая без труда выполняла мою пассивную роль в жизни.

Я намеренно вышел из дома пораньше, желая дойти до института пешком. Хотелось пройтись по прохладным улицам утреннего города, собраться с мыслями, обдумать дальнейшие действия.

Все вокруг – в густой, нежной зелени. Неповторимо приятный шум только что проснувшегося города. Крепко ухватившись за руки спешащих родителей, шли маленькие мальчики и девочки с еще сохранившимися следами сладкого сна на лицах. Они спешили в детские садики. Меня окружала реальная жизнь.

Нет, в «том» городе я всего этого не видел...

Какой глупейшей псевдофилософской говорильней я занимался с шайтаном! О каких «вмешательствах со стороны» и о каких «кознях», влияющих на дела и судьбы людей, могла идти речь!

Путешествие в эту... преисподнюю – это какой-то кошмар, скомбинированный только из худших частей реальных событий, притом в сильно искаженном виде. Быть может, я на время «впал» (в моем состоянии это было немудрено) в одно из часто упоминаемых современными фантастами «параллельное с нами подпространство» нашего «многоступенчато-многомерного материального мира»? Там, говорят, все происходит в несколько искаженном виде, в силу другой метрики существующих там моральных и этических норм... И само «явление» шайтана мне, видимо, не случайно. Он мог явиться только человеку, находящемуся, подобно мне, в позорно-беспомощном состоянии. К человеку, уверенному в себе и в преодолении любой несправедливости и, самое главное, человеку не одинокому, он не подошел бы даже на пушечный выстрел...

В одном прав мой проворный компаньон. Причина всех зол кроется здесь, на Земле – в нас самих... Отчаявшись, запутавшись в мелких неприятностях, мы зачастую начинаем искать ее либо «наверху», либо «внизу». Свое же плавание по течению пытаемся оправдать беспоследностью и перспективностью всякой борьбы.

Все-таки общение с шайтаном дало мне кое-что. Как бы то ни было, я перестал бояться действительности...

Почему я решил, что борьба со злом имеет одну-единственную форму, а именно, оставив в стороне основные дела (за которые, между прочим, получаешь зарплату), добиваться немедленного наказания злоумышленников, возводя при этом свои неприятности в ранг общечеловеческих?

Быть может, правы те умники, которые «борются» по-своему: закрывают глаза на несправедливость, какой бы вопиющей она ни была, ревностно, но как можно более скрытно, занимаются своим основным делом? При случае занимают освободившиеся насильные места своих вчерашних гонителей (это часто преподносится чуть ли не высшей формой установления справедливости!). Но эти «борцы» в ходе этого, так называемого, комплексного роста

постепенно трансформируются в одного из своих предшественников (у кого работаешь, от того и наберешься). Умелыи пичкать свою речь «жизненными» соображениями эту «борьбу оправдывают разумной «терпимостью к временному злу», «тактикой достижения своей цели» и, наконец, совершенно необходимой в жизни общества «преемственностью» в методах работы... Нет! Все это не для меня! Впервые за последние месяцы я шел на работу, не ощущая привычного страха. Он исчез, как только я понял, что окружающую жизнь, людей надо воспринимать такими, какие они есть на сегодняшний день, а не какими бы я хотел их видеть.

Почему я оказался неподготовленным к борьбе? В далекие счастливые школьные годы все было предельно ясно и просто. Если кто учился плохо в силу природной лениности или неспособности к какому-либо предмету, то это было видно, об этом говорилось вслух, в лицо, при всех и учителями, и учениками. Неудачающийся часто сам с детской непосредственностью признавал, что он не умеет решать математические задачки, или не умеет красиво рисовать. Никто не становился отличником благодаря взаимовыгодному контакту с учителем (хотя шайтан как-то упоминал, что в последнее время и это встречается – но это же шайтан!). Ими становились только после блестящего выступления у доски. И, казалось, не нужно никакой борьбы!.. Но у нас в институте я так и не усвоил ни от кого, что он не способен потянуть такую-то тему, работу или должность (особенно, если эта должность дает власть над людьми, соответствующий оклад, персональный транспорт и прочее)...

Неужели для меня оказался пропущенным какой-то важный этап между школой и жизнью? Быть может, не только для меня?

Не удивительно поэтому, что я чуть ли не требовал от окружающих соблюдения школьных правил. Представляю, как они «любили» меня, несмотря на мою честность, грамотность и, в конце концов, на какие-то бесспорные результаты... Не опала была виновата в моей полной изоляции в институте...

Представлялся мне иногда этакий основательный хемингуэевский каменный дом на одиноком маленьком скалистом острове среди бескрайнего моря золотистых песчаных барханов, в тысячах километров от людей. Просторная комната, по всем стенам тесные книжные ряды, где собрано лучшее, что когда-либо было написано людьми. Массивные окна, через которые виден бескрайний песчаный океан с застывшими волнами, своим спокойствием располагающий к работе. Массивный рабочий стол, удобные кресла, электричество (неизвестно от какого источника) и камин (неизвестно кем затопляемый). Единственное окно в мир людей – телевизор с приемом всех телепрограмм мира. Я думал, что работал бы в такой обстановке не переставая.

То, что это было неким бегством, я понял только теперь. Пусть в мыслях, но позорное бегство от жизни, от людей. Сейчас было стыдно за это.

Только теперь, вспоминая подробности самых моих темных дней в институте, я начал понимать, что там и тогда были люди, которые боролись против несправедливости.

Какую унижительную, пассивную роль я высокомерно приписывал обществу, которое при каждом удобном случае именовал ужасным эпитетом «обывательская публика». А эта «публика» видела все эти безобразия. Видела лучше и больше, чем я. Ее сдержанность связана не с боязнью «авторитетов». Просто она мудрее, чем я думал о ней. В отличие от меня она понимала, что каждое свое дело узурпаторы института готовят заранее и достаточно продуманно. Обязательно создают общественное мнение, ловко маневрируя информированностью и дезинформированностью людей. Все свои реальные шаги они спешат загодя подкрепить, узаконить решениями ученых советов и общественных организаций. Как доказывал в одном из споров шайтан, они по-своему борются за свою «несправедливость». Явных «проколов и грубых промахов», не говоря уже об открытых беззакониях, в своих делишках они почти не допускают. В официальных бумагах у них всегда все в ажуре. Не подкапаешь. Что зря выступать при такой ситуации? Людей насмешишь, да еще прослывешь «клеветником». Но она, эта «обывательская публика», опять же в отличие от меня, понимала, что такая «безукоризненность» в делах узурпаторов – лишь до поры до времени. Осмысливая теперь доходившие до меня обрывочные сведения, я все больше убеждался, что она боролась с ними, все меньше и меньше оставляя им оперативного пространства для темных маневров. После каждой очередной операции узурпаторов этот простор все более сжимался. При этом те юлили, выкручивались, жалили исподтишка тех, кто наиболее активно выступал против них. Но их безвозвратно загоняли в угол. Разве мог я узреть эту борьбу при таком активном эгоистическом самооплакивании.

А если приглядеться, все же единственной силой, сдерживающей полный произвол узурпаторов над такими, как я, были те же, пусть выполняющие в основном волю директора, общественные организации. Что я знал о них? Вспоминал о них лишь тогда, когда становилось очень уж тяжело. Ждал от них помощи, не сомневаясь, что они должны считать за честь заниматься моими делами и без моего обращения к ним. В ожидании этой помощи, видимо, и «провалился» в «параллельное подпространство» с фантастическими персонажами, которым легенды приписывают все самое темное и безнравственное...

Совсем уж неубедительно звучали сейчас в памяти слова тех, кто советовал мне уйти из института, пока не уволят по статье... Я верил!.. В конце концов, не мировая же трагедия, если руководство ухитрится, например, третий год «держат» профсоюзным боссом услужливого парня, который успех своей научной карьеры видит отнюдь не в научных результатах, а в завоевании симпатии и благосклонности начальства через предугадывание его желаний. Ведь ходят слухи, что парню все труднее удается исполнять помыслы и дела директора и его свиты. Сможет ли он остаться на следующий срок? Судя по скрипу, раздававшемуся на весь институт на последних выборах – нет. Скорее всего, рухнет этот временный «уникум». Разумеется, не сам собой, а под натиском тех же противоборствующих сил, которых я, увы, не увидел...

А наука? Ведь я готовил себя не к борьбе, а к чистой науке. С подсознательным презрением отвергал все, что вне ее...

В конце концов, наука для людей или люди для науки? Раз люди делают науку для себя, следовательно, имеют полное право подчинять, приспособливать ее успехи к своим наиболее благородным интересам. Да что там успехи, видимо, и сам ход развития науки в первую очередь должен подчиняться жизненным интересам людей.

– Вот видишь, твой Алим Акрамович и его шайка не так уж не правы! – в моих ушах раздавался издевательский смех шайтана.

Нет! Трижды нет! Крайнюю меру, применяемую в исключительных случаях, когда надо выбрать из двух случайно пересекающихся интересов – интересов людей и науки – эти уверовавшие в свою силу «ученые» взяли за норму: интересы науки всегда приносить в жертву своим личным интересам. Но в то же время, не дай бог, чтобы она остановилась, эта наука! Где же в таком случае им кормиться?.. И они двигали ее не без успеха руками тех, кто почти ничего от нее не имеет!..

Да, хватит рассуждать, фантазировать! Надо спешить. Не к сомнительным компаньонам, которые сами по уши погрязли в элэднеях у себя в «преисподней», а к людям борющимся.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

В институте, как и следовало ожидать, я угодил в очередную идиотскую ситуацию (действительно, было бы удивительно, если бы я, вот так сразу превратился в заправского борца).

– Ты что, с Луны свалился? – сказали мне при первой же попытке поделиться своими планами о задуманной борьбе. – Не видишь, что делается вокруг в последние месяцы? Кто сейчас не борется против несправедливости, самоуправства? Идет же всеобщая перестройка.

Но каково же было мое удивление, когда я узнал, что в первых рядах этой «борьбы» и «перестройки» оказались все те же Алим Акрамович со своей свитой. «А ты как думал, – словию вторя моему шайтану, говорили мне, – чтобы ушел в ходе перестройки, им надо взять ее под свой контроль, оседлать её, тем более, грех упускать такую возможность при их умении приспособиться к любому новому веянию. Если общество решило покончить с такими уникальными «островками» порядка, как наш институт, ради бога, они могут руководить и этим. Пойди, попробуй доказать, что эта борьба как раз и направлена против них. Вмиг заткнут тебе рот изощренной демагогией, из которой следует, что именно ты и являешься форменным противником перестройки.

А Алим Акрамович тем временем, проводит агрессивные наставительные беседы, собрав сотрудников института у себя, упрекая их, что именно они превратились в тормозящую силу на пути демократизации жизни института, о которой он, многострадальный, печется с давних пор.

Но самое интересное было впереди. Как всегда, почуяв новые веяния задолго до их начала, он заблаговременно перевел, оказывается, в институт имеющего всевозможные титулы своего племянника Эркина и через некоторое время повел против него ожесточенную и, главное, демонстративную кампанию травли, обвиняя того в неблагодарной и оскорбительной для «благодетеля» самостоятельности во мнениях и поступках. Безукоризненно было имитировано опальное положение для Эркина, вызывающее сочувствие не только в институте, даже в верхах. Так элегантно была решена проблема наследственной передачи трона (кресла) в случае его неудержания в ходе перестройки (при таких взаимоотношениях кто вспомнит о родственных связях)...

Чтобы не взбунтовался обиженный когда-то Рустам (кто его знает, вдруг решит, что настало его время), его срочно назначили на пост председателя народного контроля. Услужливый же профсоюзный босс внезапно был назначен заместителем директора (неважно, что в курируемой им области он разбирался не больше, чем в фонетике, скажем, ханты-мансийского языка). Пока публика разберется что к чему, он перепрыгнет отсюда на административную работу более престижного масштаба. Иметь своего человека в «эти смутные времена» везде необходимо.

Список подобных уже осуществленных и намечаемых «перестроек» можно продолжить. Но к чему это?

Главное – слегка проясняется, с чем надо бороться.

ПОЭЗИЯ

**Фархад
ЮНУСОВ**

Родился в 1983 г. в Ташкенте. Окончил философский факультет НУУз. Лидер рок-группы «Твердый знак», участник музыкальных минифестивалей, поэтических мероприятий. Автор сборника «Времени всегда нет». Публиковался в журналах «Звезда Востока», «Русское поле» (Молдова), альманахах «Преддверие», «Сегодня», «ARK».

Диссонанс постепенно растет, крепчает...

Разбуди его в одиннадцать
Или лучше даже без десяти.
Сама знаешь, пока он еще оденется –
С чувством времени у него не ахти.
Теплые шмотки, консервный нож, свечи,
Пару заостренных черенков от лопат.
Ты, конечно, подготовила вещи с вечера,
Хотя какой теперь вечер, так – время ложиться спать.
В десять минут двенадцатого напрямиком через двор
На станцию. Где рельсы когда-то вели поезда.
Нигде, никогда. Вас всего двое.
Практически невозможно куда-нибудь опоздать.

Зрячие смотрят зря
В злые глаза ноября.
Заря наступает зря,
Когда декабрь в дверях.
Искать, находить и терять,
Находить и терять,
Находить и... Варяг
Никогда не сдается.
В холодных морях
Остается
Его блуждающий след.
Он занят на долгом дежурстве
До следующего лета,
Но еще не родился свидетель
Этих будущих медленных лет.

Почему вокруг тебя умирают?
Но не сразу, не сразу, не сразу.
Если только кто-то вышел из круга,
То тогда возле около грани.
И обратный отсчет,
Чет или нечет,
День, неделя ли, год –
Когда это произойдет.

Кто из вас кого из вас собирает?
В эту линию смыкающих ряд.
Как спички и свечи,
Горят человечки, горят.

Отвечая на бесчисленные вопросы,
 Думаешь, терпишь, сам себе говоришь: хороший, хороший...
 Обращаешься так, словно ты себе родной, но опасный дядька,
 То есть не так вот сразу, с наскока – попытка нужна, оглядка.
 «Думаешь – терпишь» вообще синонимы в своем роде.
 И то и другое примерно поровну свойственно
 Отдельно взятой природе.
 В процессе просто перестаешь различать, где думаешь, а где терпишь.

Вот оно, двустороннее колесо сансары. Танцуй, дервиш!

Реагируя действием или бездействием на бесчисленные задачи,
 Делаешь. Не делаешь. Опять делаешь. Ну а как иначе?
 Ты весь, со всеми своими делами – здоровенное лоскутное одеяло.
 Одиссей явился ровно тогда, когда ей наконец надоело.
 Ну здарсьте, приплыли.

Правая сторона со временем становится
 больше, чем левая сторона.
 Левая сторона считает, что правая
 сторона не права.
 Левая сторона и сама странна,
 Обижается, грустит и становится меньше,
 Как почти угадал когда-то Меньшиков Дима.

Медицина!
 Прими в лоно свое заблудшего сына.
 Пропиши что-нибудь эдакое, что окажет кардинальное влияние
 На безрадостную клиническую картину.
 Иначе долго еще придется
 Экспериментировать.

Диссонанс постепенно растет, крепчает,
 Воздействует на характер,
 И так застрявший между before и after,
 И уже заявляет свои права на то,
 Что именно он – автор.
 А я-то знаю, что он – середина.

ПОЭЗИЯ

**Андрей
ПАВЛЮК**

Родился в 1974 г. в Ташкенте. Окончил факультет зарубежной филологии ТашГУ (ныне НУУз). Преподаватель русского языка и литературы. Печатался в газете ТашГУ, «Литературной газете», журналах «Звезда Востока», «Книголюб». Автор книги стихов «Поднебесье», участник Открытого Ташкентского фестиваля поэзии.

Пусть мне песню пропоют века...

Амур

Как же здесь неуютно, как хмуро –
Мелкий дождик, обломки колонн,
Холод статуй да крики ворон –
Как печально жилище Амура!

Сам хозяин – обрюзгший, угрюмый,
За спиною – два грязных крыла,
Бродит, сумрачно пьёт из горла,
Молча думает тяжкие думы.

Брошен где-то колчан, полный стрел –
Люди ныне закованы в латы,
Им не нужен повеса крылатый
И любовь... Мир, увы, помудрел.

Только хмурый Амур вновь и вновь
Смотрит в небо да горькую глушит,
Ждёт с тоской те открытые души,
Что – безумные! – верят в любовь.

Боги

В старом доме у поросшей мхом дороги
Зажигается ночами дивный свет...
Не ходи туда! Там брошенные Боги
Целят горькое вино пришедших лет.

Люди знают... Люди видели ночами,
Как бродил у дома в тягостной тоске
Грозный старец с необъятными плечами,
Говоря на непонятном языке.

Как в тяжёлые распахнутые двери
Выходили молчаливою толпой
Непонятные, чудовишные звери
С телом женщины и птичьей головой.

И бежали смельчаки в безмерном страхе,
Посылая вопли в лёд ночной тиши,
И проснувшиеся хмурые монахи
Всё молились о спасенье их души.

А под утро замолкали в доме струны,
Боги прятались, покорные судьбе...
Не ходи туда! Ты слишком, слишком юный –
Боги древности поселятся в тебе...

Парки

В кафе пустынном, в осеннем парке
Сидят и курят, скучая, Парки.

В их чёрных куртках, небрежных позах,
Во взглядах грубых таятся грозы.

Они ленивы, они жестоки,
Они приходят и ставят сроки.

Они приходят – и строго судят,
И пишут судьбы, и нити рубят.

Привычно рубят – а после, в парке,
Сидят и курят, скучая, Парки.

Колдовство

В темноте полуночного леса
На болотах покоится гать...
Там порою три сумрачных беса
Собираются поколдовать.

Первый бес нелюдимый и хмурый –
Это бес одиночества. Дик,
Он всё время в звериные шкуры,
Бормоча, прячет мерзкий свой лик.

Бес второй – злой, кривой и костлявый,
Его руки всё время в крови,
Взгляд искрится недоброю славой –
Это бес безответной любви.

Но страшнее всех третий из бестий –
Смертью блещут кривые рога! –
Бес холодной, расчетливой мести
Той, что сердцу была дорога.

Я не знаю, зачем они ныне
Своей жертвой избрали меня,
Но я чувствую – кровь моя стынет,
А душа в тоске просит огня.

И готов я бежать в темень леса,
Где творится ужасный обряд,
Где три старых колдующих беса
Мне подарят свой сумрачный взгляд.

Русалка

О, загрустившая русалка!
Зачем прекрасное лицо
Твоё печально? Может, жалко
Тебе утопших храбрецов?

Быть может, вспоминая пламя
Внезапно вспыхнувшей любви
Во взорах жертв, на холодный камень
Ты грустно слёзы льёшь свои?

Не плачь, о маленькая нежить!

Им хорошо на тихом дне,
И целовать и сладко нежить
Тебя придут они во сне.

Расскажут ласковые сказки,
Смеясь, уложат на траву...
Не плачь! Прими во сне их ласки –
Тебе не знать их наяву...

Статуи

Я живу среди холодных статуй
Тех, кого когда-то знал живыми
Мрамор – их тела, глаза – агаты,
Зубы и одежды – золотые.

Статуи являются на встречи,
Важные, встают на постаменты,
Произносят мраморные речи,
Чувств не просят – ждут аплодисменты.

Их не удивляет, что порою
Отвожу я взгляд и слёзы прячу –
Ведь они забыли, а я скрою,
Что и их рука была горячей,

Что и их душа текла слезами
О навеки умершем тоскую...
Кажется агатовым глазам их,
Что и я – такая же статуя...

Выси

Видишь свет золотой дороги,
Золотой дороги на выси –
Там пасутся Единороги,
Там пятнистые бродят рыси.

Я возьму твоё сердце в руки,
Я любовью его оттаю...
Поплывут облаков фелуки
К заалевшего неба краю.

Взор таинственных рысей – страшен,
Рог небесного зверя – длинен...
Мы построим семь стройных башен
Посреди золотой долины.

Будут звуки небес хрустальны,
Звёзды – странно близки и светлы...
Мы с тобою в янтарной спальне
Встретим розовые рассветы.

А когда, молодые боги,
Мы навеки покинем выси,
Улыбнутся Единороги,
И тихонько заплачут рыси...

Любовь

Помнишь – дикой папуаской
Ты жила в глуши лесной?
Я любил тебя с опаской –
Ты порой бывала злой.

Помнишь – стройной жрицей Майя
Отдыхала в храме ты?
Я твой стан, от счастья тая,
Обнимал средь темноты.

Помнишь Римские арены?
Помнишь Жёлтую Янцзы?
Замков каменные стены?
Отоманские дворцы?

Нет, не помнишь... Лишь во взоре
Нежных глаз пылает вновь,
С временем упрямо споря,
Наша вечная любовь.

У неё глазёнки-олёнёнки,
Губки – ненасытные слонёнки,
Быстрые, как белочки, реснички
И повадки маленькой лисички.

Я – подобен сумрачному зверю,
На мечты рычу, в любовь не верю,
Обхожу и хижины, и замки,
Не ишу любимой – жажду самки.

Отчего ж так сильно бьётся сердце?
Отчего души трепещет дверца?
С нею всё так ново, всё – иначе...

Я умру, когда она заплачет.

В небо тёмное летят стволы,
Воздух полон запахом смолы,
В вышине застыли облака...
Тихо лес шумит. Поют века.

Я стою один, боясь вздохнуть –
Завтра я отправлюсь в долгий путь.
Но сейчас, пока душа легка,
Пусть мне песню пропоют века.

Я не знаю, где в последний раз
Солнца луч моих коснётся глаз,
Но в холодной тьме, издали,
Я услышу, как поют века.

Дождь

Под утро тихо умер дождь.
Лишь серых капель покрывало
И луж таинственная дрожь –
Всё, что о нём напоминало.

Но всё, что было за окном,
Шуршаньем падающих капель
Успело мой наполнить дом,
По тишине скользая, как скальпель.

Вот так легко, как бы шутя,
Без жалоб на невоскресенье
Душа ушедшего дождя
Осталась жить в стихотворенье.

Весна

Знаешь, порою я вижу во сне
Хищную деву на сильном коне.
В шкуре звериной, от скачки пьяна,
Светлой равниной мчится она.

А над равниной – могучий простор,
Синее небо, сияние гор,
Хлещущий ветер и тень облаков –
Мир в древнем свете поющих веков.

Мне там нет места... Лишь только душа
Видит, как тёплым простором дыша,
В шкуре звериной, от скачки пьяна,
Светлой равниной мчится Весна.

Последняя сказка

В тихие, тихие омуты
Сладким гниением тронуты
Канут деревья могучие –
Лишь всколыхнётся вода.

Древние тайны и шорохи
Сгинут в слежавшемся ворохе,
Небо затянется тучами,
Сказка уйдёт навсегда.

Ведьмы, вампиры и лешие,
Дряхлые, чуть ошалевшие,
Тихо растут в туманности
Старого, старого сна.

И что-то чистое, тонкое,
Нежно, по-детскому звонкое,
Лопнет в небесной бескрайности,
Словно на гуслях струна...

караван истории

СТУПЕНЬКАМИ НЕ СКРИПНУВ, Я СБЕЖАЛА..!

Ах, за тридцать лет искусство фотографии определенно
пришло в упадок...

Так пусть будет два портрета...

И пусть их печальный контраст
послужит не только примером разрушительной силы времени,
но и доказательством непобедимой силы духа творящего,
зачарованного жизнью – несмотря ни на что...
несмотря ни на что...

Из «Дневника» Зои Тумановой

Эпилог

«Вот лето воцарилось. Тяжкий зной. // И дни окрашены всего
в три цвета: // Зеленый, синий и алмазный. Шумно, // Но шум не
заглушает тишины. // В густую тень бросаешься, как в речку, //
Прохладную, манящую... А выйдешь // На свет – и снова нестер-
пимый зной. // Был день такой. А я вошла во двор, // Чужой, не-
виданный ни разу в жизни. // Мне показалось – там красиво, //
Впрочем, // Не знаю, не успела разглядеть. // По деревянной
лестенке поднявшись, // Я услышала голос. Он читал // Какие-то
стихи. И я застыла. // Войти не смея, не могла уйти. // В них
было все, чем нынче полон мир: // Безвыходность сжигающего
зноя // И музыкальность солнечных лучей. // Я слушала, не дви-
гаясь. Они, // Хоть были и печальны, так звенели, // Что вдруг
ужасно захотелось жить: // Писать стихи, мечтать, бродить под
солнцем // И родину любить до самой смерти. // Все было тихо-
тихо. Лишь поэт // Читал, невидимый и неизвестный мне. // Не
знаю, много ль времени // Прошло. // Он замолчал. Я в тот же миг
очнулась. // Ступеньками не скрипнув, я // Сбежала // По лестни-
це и снова окунулась // В прекрасный зной. Прохожие // Смотри-
ли, // Как я брела по мягкому асфальту, // Усталая, со странным
выражением // Мучительного счастья на лице»²

Глава одиннадцатая

«ЗВЕЗДА ВОСТОКА» – ЗОЛОТО НА СВЕТОЙ СИНЕВЕ

В сущности, в эти строки «Эпилога», будто в непозолочен-
ную раму, обрамившую некую законченную картину, Зоя Тума-
нова заключила всю свою жизнь.

И уже ничего нового о ней не напишешь, кроме вот этого,
здесь так красиво ею же утвержденного.

Но поэт в своей всегда максимальной выразительности – все-
таки, будто еда в концентрате: каждую строку, каждое слово, каж-
дый образ, даже каждую запятую (а уж – тем более – многоточие),
бывает нужно растворить, разбавить, разболтать пожиже. Нет, не
для того, чтобы добраться до смыслов – для искусственного они на
поверхности, – но чтобы выловить для себя первопричину этих

**Алексей
УСТИМЕНКО**

Родился в Новосибирске в 1948 г. Окончил
ТашГУ (ныне НУУЗ).
Журналист, писатель,
работал главным
редактором журналов
«Звезда Востока» и
«Восток Свыше».
Автор нескольких
прозаических сборни-
ков, документальной
биографии «Влади-
мир – митрополит
Среднеазиатский»,
романа «Странствую-
щие в золотом
мираже». Член СП
Узбекистана.

¹ Сокращенный вариант. Полный текст очерка впервые опубликован в журнале «Иные берега», Москва.

² Из архива поэта Владимира Луговского. Стихи Зои Тумановой от 25 июня 1943. Цит. по книге Н. Громовой «Все в чужое глядят окно». Изд. Коллекция «Совершенно секретно». Москва 2002. С. 220.

смыслов, обнаружить те изначальные ежедневно-дневные буквы, из которых позже станут выкладываться жизненные слова в своем талантливом сочетании дающие уже и литературу...

Даже когда прошло уже несколько месяцев со дня ее почти незамеченной смерти в 2009 году, фамилия ее все еще продолжала печататься в выходных данных журнала «Звезда Востока»: член редколлегии – Зоя Туманова. Фамилия сплелась с этим журналом едва ли не навечно.

И этот вот журнал едва ли не на всю ее, Зои Тумановой, литературную жизнь стал главным местом обитания, главной привязанностью. Отчасти даже и семьею, конкурирующей на равных с семьей настоящей, в которой, литературно работая, обитали всегда ей родные, пишущие (всяк по своему) литературные люди. То, точно так же, как взрослеющие ее дети – Галина и Тимур, – дарящие ей надежду, а то и разочаровывающие не меньше: ведь для многих из них журнал был всего лишь *работа*. А для нее – убежище духа, то истинное местопребывание истинного художника, тот порт, в гавань которого обязательно возвращается всякий писатель. Возвращается с золотой добычей конкистадора, которую удалось ему правдами и неправдами вырвать из не всегда светлой реальной жизни, воплотить на бумаге и на вытянутых перед собою руках внести в редакцию.

Для всех, чтобы пользоваться.

Они же, уходя отсюда в свои жизненно-литературные странствия, оставляли ее на берегу в ожидании. И она ожидала их со всею искренностью оставленной души. Не всякого и не со всею одинаковостью.

Анатолий Бауэр – писатель, литературный критик и ответственный секретарь журнала – по-военному подтянутый, временами по-хемингуэевски бородатый и всегда воплощающий в себе строгую сущность невозмутимо все понимающего и все принимающего мужчины, внешне и внутренне был особенно приближен к ее идеалу потому, что в нем для нее сошлись, объяснимо взаимопроникнув, два литературных же ее идеала: любовь к звонкой старине здешнего Востока и к кипплинговскому, если судить по его пишущимся тогда книгам (особенно по «Мужскому несогласию»), отражению этого Востока.

Он был неутомимым коллекционером (что, может быть, все это и объясняло) невосполняемо исчезающей к 60-м, 70-м годам XX века азиатской атрибутики скучно европеизирующегося Ташкента.

А еще – и людей, относясь к ним со внимательной постоянной приглядкой: чем они ценны, интересны... В чем их Восток?

И подобное всегда в них легко находил – людям нравилось быть интересными для него. Люди, вообще, всегда

безгрешно тянутся к тем, кто ими интересуется...

Зоя Туманова писала ему записки, поздравительные открытки, стихи на всякие маленькие местные события их общей редакционной жизни. А когда он уехал в творческую командировку, как раз и оставив ее на сразу же заметно опустевшем литературном берегу, она взялась за ведение одинокого «Дневника», чтобы еще чуть-чуть продолжить с ним, Бауэром, все прежде ведишиеся разговоры.

Глава десятая

ДНЕВНИК ЗОИ ТУМАНОВОЙ (1980 год)¹

День первый. Март, двенадцатое число. Нелетная погода. Значит шеф еще с нами – и все же его уже нет. Великая загадка двойственности движения!

Еще я с вами, но – в дороге,

Еще я дома, но – в пути.

¹ Из личного архива писателя А. Бауэра. Публикуется впервые.

...В троллейбусе исплаканы стекла. Чернеют стволы и ветки сквозь серебристую пелену дождя. Серебро и чернь – в них воплощен облик города в это довольно заунывное утро. Ах, какая нелетная погода!

...В редакции все блуждают, аки овцы, потерявшие пастыря. Бродит Валя с потусторонним взглядом, вопрошая каждого: «Кто ответственный секретарь?»

Гребенюк¹ гордо отвечает:

– Не я!

Женя молчит и улыбается. Нина, как сфинкс, восседает за Вашим столом и дирижирует телефонной трубкой.

...Справляются именины Зины, скромно, но со вкусом. Скромно – в смысле выпивки (да и с кем пить?!). Со вкусом – за счет домашней еды. Живо представляется, как шеф попросил бы второй кусочек...

«Здесь все твердит о нем...»

...Состоялись обычные занятия – в три часа, наверху. Все читали по листочкам добросовестно, но... не всем дано! С. П. смутило слово «легитимизм», и он заменил его «лимитизмом». Музаффар Бек произнес «акитрисы». А Сайяр был сражен наповал словом «мешенаты» – так и не решился его произнести...

Тем не менее, председательствующий отметил, что все участвовали активно и хорошо подготовились.

...Босс² продолжает болеть и бороться с «Джейхуном»³. Когда яростные валы всяческой белиберды и сомнительных исторических данных захлестывают его с головой, он хватается за телефонную трубку и звонит «Всем, всем, всем!». Он пудрит мозги Ершову⁴ и компостирует их Бендеру⁵, а у Вашей корреспондентки затекает рука, держащая трубку.

Судя по всему, печатать «Джейхун» невозможно, а не печатать – нельзя! Вот тут и покрутись...

...В редакции мелькают коллеги из «Фрунзевца»⁶, – ищут Толика. Увы!

...Дома все простужены насковзь.

...День кончается – сырой, плаксивый и безотрадный. Сумрак без проблеска. Тоска без утешения. Но он все-таки прошел...

День второй. Март, тринадцатое число. Солнце сияет безмятежно и ласково, пытаюсь компенсировать отсутствие шефа. Но все ли солнцу по плечу?

На улицах шевеленье. Садовники редактируют непомерно разросшиеся кусты. Нам бы их смелость!

...Где-то ныне рисуется Ваш сасанидский профиль? Москвички внутренне ахают: «Откуда он – такой?» Из Ташкента, милостивые государыни. Вот так-то!

...Нина болеет. Женя принял скипетр и державу, плюс к тому составляет списки на мясо.

...Именно сегодня по Пушкинской прошлась первая девица без чулок, и ее по-зимнему белые ноги бросали вызов благоразумию прохожих... Весна!

День третий. Март, четырнадцатое число. Зима берет плаксивый реванш. Свиночный колорит (Моне или Мане?)

«Поплачь, поплачь – смотри, как небо плачет...»

Зато мерлушкой курчавится трава... И босс уже не так вздыхает о «Джейхуне»: «Есть хорошие главы».

Нина болеет. Как я ее понимаю!

А дома все доченьки хворают...

¹ Гребенюк Михаил Кириллович. Род. в 1924 г. Писатель. Переводчик. Работал в редакциях газет «На посту», «Правда Востока», в журнале «Звезда Востока». Первые произведения, появившиеся в печати в конце 50-х годов XX века, составили книгу «Машина пугает след». Автор книг «На участке неспокойно», «Дважды разыскиваемые», «Парадокс времени», «Вестник далекой катастрофы», «Обжалованию не подлежит» и т. д. В 90-е годы издавал малопопулярный альманах «Сыщики и роботы». Основные темы книг – будни милиции и фантастика.

² Владимир Георгиевич Петрович. Род. в 1914 г. Писатель. Доктор филологических наук. Профессор. Автор многих книг и монографий. Долгое время (с 1945 г.) заведовал кафедрой русской литературы ТашГУ (ныне – НУУз), одновременно был деканом филологического факультета. С 1968 по 1981 – главный редактор журнала «Звезда Востока».

³ «Джейхун» – революционно-исторический роман ташкентского писателя Михаила Ивановича Шехеридана.

⁴ Ершов Анатолий Андреевич. Род. в 1932 году в Нарве (Эстония). Писатель. Сценарист. Журналист. Окончил Таллинский политехнический институт. Заведовал отделом публицистики в журнале «Звезда Востока». Автор книг: «Будущее дает интервью» (1971), «Солнце служит человеку» (1972), «Пять шагов к тайне» (1976), «О чем молчат горы» (1977), «Грани поиска» (1980). Публиковался в журналах «Знамя», «Вокруг света», «Знание-сила», «Наука и жизнь», «Радуга», «Шарк Юлдузи», «Йилдыз» («Звезда»), «Фан ва турмуш» («Наука и техника»). По его сценариям сняты научно-популярные фильмы «Зеленое молоко», «Сель, остановись!», «Ледник Абрамова», «Шедры поля», «Дары Узбекистана».

⁵ Бендер Альфред Рудольфович (лит. псевдоним – Эдуард Арбенюв). Род. в 1913 г. Писатель. Сценарист. Автор нескольких книг на «молодежную» тему, книг о работе чекистов, а также «романа-разоблачения» – «В шесть тридцать по токйскому времени» (совместно с М. Письмаником). Большую известность ему принесли романы «Феникс» и «Берлинское кольцо». По первой книге из этой серии режиссером Равилем Батыровым был снят фильм «В 26-го не стрелять!».

⁶ Газета бывшего Туркестанского Военного округа, издаваемая в Ташкенте.

Опять со мной моя тоска.

Тоска – что дуло у виска.

День четвертый. Март, пятнадцатое число. Серый цвет неба сравним разве что со средним уровнем каракалпакской поэзии, а упорство дождя – с характером ее переводчика А. Каныкина.

...Сетка дождя прошита белыми стежками снежинок.

День пятый. Март, шестнадцатое число.

«И опять скитания // Ради пропитания, // Тут уж не до маслениц, // Коль в столице масла нет!»

...Сколько поучительного видишь на улицах! Какие лозунги на тылах авто! Если бы перенять опыт! Повесить табличку перед кабинетом редактора – «Проверь тормоза!». И – для графоманов – ласковый призыв: «Устал – отдохни...».

День шестой. Март семнадцатое число, – если верить календарям. А если глазам? Метелица, метелица летит наискосок...

Ничего себе весна! И не с кого спросить за нарушение графика – у природы нет ответственного секретаря...

Все расхлюпано, расхлюстано. Из-под колес – гейзеры снежной каши. В такой день могут развеселить лишь откровения графоманов. Одна авторша пишет: «Как правило, девушки любят высоких, красивых и пустозвонов».

Анекдот за чаем:

– Икра черная есть?

– На подвое.

– Балык?

– Уже выслали.

– А что есть?

– Камбала.

– Так что, эта падла одноглазая, своим ходом приползла?

...Снег в марте! Принимаю только как привет от шефа из холодных краев: снежный до нежности... нежный до снежности.

...Нынче встреча титанов. Г. П. едет к М. Ш. толковать насчет «Джейхуна»...

Глава девятая

АНАТОЛИЙ БАУЭР В ОТЬЕЗДЕ

Все бы ничего, да только в натуре Зои Тумановой существовала простодушная необходимость игры. Не той, не официальной, что обволакивала нас в те неплохие, но насквозь изоглавшиеся годы нашей прежней, слишком часто лицемерной жизни, но – совершенно другой. Настоящей, талантливой.

А игра, всегда склонной к ней писательницы Зои Тумановой, легко превращалась в светлое подобие искренней жизни. Не зря же она то и дело бралась за писание фантастики. Но это у Ивана Ефремова и братьев Стругацких существовал обаятельно социальный, совсем не фантастический, подтекст. Корни же ее воображения взращены на гуманистическом, вне всякой политики и подтекста, некогда явленном добре.

У нее чистая фантастика – как невероятный, но всего лишь случай – в самых удачных повестях и рассказах появляется только для того, чтобы она, использовав искусственную фабулу, смогла бы сказать о человеке что-нибудь доброе.

Сказать, поиграв. Чтобы самой же поверить в сочиненное неправдоподобие...

«Дневник» тоже должен был стать такою сочиненной игрой, но тоже вдруг изменил самому себе, своей ироничной отчетной функции и тихо перерос во что-то по-иному живое, во что-то до боли искреннее. С ним произошло то, что почти никогда не происходило с ее книгами, которых издано более десятка.¹

Кто вспомнит?

Ежедневная жизнь провинциальной журнальной редакции, конечно же, существующая в «Дневнике», поскольку постоянно и заданно выталкивалась ею на поверхность, на первый план, первым планом как раз и не стала. Варуг, будто вытаяв из-под снега, обнаружилось нечто другое. Обнаружилась живая одинокая женщина, получившая, наконец, возможность сказать то, что прежде практически никому не говорилось. Редкая возможность писать не для чего-то, а просто потому, что можно и хочется писать, сделала свое настоящее дело: в этом своем одиноком разговоре, хотя, как бы и с Бауэром, именно с ним, реальным, разговором теперь не происходило. Отдаляясь от писателя Тумановой, писатель Бауэр медленно покрывался густою патиной романтического флера. Незаметно

¹ Зоя Туманова автор книг: «Ласточка», «Факел на ветру», «Собеседники», «Сердечников ключ», «Сочинение на свободную тему», «Розы в ноябре», «Ковер весны», «Бактрийский горизонт», «Ордер на мир», «Травы голубые», «Крупица истины», «Кумуш-Тау – алые снега», «Тайна каменной книги», «Веточка из каменного сада»...

исчезнув под ее берлинской лазурью, он превратился для Тумановой в некую как будто даже икону, перед которой и поисповедываться не грех, и душевно открыться не страшно, и уж обо всем стороннем, мучающем, без смущения можно попробовать рассказать.

Она вновь не смогла просто играть. В шутовом тексте она осталась несчастно серьезной, решившейся на скрытую исповедь, в надежде, что после этого станет полегче жить.

Возможно, она сама не предполагала, что все вот так обернется. Хотя, конечно же, знала, что только писатель, пишущий с честным заглядом лишь в самого себя, а не в государственные и эстетические регламенты, останется писателем и для других. Пишущий же для других, останется лишь писателем для себя (сто крат повторяемая банальность). Впрочем, потому и банальность, что ей вновь и вновь неоспоримо суждено подтверждаться.

Так случится, хотя так не задумывалось. Купив блокнот со стилизованным рисунком на обложке, – древнеегипетский писец ведет свою летопись – на первой его белой странице Зоя Туманова записала:

«Меня вдохновила обложка. Я взглянула на нее и сказала себе: «Да, это он!

Он – в одеянии, наиболее полно выражающем его божественную сущность!

Он – побритый, дабы сумрак бороды не посмел скрыть сияние лица!

Он – с шариковой ручкой сувенирного артикула, занесенной над нашими судьбами!

Вверху справа – мы, заводы, вершащие волю его. Внизу справа – легконогий гонец Сережа, готовый по первому зову ринуться в типографию. Вокруг него – благоухают лотосы и шелестят папирусы. Клеточки, попираемые его ногами, когда-нибудь вместят в себя имена и числа, – то будущая Ведомость с ее таинственными и вечно волнующими скрижалями!

Изображение подсказало мне: это его тетрадь! И да будут в ней день за днем освещены недели его Царственного отсутствия! Амины!»

Глава восьмая

ДНЕВНИК ЗОИ ТУМАНОВОЙ (продолжение)

День седьмой. Март, восемнадцатое число. В Секретариате тихо, как в церкви. Мадонна Нина сидит за столом, читая детектив. Женя, похожий со своей прической гребешком на хохлатого жаворонка, – напротив, на диване, бурявая ее глазами...

А потом вскакивает:

– Зоя Александровна, сегодня в 4 редактор собирает Вас, Бендера, Соню и Ольгу Куприянову по поводу «Джейхуна».

Страхи и предчувствия. Да минет меня чаша сия! Минула... Расхлебывать кашу, заваренную в этой чаше, предстоит Инне Викторовне и Соне. О. К. тоже обижена – ей вроде бы не доверили... Впереди еще многие недовольства – редакторов, автора и читателя!

Напирают юбиляры. Саид Ахмад, Адхам Рахмат... Все они не рахат-лукум...

Теплеет. Все же – весна! Чаше сыплются комплименты – и не только от людей пишущих. Как пишет один мой автор, «Я старый матрос и знаю, чем пахнет фугас!»

День восьмой. Март, девятнадцатое число. Солнце берет реванш. Тепло нежное, весеннее – чуточку возмещающее отсутствие тепла человеческого...

В редакции пустош. Кто любит болеть – болеет.

А у меня был литовец! Весь на молниях, как бог Один. И поэт из Нукуса, с бородачкой, шикарный, как ленинградец. Также ответственный секретарь – видимо, должность обязывает.

День девятый. Март, двадцатое число. Солнце сквозь тучи – перламутровый цвет. Цветет пастушья сумка, а одуванчик еще воздерживается. Зеленые штучки пресекают землю.

У Галины новый поклонник, влюбившийся в ее портрет в «Молодости». ¹ Но каков сам! (Прислал фото). Такие платят калым баранами.

День десятый. Март, двадцать первое. Художник с нами – есть слух, что видел вас. Но приветов лично мне не... звез – если они и были...

Говорят, в той далеко стране

Девы Львовщины блеском

своей красоты

Покоряют сердца...

Обо мне

В той стране, гордый шеф,

вспоминаешь ли ты?

...Ах, какое классическое собрание! Насчет оригинал-макета, читки корректорами рукописей и т. п. Замред не пробил «стенку», выстроенную корреспондентами. Босс велел разбираться в рабочем порядке.

День одиннадцатый. Март, двадцать второе. Весна побеждает зиму! У меня большой творческий день – стирка.

¹ Литературный альманах, выходивший в Ташкенте в 1977–1988 гг.

День двенадцатый. Март, двадцать третье. Цветут ветроопыляемые. Коричневые бархатные «гусеницы» берез, подвески с хризолитами на кленах, черные скипетры ясеней, стекляннно-серебряные барашки вербы.

Некоторые уже ходят «раздевшись».

На базаре в цветочном ряду гудение пчел. Урюк уже подумывает извести.

День тринадцатый. Март, двадцать четвертое. Событий навалом. Выступали с А. М. И. «вместях». Поговорили о шефе. Всякий, кто относится к нему восторженно, может расчитать на мое взаимопонимание по данному вопросу.

Вечером я впервые в жизни почувствовала себя знаменитостью. Ибо наряду с другими приветствовала команду «Пахтакор» на встрече, организованной телевидением, с последующим (2-го апреля) выходом в эфир.

А другие были юные циркачи: Юнус Тураев, Рано Шарипова, Лариса Кайдалова, Геннадий Красницкий, не говоря уже о лицах официальных...

Двадцать пятое – тридцатое марта.

Болела, а об этом писать скучно.

День двадцатый. Тридцать первое марта.

Возвращение на круги своя. У Миши, не ожидавшего меня, сидели две курящие девы.

Зина назвала Женю «главным мясником» за составление списков на мясо. Он был шокирован.

На Вас катится телега. Будто бы вы забыли включить Вали Гафурова в план верстки. Будто бы босс гневался. Что ж, время работает на нас – он успеет перекипеть.

Заседание редколлегии «Молодости». Тартаковский¹ хвалил стихи Галки – мед на материнское сердце.

Сады цветут. Небеса свинцовы. Железная вешалка бьет током. Все это кончилось ветром, дождем и громом подобным разносам Г. П.

Альфред Рудольфович на крайнем взводе обиды – похоже, что юбиляр Назир Сафаров не очень-то помнил о своем Пигмалионе...

Отправила Вам письмоце!

День двадцать первый. Первое апреля.

Грустно его начинать, когда моросит дождь, смывая пыльцу с нежного цветенья садов. У детей кончились каникулы. Предстоит идти к врачу насчет «выдирки зуба» и нет в активе хотя бы светлой улыбки шефа!

...На работе: появилась Валя. М. К. Г. закончил огромный роман о народном контроле (соавтор).

Зубодер почему-то решил отложить казнь египетскую. Я не настаивала...

Сыро, зелено, бело, розово...

Поглядели бы Вы – на фоне серых стен старого костела (у Салара) – черные ветви и смутно-розовое облако цветов старой урючины... И одуванчики в траве. И горлинки, воркуя, словно расплескивают небо.

День двадцать второй. Второе апреля.

Сын делает примечания к телепрограмме «Чему учат в ПТУ» – О хулиганстве.

«Семь стариков и одна девушка» – «Не Сусанна».

«Бокс. Соревнования на приз Министерства просвещения» – Приз «Большой фонарь».

Юмористы всегда мрачный народ!

В редакции сенсация: обе машинистки сразу!

Мы с замредом планируем и перепланируем, подсчитываем и пересчитываем. Места от этого не прибавляется.

Зарплату выдают. За Вас расписался Женя.

Вечером взидала на себя, вешающую с экрана. На фоне Геннадия Красницкого – довольно интеллектуальная дама.

На детей школа обрушила все свои претензии. Тимур² растерян перед бездной премудрости. Галина беспечно машет ручкой с багряными коготками. Я страдаю за обоих.

«Не меня весна зовет, // Обещая праздник лета. // Все теснее круг забот, // Все темнее час рассвета».

¹Тартаковский Петр Иосифович. Род. в 1926 году в г. Бердичеве (Украина). Писатель. Критик. Работал старшим научным сотрудником Института языка и литературы АН УзССР. В 1980 году в Институте мировой литературы им. М. Горького АН бывшего СССР защитил свою монографию «Русская советская поэзия 20-х – начала 30-х годов и художественное наследие народов Востока» в качестве докторской диссертации. Автор книг «Дмитрий Кедрин» (1963), «Русская поэзия и Восток. 1800–1950» (1974), «Поэзия пустыни и весны» (1974), «В поисках главного» (1978), «Свет вечерний шафранного края... Средняя Азия в жизни и творчестве Есенина» (1981). Участвовал в составлении двухтомника «Очерки истории русской литературы в Узбекистане» (1967, 1971), коллективных монографий «Средняя Азия в творчестве русских писателей (1977), «Творчество русских писателей Узбекистана» (1982).

²Тимур – сын Зои Тумановой.

День двадцать третий. Третье апреля.

И снова поездка в дальние края за маслом, а дорога рождает стихи – совсем не о масле...
 «Клен в сережках стоит, // словно девочка, светловолосый. // Белой пеной молочной – // кипень садов через край. // И дорога течет, и ко мне // приплывают вопросы, // Обгоняя друг друга, – // Но это совсем не игра. // Ловит каждая капля // тот луч, что ей больше по нраву. // Самоцветная россыпь – // траву прошивает роса. // Почему для тебя // в красоте притаилась отравка? // Почему не тебе // эти птички поют голоса? // Миллионам доступно // простое житейское счастье: // Добрый дом, где усталых // покоят согласие и лад. // Почему ты над главным // над самым важным не властен? // Эти нежные цепи // себя разорвать не велят... // За душою – пятак; умудриться // ребром его ставить! // За известностью – слава, // успех и прибыток в дому... // Всем богатствам души // ты себя не умеешь прославить, // И раскрыты они // лишь немногим, – скажи, почему? // Ты за тысячи верст, // почему же ты мой собеседник? // Ты участник незримый // цветенья, травы и лучей. // Ты надежда и обид, // и нечаянных строчек наследник; // И не нужно вопросов – // каких, почему и зачем...»

День двадцать четвертый. Четвертое апреля.

Все цветет: и желтое, и белое, и смуглое, и сиреневое... И сквозь серое уже продергивается зеленая ниточка...

О. К., ввиду весны, купила новый комплект из бирюзы цвета спокойного моря.

Подхалимствующие авторы засыпают меня гиацинтами.

Летучка была – и влачилась, как тянучка. Обсуждались планы. Босс сражался с Ершовым и Савицким¹. Результат – боевая ничья.

А. Р. был зол и введлив. Но до моих отделов не добрался.

Женя, безответственно сидевший у двери, был, по мановению босса, пересажен на Ваше место. Нет, не место красит человека!

Вечером «Бенефис» Т. Дорониной. Авторы думали о чем угодно, только не о социалистическом реализме. Веляло мистикой. Амурчик был нагл, как Шевурдин – вслух.

Глава седьмая**ВДРУГ ВСПОМНИЛСЯ МИР, ГДЕ КОГДА-ТО ЖИЛИ МЕТАФОРЫ**

Всякий дневник – нечто вроде зеркала заднего вида все в той же, неутомимо ползушей из никуда в никуда, машине времени. Можно и прожитое-пережитое, упорно назад отплывающее прошально еще разглядеть, можно и себя в этом прошлом-пережитом впрямельк вдруг увидеть. А увидев, пусть подсознательно, но обязательно сравнить с собой в нынешнем своем проживании.

Писатель Бауэр, все еще обретающийся где-то во внешнем собственном путешествии, как многое на отдалении тихо превращался в милую ирреальность, становился образом и метафорой самого себя. Для нее.

Она же все больше, все чаще в том самом зеркале заднего вида неудивленно разглядывала и собственное отражение, убеждаясь, что еще не вся она в прошлом. Хотя...

«Прощание с женским. // Летящие ткани, // И молнии синь, что в кольце проблистала, – // Все то, что казалось недавно желанным, // Уже запоздало, // уже не пристало... // Тростинка моя, для тебя отказаться! // Тростинка моя, для тебя отступить! // Те взгляды, которых уже не дождаться, // Те речи, которых уже не добиться... // Ты юность, ты радость, которой нет равных, // Ты юность, и мир тебе – только подарок. // В бегах за уютом, достатком и славой // Себя я теряла – быть может, не даром? // Тебе – дать свободу от вязкой заботы, // Жила б только радостью – сердцем и мыслью! // ...Что нынче решилось? // Печальное что-то. // Прощание с женским. // Прощание с жизнью?»²

Две невысказанные, до конца нерелизмованные энергии – поэтическая и женская – снова и снова давали о себе знать. Не внутриредакционные дни жизни, а вольные, будто и не к месту, ее – подчас неожиданными стихами – отступления в «Дневнике», точно так же, оттаяв, и тесня одна другую, и сливаясь в нераздельное целое, вырвавшись из небытия, обнаруживали себя на блокнотных страницах. Не многоопытный заведующий отделом прозы, или даже поэзии, писал это. А просто – здесь снова поэт Зоя Туманова.

Та самая Зоя Туманова, которая впервые опубликовала подборку стихов еще в 1948 году. Та самая Зоя Туманова, на отсутствие которой в декадные Дни литературного Узбекистана с застойными, награждениями, чествованиями и столичной неснисходительной критикой, проходившие в Москве в 1959 году, уже осторожно обратили внимание знатоки поэзии.

– Кстати, я не понимаю, ...почему среди имен переводчиков нет Зои Тумановой? – сетовал, вопрошая узбекскую делегацию, поэт Яков Аким. – Ведь она сама интересно пишет для детей и находится рядом с вами, в Узбекистане...

¹ Геннадий Савицкий. Писатель. Журналист.

² Из личного архива писателя А. Бауэра. Помечено – «21 мая 1980 г.»

Здесь говорили о том, что книжка «В зоопарке» (вышедшая в Узбекистане) слаба.

– Это видно и невооруженным глазом, – критиковал коллег писатель Юрий Яковлев. – Но как писать иначе? Это очень хорошо показала Зоя Туманова, новая одаренная поэтесса. Вот, например, стихотворение «Черепаха» в этой книжке и стихотворение «Черепаха», ...принадлежащее перу Зои Тумановой (из книжки другой). Посмотрите, как одна и та же тема решается по-разному. В одном случае – это художественный образ, в другом – справочные материалы о том, где черепаха живет, чем питается...¹

Впрочем, немногие были удивлены таким риторическим вопрошением. Кто бы послал несерьезную девчонку туда, где (как всегда и повсюду!) и не всякому писателю-генералу доверялось представлять. Что с того, что он – лишь мыльный пузырь от литературы? Зато официально назначен писателем, зато и пишет (сам ли, или не сам – неважно) по-официальному, по-государственному, как положено.

Он – серьезен. А она... Что такое она? Сплошь несолидность:

«Мы нашли в траве весной // Круглый домик костяной. // Черепаха здесь живет, // Где же выхода, где же входа? // Нет ни окон, ни дверей! // Мы стучали в крышу ей, // Но ни звука нам в ответ! // Ее, быть может, дома нет?»

В этом почти пустяке, с которым она тоже давным-давно начинала, действительно видны и талант, и образ, и твердость делающей свое дело руки.

Но это прежде она писала так – серьезно. Зато и получалось весело. Позже что-то произошло – она все больше и больше стала писать несерьезного. Но теперь получалось невесело.

Как-то у нее появилась книжка «Китайской классической поэзии» (потом подаренная А. Бауэру). Там были переводы Ахматовой и многих других малоизвестных поэтов. Но Зоя Туманова, прочитав ее всю, словно бы прошла мимо Анны Андреевны, говорящей в книге языком Ли Шань-иня, прошла, как не заметила. Зато остановилась на стихах Чжан Цзе в переводах другого, ей незнакомого человека – А. Меньшикова. Она даже иронически попыталась их повторить в своем подражании китайскому поэту, сделав для все того же Бауэра, некий свой поэтический римейк. Возможно, хотела проверить себя, – сможет ли еще?

«Как ветер, переменна мода. // Ускорен бег часов и дней. // Из рук мы рвем новинку года, // А эта книга – что нам в ней? // Различны времена и страны. // Кто жизнь далекую постиг? //...Эпитет дик. // Сравнения странны. // И слуха не ласкает стих. // За что ему такая участь? // Ведь свято наше ремесло! // Но приглядишься – проступит сущность. // В неожиданных сочетаньях слов. // И те же страхи, те же страсти, // Что живы ныне, как тогда, // Боль невозможности – и счастья // Неугасимая звезда, // И юность – средоточье зноя, // Старости внезапный снег... // И век, и слог, и все – иное, // А суть все та же – ч е л о в е к»².

Еще раз смогла... Но это опять были как бы несерьезные ее стихи. И опять получилось невесело.

С поэтом Чжан Цзе, вернее с А. Меньшиковым, такая штука была возможна.

Но мимо Ахматовой она все-таки прошла... Не тронул. Ни весело, ни серьезно, ни иронически. Никак.

Это имя всю ее жизнь для нее было охраняющим талисманом. Перед другими. От других.

Охранил ли он ее от себя самой. Вернее, охранил ли ее стихи от вокруг прославляемой всеми жизни? Пожалуй, что не смог.

А тут еще сила Востока, Азии, существующая в радужной яркости. Яркость же отвращает. И не всякому уберечься. Здесь не случается полутонков, как в России. И в своей прозе Зоя Туманова не могла не балансировать между чистой русскоязычной текстом (особенно занимаясь многочисленными переводами) и восточными арабесками, которые время от времени все-таки умудрялись раскрасить текст. И тогда всякий обыденный случай, интересный именно этой творчески отраженной и преобразенной обыденностью, в миг превращался в пеструю притчу с восточной же многозначительностью на пустом месте. Не притча и уже не рассказ, но опять – неудача³. Азия и Европа трудно смешиваются и в литературе. Киплинг предугадал, зная. Смешение стилей – не для русской литературы, существующей и на Востоке. Лучше уж стилизация...

Как в тех же стихах под Чжан Цзе.

Глава шестая

ДНЕВНИК ЗОИ ТУМАНОВОЙ (продолжение)

Пятое апреля. День двадцать пятый. – домашний, уборочный, скучный. Дождь ликовал, и гроза подмигивала.

¹ Из выступления в дни (14–24 февраля 1959 г.) Декады искусства и литературы Узбекистана в Москве. Стенографический отчет. «Школа мастерства». Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент. 1960.

² «Надпись на книге». Из личного архива писателя А. Бауэра.

³ См. например: яркое подтверждение тому в рассказе «Теке-Кудук» из сборника «Кумуш-Тай – алые снега». Рассказы. Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент. 1964.

Шестое апреля. День двадцать шестой.

Говорят, что – Воистину Воскрес! По этому поводу – ликование весны. Вечером запахи молодой зелени, сережеж ивы, с легким привкусом меда. Всюду золотые взрывы дрока, и краснотеленный кок-султан с бледно-розовыми цветами, вишня, черешня – в бутонах...

Сельное апреля. День двадцать седьмой.

Погода ведет себя по-божески: ночами грохочут ливни, к утру проясняется – город встает промытый и свежий; еще нет листьев, но уже зелено светят сады и скверы. У кленов удлинились сережки – стоят зеленоволосыми русалками. Расцвела черешня. Персик розовеет. Японская айва в цвету. И всего этого Вам не видать...

Сегодня ездила с Саидой выступать в ее институте. Ура! Опять было с кем потолковать о Вас... Увы! Как мало Вы мне поведали о себе, друг мой... Приходится добирать у людей по крупинкам... золота истины, разумеется...

Сайнька-зайнька была очень мила, поила чаем с конфетами. Младшая девчоночка забавна: глаз много, а носика почти нет...

Босс мелькнул, как метеор, – умчался на большое идеологическое совещание. Бендеру не досталось мяса – забыли о замреде. По этому поводу он отказался печатать меня, Красильникова и прочих. Хочет новых имен.

Горькая весть – помер переводчик Мирзият – пятидесяти лет. И осталась у нас коктейльская фотография: он, его сын и двое моих на фоне голубой ели – два с половиной года назад...

Сегодня в троллейбусе некий гражданин популярно объяснял, почему рано погиб «Аешка Пушкин» – «...очень баб любил»...

...Вечер со смутно белеющим небом, веянье сырости и моря цветов, невидимых во тьме... И вдруг разражается ветер, бросает капли в стекло, пробует мир на прочность... И даже подвывает жутковато – мир плавающий и путешествующий!

Восьмое апреля. День двадцать восьмой – и опять сырой, пересыпанный дождиком и разнобразно цветущий: расцвел желтый барбарис, бледные ирисы на Гоголевском бульваре.

Все больше число голоногих женщин. Все реже мелькает босс.

Девятое апреля. День двадцать девятый.

Начался «Круглый стол» – за всех нас отдувался босс и Геронимус.

По лестницам ходят знаменитости.

Наши взаимоотношения с типографией на уровне катастрофы. Два последних листа не берут из-за авторской правки. А. Р. велел швырнуть их на стол кому-то там и убежать. Так и сделали.

Корректурка, скрежеща зубами, читает оригиналы.

Ночью на западной стороне неба светит до неприличия крупная звезда.

Десятое апреля. День тридцатый.

Юбилей! Месяц без шефа!

Послала Люде¹ записочку по почте, зову к себе.

На «Круглом столе» были вспышки национализма и дискредитации поэтов – билингвистов. Ругали Раима² – но он отбил. А Г.П. (совсем) отбил националистические выпады.

Уже совсем тепло. Персики, черешня, вишня в полном цвету.

Во время очередной деловой хозяйственной поездки опять что-то сочинилось.

«Все торопливее восход, // И каждый день с обновой. // На вашей улице цветет // Лиловое-лиловое. // Успели своды возвести // Чинары вместе с кленами – // И так приятно шестистит // Зеленое-зеленое. // Опять поют арыки в лад – // Поэзии истоками. // (Как будто строки возвратят // Далекое-далекое) // Опять синицею в руках – // Надежды обретение. //...Плывешь в медовых облаках // Цветения... цветения. // И белый свет, и алый цвет // Слагают дня сиятельство. // А, между прочим, вас все нет – // Такое обстоятельство»

«Литературка» потявкала на нас – устами Тюрикова³ – видно, в благодарности за «Берега Дуная». Как говорится, свет не без добрых людей.

Одиннадцатое апреля. День тридцать первый.

Мухаммеджан возил нас с бабушкой на кладбище к Рауфу. Ему исполнилось бы 57 лет...

Хорошо на кладбище, тихо и умиротворенно. Зато в мире живых – суета...

¹ Люда – жена Анатолия Бауэра.

² Фархад Раим Хакимович. Поэт, сценарист. Переводчик. Родился в 1942 году в Самарканде. Окончил Самаркандский медицинский институт (1965) и Высшие литературные курсы при Союзе писателей бывшего СССР (1973). Работал врачом. Преподавал историю медицины. Позже – заведующий отделом поэзии, заместитель главного редактора журнала «Звезда Востока», заместитель главного редактора издательства имени Гафура Гуляма и пр. Печатается с 1961 года.

³ Тюриков Владимир Иванович. Писатель. Журналист. Переводчик. Род. в 1925 г. Окончил факультет журналистики ТашГУ (ныне – НУУЗ). Работал собственным корреспондентом «Пионерской правды» и позже «Литературной газеты» в Средине Азии. Был редактором газет «Пионер Востока», «Комсомолец Узбекистана», заместителем редактора газет «Вечерний Ташкент» и «Тошкент-ошмоми». Автор многочисленных книг для детей, а также «Летописи полувека» – хроники культурной жизни Узбекистана с 1924 по 1974 годы.

Глава пятая РАУФ И ГАЛИНА

Ее муж Рауф Галимов болел современностью. Смертельная это болезнь. Особенно для писателя и поэта. Рауф Галимов и умер-то от нее, а не от жестоких собственных недугов, к концу его жизни скрутивших тело так, что ему невозможно было не то что просто ходить, двигаться, но и недвижно сидеть.

Да и лежать было тяжело.

Смотреть на темную кожу его впалых щек было мучительно, но еще мучительнее было понимать, что его книгам в будущем предстоит жить не легче, чем ему самому сейчас. Книги принялись умирать еще при жизни смертельно больного автора.

Но как их хвалили!

Воспитанный окружающим временем, он с первого же изданного сборника стихов стал хоруговью литературного чиновничества, почти воплощенной мечтой Правления Союза писателей СССР, готовым пунктом к отчетности перед партией и правительством: у нас есть поэт, пишущий то, что надо, так, как надо, и о том, о чем надо – о гегемоне, о рабочем классе.

«Разоблачая мнимую “аполитичность” буржуазного ученого, занятого, казалось, лишь проблемами “чистой науки”, поэт обращается к нему с “вопросом по существу”», – вот так говорили они о поэте Галимове.

И вот такое из него цитировали:

«Ваш лоб, профессор, лаврами увенчан, // вы семьянин – и взгляда нет добрей! // А что вот нужно этому – // во френче, – // который караулит у дверей, // который смотрит в шелку // или в дырку, // обыскивает души и умы // и шурится на тонкую пробирку // с культурой доморощенной чумы! // Мы строим жизнь, // стоим за дело мира, – // и пусть кричат “о происках Москвы” – // мне хочется к вам постучать в квартиру // и справиться у вас: // – А вы?!»¹

Упомнутый френч, понятно, отрицательный.

Другой же – подразумеваемый – френч, историй вряд ли отличаемый от первого, столь же понятно, оставался предельно положительным:

«Когда в кипашем, яром смерче стали // с врагом решали вековой спор, // мы с именем твоим, товарищ Сталин, // прошли от Волги до Карпатских гор»².

В те же декадные Дни серьезный оратор М. Никитин, длинно пересказывая фабулу рассказа Рауфа Галимова, покорившего его как читателя не замечал, что озвучивает совсем уж нечто пародийное:

«Окончив ремесленное училище, девушка Женечка приходит на завод. Ее ставят на токарно-револьверный станок. Со станком такой системы Женечка не имела возможности освоиться в училище, вследствие этого она работает дурно и выполняет план лишь на 75%. Показатели Женечкиной работы сказываются на общебригадных показателях. Бригада лишается премии, это обстоятельство вызывает у бригадира Коли Бунчука беспредельное раздражение. Он считает Женечку белоручкой и “кисейной барышней”. Премия нужна Коле не только как подтверждение отличной работы бригады, но и как дополнение к заработку. Дело ведь в том, что бригадир Коля Бунчук – единственный кормилец семьи. Полагая, что Женечка из-за лености работает плохо, Бунчук не может не злиться на нее: малоуспешная работа “кисейной барышни” отражается на жизни Колиных малолетних братишек и сестренек, потому что, не получив премии, Коля должен наводить экономию в семейном своем хозяйстве.

Недоразумение между Колей и Женечкой длится до тех пор, пока случай не свел их на реке. Женечка спасает тонущего бригадира, предварительно оглушив его довольно-таки крепким ударом. Коля воочию видит, что в Женечке ничего нет от “кисейной барышни”. Разумеется, все это выясняется уже на берегу, когда бригадир приходит в себя. Автор ставит здесь последнюю точку. Но за точкой видна уже дружба, а может быть и любовь, которая свяжет Колю и Женечку»³.

Естественно, что во всяком пересказе и «Анна Каренина» выглядит пародийно. Но здесь-то пересказ абсолютно восторженный, – вот, мол, каким обязано быть настоящее творчество... Впрочем, и этот вывод можно было бы оспорить, если бы говорящие с таким восторгом о поэте и прозаике Галимове, должно быть, не захватили, останавливались и на его как бы ошибках. И, удивительно, они обнаруживали в его текстах как раз то настоящее, что робко-робко проглядывало сквозь социальный заказ. То, в чем был истинный образ и нечто поэтически-провидческое, что всегда существует в поэте и что – вдруг! – прорывается оговоркой «по Фрейду», допустим, в бравурно-плакатных стихах о солдатах-освободителях:

«Да, мы пришли сюда как чужестранцы. // Но мы уйдем // друзьями // в Брянск и Курск. //

¹ Из рецензии Р. Ниновой на сборник поэта Рауфа Галимова «Юность сверстника». Стихи. УзГИЗ 1950 г.

² Там же.

³ Из выступления в дни Декады искусства и литературы Узбекистана в Москве (14–24 февраля 1959 г.). Стенографический отчет. «Школа мастерства». Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент. 1960.

Мы «Краткий курс» несли в походных ранцах, // чтоб прочитать вам Мира полный курс».

Но вот что тотчас замечается критиком, что напрягает его – первая строка. И он, тревожась, пишет тогда такое: «...первая строка этого четверостишья режет слух, как фальшивая нота в слаженном оркестре»¹.

Заткнувший идеологической ватой социальные уши, он совсем не замечает общей неопознанный стихотворения, но зато нутром своим чувствует: здесь поэт, действительно, сказал что-то не то, как-то пророчески проговорился...

Или вот еще одна струйка живого поэтического тела, просочившегося сквозь строение из принимаемых слов словами непринятыми:

«Мы идем пятый день... // Мы идем пятую ночь... // Чем ногами месить песок, // легче воду в ступе толочь! // ... // Мы мечтаем о твердой земле, // где можно сутки прожить, // где можно палатку поднять // и по кругу колышки вбить...»².

И сразу же – официально ответное: «...написано в дурной литературной манере, с явным нажимом на экзотику»...

А ведь опять верно... Не доглядел. Не смог до конца себя уничтожить поэт Рауф Галимов. Живое в нем – сопротивлялось, истекало теплом настоящего. Вот и в приведенных строках – едва ли не Киплинг:

«День-ночь-день-ночь – мы идем по Африке, // День-ночь-день-ночь – все по той же Африке // (Пыль-пыль-пыль-пыль – от шагающих // сапог!) – // Отпуска нет на войне!»³

Узнаваемость не повтора, но созвучия. Живого, бесцензурного ощущения мира. А потому, – ату его снова: не доглядел сейчас, так дальше доглядывай.

И он, Рауф Галимов, доглядывал...

Самую большую свою вещь – роман «Лев не возвращается по следу» он опять посвящает рабочему классу. Он просто не мог не судить о литературе, как «...о политической экономии» (где-то у Пушкина есть это выражение), поскольку так судили тогда все, за исключением отдельных Пастернаков.

Он делал это искренне, но впустую, убежденно не понимая, что никогда этот класс никакой властью не обладал, что она всегда всего лишь – некий клуб по интересам, где господствует безапелляционность чьей-то идеи и ничто больше. То есть это пространство, где всегда субъективному – писателю или художнику делать нечего.

Поверившее поколение сделалось потерянными, хотя и в противоположном смысле, а не в том, который вкладывала в данное определение знаменитая Гертруда Стайн: первые, в отличие от вторых, были востребованы властью и этим себя убили.

Не оправдываются, даже морально, исторические и литературные ошибки, пусть и совершенные из противоположных побуждений: из благодушной и биологической веры в свою ли, в чужую ли правоту, или же из корыстного неверия в нее – ни в свою, ни в чужую. Во всех случаях это историческое и литературное самозубительство, которое одинаково грешно для всех, его совершивших. Повод не важен: и того, и другого положено хоронить одинаково – за пределами кладбищенской ограды, без отпевания.

Жаль, только что поделаешь.

Спасительно ли приходящее понимание, что, в сущности, не они виноваты, но их искusstели – полуправдою, неправдою, обманом изуродовавшие творческие души тех, у кого они были, и совсем повывушившие их у тех, у кого они – без сопротивления – легко вынимались.

Но поэт – пророк не только по отношению к окружающим и окружающему. В первую очередь он пророческий самому себе. И Рауф Галимов, можно быть уверенным, был способен предвидеть свое будущее. Будущее, где текстам разовой, на злобу дня, современности нет места, поскольку это будущее всегда заполняется новым потоком подобострастных авторов, пишущих на свою злобу дня: о своей, всегда исчезающей в никуда, современности... Галимов был несвободен в выборе, зато привлекал тех, кто жил противоположно. Кто писал не о времени, а о себе. Тем самым – через себя – сохраняя это современное ему время на более долгий – а вдруг, да и вечный! – срок.

И когда среди полностью обязательной литературы появился веснушчатый мальчишка Александр Файнберг – поэт, вольно живущий среди людей и литературы – то он, Рауф, хватился за него, едва ли не как за самого себя, несбывшегося.

Из воспоминаний Зои Тумановой:

«Саша Файнберг пришел в наш дом в трудное и горькое, и радостно памятное время. Есть узбекская пословица: “В месяце пятнадцать ночей темных, пятнадцать – светлых”. Вот так все и сошлось, сплелось в тот год – рождения и смерти, болезни и переезды, глухой

¹ Из выступлений в дни Декады искусства и литературы Узбекистана в Москве (14-24 февраля 1959 г.). Стенографический отчет. «Школа мастерства». Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент. 1960.

² Рауф Галимов. «Географические заметки» (из сб. «Юность сверстника»). Стихи. УзГИЗ 1950 г.)

³ Перевод А. Оношквич-Яшины.

мрак и ослепительный свет – все было стиснуто в душе, уже не вмещающей нового».¹

Ответною фразой Зои Тумановой на новость о его приходе тогда стала вот эта, предельно не гостеприимная:

– Да ты же опять ночь не спал от болей! И близнят надо врачу показать... И на кладбище, к маме, не могу выехать... Что, никого другого не найдетс пестовать молодняк?!

– Знаешь, это поэт... – только и сказал тогда Рауф.²

И наступило молчание, принявшее в себя уже серьезное, внебытовое: и мысль о том, что литература для них обоих, измученных всяческими болезнями, все-таки главное, все-таки их настоящая жизнь; и что истинный, ожидаемый огонек свечечки, затеплившейся рядом с ними, очень нуждается в их, им принадлежащих ладонях, своим мягким заботливым охватом способных охранить ее свет; и что ей самой давным-давно прежде повезло с такими ладонями, как, быть может, не повезло ему, Рауфу, хотя и начали они публиковаться одновременно – в 1948-м году; и что хранят ее не просто какие-то чужие ладони, но ладони Ахматовой, и так это происходит до сих пор; и что ее свеча от этого охранения еще теплится и – даст Бог! – еще будет светить, пусть и уменьшаясь в пространстве...

Если принять на веру сомнительный постулат, что от искусства бывает и польза, то главная его польза в том, что оно тянет ниточку любви от одного человека к другому, от другого к третьему, от третьего – ко всем остальным, в общем, и составляющим слишком человеческий мир нашей жизни.

Когда вышел первый сборник стихов Файнберга «Велотреки», вдоль и поперек читанный и перечитанный Рауфом, Файнберг, даря его все тому же Рауфу, надписал: «...прекрасному человеку и самому лучшему редактору на земном шаре. Саша Файнберг».

Пройдет сказочно много лет и одна из близняшек – Галина, дочь поэтов Рауфа и Зои, напишет много собственных очень хороших стихов. И теперь Файнберг потянет далее Рауфову нить – станет редактором первой книги поэта Галины Галимовой. Надпись на книге, которую она, несомненно, подарила редактору Файнбергу, можно и не цитировать, – она, конечно же, будет похожа на ту, которую всегда делают юные и не юные авторы своим любимым редакторам.

Рауф книги не увидит. Разве только через взгляд Файнберга...

Или через взгляд Зои Тумановой, в поэтическом материнстве предчувствующей книгу своей дочери, возможно более счастливую, чем случались у нее.

«Зеркало, тебе несладко верить, // Лучше отвернуться, проходя. // ...Дочь моя, смеясь, влетает в двери – // В волосах алмазинки дождя. // Нет меня, какой была когда-то, // Снегом замело былого след. // Меркнут краски моего заката. // Для нее – выходит новый свет. // Ум ее другой заботой занят. // В ней себя не повторила я, // Но ее чертячими глазами // Вдруг посмотрит // молодость моя! // Хорошо мне вместе с ней смеяться, // Отложив несметные дела. // Может быть, ей суждено дожидаться // Слов, которых я всю жизнь ждала».³

Глава четвертая

ДНЕВНИК ЗОИ ТУМАНОВОЙ (продолжение)

Все еще одиннадцатое апреля. День тридцать первый. Состоялась редколлегия с «Фрунзевцем» Четверо военных: симпатяга редактор, маленький, но героический Штепо, представитель «Красной звезды» с лицом правильным и маловыразительным, как параграф Устава, и душка-офицер Черевач, удостоившийся благосклонного внимания наших дам. В кабинете стоял приятный запах хорошего туалетного мыла...

Военные говорили об Афганистане, было очень интересно. Потом завиступали наши, полились обычные обтекаемые фразы, заверения, обещания поднять, повысить, укрепить, обратить...

А. Р. гордо отсутствовал.

Коля Красильников бушует:

«Толик обещал мне поставить рассказы!» Самад Кадыров (в переводе Б. Пармузина) тоже просится в год восьмидесятый... Дайте дополнительный номер!

Босс в ответ на усилившиеся происки типографии грозит стереть ее в порошок. «Дадим им оригинал-макет, и пусть издают без ошибок!»

Двенадцатое апреля. День тридцать второй.

Сегодня всякое идеологическое руководство (на моем уровне) созвали в ЦК послушать В. Сырокомского, который сказал немало интересного насчет ихних идеологически закидонов. Делают ставку на неувядаемый национализм.

После лекции – погружены в быт по уши...

¹ Зоя Туманова. «Прозой – о поэте». Публикуется по машинописному тексту, хранящемуся в личном архиве И. Коваль, вдовы поэта А. Файнберга.

² Там же.

³ Из личного архива писателя А. Бауэра. Публикуется впервые.

Тринадцатое апреля. День тридцать третий – интересный лишь тем, что весна разошлась без удержу. Зелень почти летняя, но еще косые лучи солнца сквозят в ней, как в зеленом стекле. Цветут яблони, сирень, лиловая акация. Трава выбрасывает колоски.

По улицам ходят негры с белыми девушками и парни-узбеки в малиновых плюшевых брюках (вот он, неистребимый национализм!)

Люда не откликается! Может, уехала к Вам?

Четырнадцатое апреля. День тридцать четвертый.

Галина нездорова. На душе и в природе смуть. Жарко и душно, и костям ломотно.

...Было обеще, открытое... Выполнило поставленные «перед собой» задачи. Юрий Ковалев разоблачал «комнату № 20» в Издательстве Г. П., сплетшую «заговор» против него, в результате чего появились отрицательные рецензии в «Правде» и «Литобозе». Рамз¹ уверял, что никакого заговора нет и что тут «все друг друга любят».

...Женя уощает душистой травкой для ароматизации чая. Наследовал вместе с секретарством Вашу обходительность?

У М. К. Г. журналистка брала интервью о его творческом пути.

Гена Савицкий по-летнему обрился.

Графоманы с весной зашевелились, как муравьи.

Машинисток нет, нет, нет...

Фаня Як издает панические звонки – куда ставить иллюстрации?

...Убегаю от тоски душевной, пишу всякий вздор...

Пятнадцатое апреля. День тридцать пятый.

Родительский день. Душный жар. + 33 °

Погли с подругой Ольгой (не Куприяновой) на кладбище навестить близких.

Какая толпа! Какая смесь веры и суеверий, грязи и чистоты, корысти и горести! Дорожки куличей у церкви – будут святить. На грязной мешковине у курчавых цыганят – подаяние. Портреты погибших фронтовиков, могилы их засыпаны цветами. Надменные памятники с армянскими фамилиями. Наши тихие могилки.

А потом – к подруге моей, красавице польских кровей Светлане Дашкевич.

...Четыре могилы – целый пласт моей жизни.

Дедушка. Старичок с пышными усами, в проходной комнатке, глуховатый, добряк, поэтчик и защитник, покрыватель наших подростковых зигзагов. В 1952-м...

Мать. Нина Афанасьевна. Сухая и легкая, с тонким, нервным лицом и нервами на пределе. В 1971-м...

Светка – через год. «Ой, Светлана, светлячок...» Наш восьмой класс и лето после него. Светка – удлиненная, тонкая, вытянутая, обожаемая, воспитанная. «Затерялся в дали знойной голубой твоей сарафан...» Наш десятым – звуки пианино и влюбленность. Бульденежи и ирисы в день рождения Светланы – первого мая, именинница пляшет «линду» с кумиром нашей юности, будущим актером Рэмом Байером... Через десять лет – снова Светка, ее мальчик, белокурый и темноокий Сашка... И через двадцать лет – снова Светка, ее модерн-квартира с кубинскими сувенирами, подаренными братом мужа, знаменитым архитектором Серго Сутягиным...

Она умерла в 1972-м – через год после матери.

Вот ее взгляд с черного мрамора памятника. Длинные, загадочные, карие – Людины – глаза... Высокая прическа, подбородок на кулачок. И стихи, загадочные даже для меня: «Всего мне мало... // Пусть в мгновение это // Все семь цветов я вижу без труда, // И все ж невольно // Жду восьмого цвета, // Который в детстве снился иногда...»

Мы оставили ей цветы – белые каллы, алые тюльпаны.

...Потом еще был рабочий день с удвоенным из-за жары чаем.

Нузэт сдал роман «Алтын-топкан». Босс вдруг взвился: «А не дать ли его в нынешнем году?» Интересно, за счет чего?

...В машбюро покрытые пылью машинки оплетает паутина.

Женя выдает мне по две порции мяса. Предупредительность его все возрастает. Уж не Галкин ли визит тому виной? Она приходила как-то, – вся в очках и джинсах.

Люда молчит.

...Ночное стояние на балконе. Я умствую, как Тредьяковский: «А если все, что зрим вокруг, // Вселенная – весенний луч? // И звезды в темной синеве – // Лишь одуванчики в траве?»

Шестнадцатое апреля. День тридцать шестой.

¹ Рамз Бабаджан, Поэт. Переводчик. Редактор. Родился в 1921 г. в Ташкенте. В 1944 году окончил филологический факультет педагогического института им. Низами (ныне педуниверситет). Работал редактором республиканской детской газеты, возглавлял издательство литературы и искусства имени Гаффура Гуляма. Около двадцати лет был секретарем правления Союза писателей Узбекистана, председателем Узбекского республиканского Комитета по связям с писателями Азии и Африки, членом Правления СП, председателем Узбекского общества по культурным связям с соотечественниками за рубежом «Ватан» («Родина»). Автор более тридцати поэтических сборников. За популярную некогда «Песню о Ташкенте», созданную совместно с А. Ошаниным (композитор Д. Тухманов), несколько раз удостоившись первых премий на различных конкурсах.

Летняя жара, новая листва. Я перешла на летнюю форму прически, что тотчас было благосклонно отмечено и женской и мужской частью коллектива.

Женя снова угощал пахучей травкой.

Чаевничаем азартно.

В редакции появилась Валя. Стучит торопливо и злобно, шлепая ошибку на ошибку.

Пшел разговор, что Кама выбывает из строя надо-о-лго!

С начальством совещались юристы Издательства на этот счет?

С квартирами у троих – все ясно. У Вас – еще нет. Кажется, не выходит... Но я верю в шефа. «Генерал упрям, он до Мадрида все равно когда-нибудь дойдет...»

А. Р. ругал меня за отсутствие дипломатии в переговорах с подчиненными.

Они с боссом, точно конь и трепетная лань, коих волею судьбы впрягли в одну телегу.

Геронимус отбывает в Москву с большим удовольствием.

Читаю по рекомендации Вильяма Александрова¹ заметки Дмитрия Лихачева «О русском». Должно быть, у меня менее русская душа, чем у рекомендателя – восторгов я не разделяю: автор больше умиляется, чем гордится.

...В парикмахерской меня узнали: видели по телевизору на встрече с «Пахтакором». О слава! Неисповедимы твои пути!

...Тягостная ночь – перемена погоды.

Семнадцатое апреля. День тридцать седьмой.

И снова ребенок болен, и снова врачи, их предписания, которые она отказывается выполнять: больно! И наши споры, и полное душевное расстройство...

Графоманы и графоманши продолжают функционировать.

Новости весны: айва развернула фарфоровые блюдечки. Защели конские каштаны. Довершают эпопею цветенья сады.

Люда молчит...

Восемнадцатое апреля. День тридцать восьмой.

Сегодня вы мне снились счастливым и торжествующим: вроде бы получили квартиру по иной линии – по военной...

Был бы сон вещим! Где бы научиться видеть такие сны?

...Прошел дождь, похолодал воздух весьма ощутимо. Снова вытаскиваются жакеты и прочее утепление.

...Удивительное зрелище – черные колоннады стволов и зеленые своды над ними... И сырость, и свежесть, и капли дождя... Как там, в Ленинграде...

...Айва цветет расточительно. И боярышник – в ореоле аромата: пройдешь, а он за-пахом позовет: я здесь!

...Продолжаются околотипографские дебаты. Говорят, что за опечатки будут вычитывать из нашей зарплаты... Проверяли Валины справки с юристами: все правильно!

Нина с Женей взвзвучив печатают на машинках.

Надо бы написать Вам еще письмо, и уже не хочется: поговорить бы живее!

Девятнадцатое апреля. День тридцать девятый.

Субботник. Перетаскивались шкафы, перетасовывались планы. (Был звонок насчет Назира Сафарова²). Опять царствует история – если б интересная!

Для рассказов – ни шелочки... И тем не менее, хочется писать – наклеивается какая-то новая неожиданная повесть... Все старое – заброшено. И живу не своей жизнью, и звучат во мне новые голоса...

...Галина уже скачет и хохочет, забыв о болезнях. Сын таинственно куда-то бегал – может, к Ней?

Вернулся слегка умиротворенный.

Двадцатое апреля. День сороковой.

¹ Александров Вильям Александрович. Род. в 1927 году в Одессе. Скончался в 2009 году в Израиле. Писатель. Редактор. В годы Второй мировой войны трудился на Маргиланском шелковом комбинате, на заводах Урала. В 1955 году окончил филологический факультет ТашГУ. Работал в газетах «Комсомолец Узбекистана», «Ташкентская правда», «Правда Востока», а с 1959 года – в журнале «Звезда Востока». Был заместителем главного редактора издательства «Еш гвардия», ответственным секретарем «Звезды Востока». Преподавал в университете русскую советскую литературу. Автор книг «Девятая звезда», «Дом над рекой», «Ночной возвал», «Чужие-близкие», «Люди и звезды», «Альфа Центавра», «Планета МИФ», «Завешаю тебе», «В справочнике русскоязычного союза писателей Израиля за 1999 год читаем: "Автор восемнадцати книг – трех романов, двенадцати повестей, нескольких сборников рассказов. В Израиле с 1996 года"».

² Сафаров Назир Сафарович (1905–1985). Родился в Джизаке. Работал кузнецом и одновременно учился сначала в старометодной, затем – в новометодной школах Туркестана. Был учителем, заведующим литературно-просветительским отделом Джизакского уездного отдела народного образования. Заведовал отделом сельского хозяйства в газете «Кизил Узбекистон», был ее ответственным секретарем. Во время Великой Отечественной войны был политруком роты, военным корреспондентом газеты «Советский воин». Воевал в Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии. После войны – директор Гослитиздата бывшей УзССР, киностудии «Узбекфильм», Узбекского отделения Литфонда СП СССР. Публиковался с 1927 года. Первая книга – «Борьба за новую жизнь». Автор романов «День проклятий, день надежды», «Навуруз», «Девушка смотрит вальс» и др. В 1981 году опубликован исторический роман «Гроза». Один из авторов фильма «Буря над Азией».

Куда ни глянь – еще непривычная глазу зелень.

И опять «барахтается глупая воля воображения», мучительно пресекаемая Бытом.

Звонил Захидов, напоминал о себе. А я – ни сном, ни духом за него не бралась. Обещал все же прислать источники цитат.

Если я писатель, то сумасшедший – уже готовый план ставится с ног на голову. Как все прекрасно вырисовывается – и как туго выписывается!

Как трудно без Вас – без вашей веры в меня, без ободряющего слова!

Зависела белая акация. Айва осыпает крупные лепестки – словно яичные скорлупки.

Авдвдть первое апреля. День сорок первый – сплошных неприятностей и неудач.

Сын ходит по дому – весь в себе, в своей влюбленности. Чужой. «Как дела?» – «Ничего». Вот и весь разговор.

Дочь не хочет лечиться – да и некогда ей. Прописали переливание крови – не могут вены найти...

Мои развлечения: очередь за пенсией – час десять минут, совещание у Рамза – час, чтение корректуры – два часа, чтение глупейшей рукописи, поданной на конкурс – час, графоманы – полчаса. А вечером перевожу по просьбе Зульфийи,¹ неперебиваемое четверостишие Хамида Алимджана² – он утверждает, что понял, что есть Родина, в день своего появления на свет... Рановато даже для вундеркинда!

Писать было некогда и думать тоже... А в пятницу «по поручению свыше» я должна открывать книжный базар на Театральной площади...

Цветут бульденежи – и это единственное, что примиряет меня с мирозданием.

Авдвдть второе апреля. День сорок второй, также начавшийся с очереди – за молоком.

А далее – служба. Дикие интриги вокруг повести Г. Марьяновского,³ сокращенной вопреки желанию автора и в обход редактора О. К., а я, слава Богу, как-то в стороне.

Нынче Соня сообщила нам вычитанные в зарубежном журнале параметры дамы идеального сложения по нынешним международным стандартам. Я спросила, а не было ли подобных данных для мужчин. И тогда все дамы дружно закричали: «Приедет Баузэр – вот вам и образец идеального сложения мужчины!» Я себя чувствовала так, будто меня похвалили...

Валя уходит в долговременный отпуск по болезни. На ее место хотят взять другую. Кама собирается родить еще ребеночка. Словом, машинный вопрос будет по-прежнему стоять остро.

Протасевича не видно. Борис Авигдорович в Москве. Миша голодает и собирается в вояж по республике.

Люда на мою записку ничем не отозвалась. И я как-то не решаюсь проявить настойчивость.

...В «Неделе» научная статья «Свекровь и невестка».

...Я читаю конкурсную повесть, в которой написано: «Голова усиленно работала, но не приносила ни одной светлой мысли». Тонкое наблюдение!

Глава третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОДИНОЧЕСТВО

Чем больше внешнего мира вокруг, тем непреодолимее наше одиночество. Один на один – всегда в беседе. Внутри самого себя практически никогда не бывает монологов, только диалоги, только разговор с самим собой, внимательно себя слушающим.

Вслушиваются все, но только писатель – в силу своей писательской обреченности – хочет зачем-то все это как-нибудь записать. Обреченность оправдывается тем, что это может кому-нибудь для чего-нибудь пригодиться.

Но это самообман.

Просто через текст, обращенный к кому-то другому, мы хотим посмотреть на себя чужими и не отчужденными глазами.

Упрямый мячик нашего текста, брошенный нами, отскакивает от чужого взгляда и возвращается к нам назад.

Редко-редко, но бывает, что мячик не возвращается. И тогда нам кажется, что нас

¹ Зульфийа (Зульфийа Исроилова). 1915–1996 гг. Народный поэт Узбекистана. Переводчик. Редактор. Жена поэта Хамида Алимджана (1909–1944). Родилась в Ташкенте. В 1932 году окончила Узбекское женское педагогическое училище. Училась в институте языка и литературы. Печаталась во фронтовых газетах. Работала редактором «Детиздата», зав. отделом художественной литературы Госиздата бывшей УССР, зав. отделом журнала «Женщины Узбекистана», ответственным редактором, позже – главным редактором журнала «Саодат» («Счастье»). Первый сборник стихов «Странички жизни» вышел в 1932 году. Следующие – «Его звали Фархадом» (1943), «Верность» (1943), «В дни разлуки» (1944), «Избранное» в 2 томах (1975), «Годы, годы» (1976), «Такое сердце у меня» (1978), «Стихи для детей» (1978), «Строки памяти» (1979), «Стихи» (1980), «Лирика» (1982) и т. д.; всего при жизни издано более пятидесяти книг.

² Алимджан Хамид. (1909–1944) Знаменитый и талантливейший узбекский поэт с короткой, трагической биографией.

³ Марьяновский Григорий Иосифович. Род. в 1927 г. в Киеве. Писатель. Кинодраматург. Литературный и театальный критик. Переводчик. Работал зав. отделом, ответственным секретарем, зам. главного редактора журнала «Звезда Востока», собственным корреспондентом газеты «Советская культура» по республикам Средней Азии, зам. главного редактора издательства литературы и искусства им. Гафура Гуляма.

полюбили, раз оставили для себя, спокойно присвоив. Ведь наш текст – это мы сами. Мы даже хотим этого, наметив себе человека, который взял бы да и присвоил нас: Зоя Туманова писала «Дневник» для писателя Бауэра. Бауэром она замешала пустоту настоящей литературной востребованности.

Ее одиночество, образовавшееся из-за ударов времени, могло бы присвоиться именно им – она ему доверяла, поскольку видела таким, каким он для себя не был. Он видел себя по-другому.

Его абстракции обозначались предметно. У нее же – наоборот – предметы жизни как-то сами собой превращались в волнующие абстракции. Он коллекционировал теории, отжившие исторические предметы и людей, которые для него вполне могли стать равноправной частью предметной же коллекции. Она коллекционировала эмоции, погружено живя в которых, вряд ли возможно написать что-либо путное.

Он чувствовал историю, глядя на нее со стороны. А Зоя Туманова жила в истории, не замечая ее, не чувствуя и едва ли соприкасаясь. Может, внутренне уже понимая: Рауф с историей постарался соприкоснуться... А что сделала с ним она, история?

Повторения не хотелось.

С элегантною уверенностью писатель Анатолий Бауэр носил благородную шляпу в отпелых шестидесятых, любил широкие офицерские ремни в семидесятых-восьмидесятых, и – практически во все эти годы – с той же уверенностью, не смущаясь, носил на груди тяжелый натальный крест с голубыми камнями по темному серебру. Очевидно, что тоже коллекционный.

Она же – до серьезности лет – одевалась во все светлое, яркое, легкое и любила свой единственный перстень, как-то однажды искренне подаренный ей им же, писателем Бауэром.

Он говорил неторопливо, выдерживая паузы и корректно подбирая слова, – за ними скрывалась многозначительность и обдуманная глубина.

Она говорила быстро, на взлете импровизации, ребячливо вздергивая головку, искрами разбрызгивая во все стороны живые колючки коротко стриженных кудрявых волос. И с ее мгновенного языка легко и естественно – остро шебучными птицами – слетали слова, которые многочисленная среда литературно-советских пуританских стилистов вносила в реестр непечатных: «накрутили хвоста», «шандархнул», «загибает»... Но Бауэр выслушивал с непроницаемым лицом.

Теперь он, наконец, возвращался.

И в «Дневнике» предстояло поставить точку, выдрав для завершенности формы из полунписанного блокнота оставшиеся белые листы. Он прекращался, становился не нужным.

По форме – это был диалог с Бауэром. По-сути – с самой собой, то есть по той же писательской обреченности – со всем миром.

Теперь, видя его, Бауэра, можно было обходиться без слов, одним всепонимающим переглядыванием, когда они оба, по ее же словам, «...словно умные собаки все понимаем, а сказать не можем».

Она была уверена, что это же вновь возвратится, вновь произойдет тотчас же, как он переступит порог редакции. Он, ее киплингский герой, загорелый, обветренный, переполненный легкой тяжестью впечатлений. Хотя в моменты этих мечтаний именно она, а не он, сама становилась (не Рауфово ли наследие?) похожей на Киплинга, поскольку так же, как тот англичанин, всегда восхищалась людьми истинного действия.

Порог был им переступлен, а ожидаемого не произошло. И именно потому, что впечатлений было беспредельно много, он

Справа налево: Бауэр А. Ф., Зоя Туманова, Тамара Секшина.

¹ Сообщено писателем А. Ф. Бауэром.

не должен был их высыпать из своего короба хаотично-беспорядочной кучей. Но он должен был их выкладывать постепенно – слово за словом, камушком к камню выстраивая собственное строение. А чтобы не отвлекаться, в первую голову, он вошел не в кабинет к ожидающим рассказов, не к ней, но в кабинет секретариата редакции, – сначала избавиться от накопившихся дел, несомненно, невысказанно бы мешавших спокойствию добротных построений из воспоминаний и впечатлений поездки. «Звезда Востока» забирала свое.

Писатель Бауэр возвращался самим собой, закалено не изменившимся.

«Писатель Бауэр» – образ, выстраиваемый ею во все дни их знакомства и его отсутствия – лицо, действующее невидимо, но вдохновляюще, активно участвующее в днях ее «Дневника», почти ирреальное лицо, оставалось в этом самом «Дневнике» невидимо же запечатленным, не выплескивающимся наружу. Диалоги опять должны были замениться монологами, обращенными друг к другу, но не продуктивными для писательства.

«Лица нечеткое виденье // внезапно встанет предо мной. // Я напишу стихотворенье, // склонившись грустной головой // в ладонь руки, // где старый перстень // прилежно палец обхватил. // Мы столько видели с ним вместе! // Когда рука моя без сил, // в тоске к бумаге припадала, // он робко начинал играть. // Заката прелесть отражала // его граненая печать. // И камень вдруг... менял окраску, // мерцал так дивно, будто мне // с небес безгласную подсказку // звезда шептала в тишине. // И я, все слухом напрягаясь, // как в школе скверный ученик, // благодаря и удивляясь, // ловила этот вечный миг!»¹

Глава вторая

ДНЕВНИК ЗОИ ТУМАНОВОЙ (окончание)

Двадцать третье апреля. День сорок третий. Начавшийся со сна: я в редакции, а в коридоре рассывается единственный в мире смех; я думаю – «Шеф вернулся раньше, чем обещал!» – и просыпаюсь от звонка будильника...

День опять бытовой. И несвершаемые замыслы «заколебали» меня, как выразилась бы Галина.

...Вечером смотрели телефильм из личной жизни лебедей. У них все-таки проще!

Читаю развлекательную фантазмагорию «Альтист Данилов» в «Новом мире». Печатают же люди!

А у нас к боссу вернулась мечта – издать справочник по «Звезде Востока». Хлопоты идут...

Заходил Борис Сергеевич, как старый корабль, потрепанный штормом, чуточку потерявший оснастку, но не сбившийся с курса.

У Рамза уволился еще один помощник.

Двадцать четвертое апреля. День сорок четвертый.

Снова блуждания по городу. Повсюду цветет акация, выявляя себя цветением. Некоторые деревья сильно в годах, кряжисты и корявы. Но цветут, цветут!

Как А. М. Иванов.²

...На меня обрушилась лавина слухов

а) что вы прилетаете сегодня.

б) что вы прилетаете в понедельник.

в) что жена слала Вам телеграмму – «Все цветет!» – и вы не летите.

г) что вы звонили Бендеру и передавали привет Соне, ей одной, из всей редакции...

Да... так вознаграждается верность. Все в курсе Ваших дел, все получают привет. Кроме меня! Что ж, подлинную привязанность никогда не охлаждал такой пустяк, как отсутствие взаимности. Тьма примеров в истории литературы!

...Приходила почитательница моего таланта Галина Наумовна Медведева, критик из Самарканда. Преподнесла «поздравилку» с теплыми словами. Встречаются же такие вкрапления в читательских монолитах!

...Ну, что-то завтра?

Двадцать пятое апреля.

Не очень-то верилось, что шеф уже здесь и появится на службе. Но он здесь и все тот же: борода, прохладно-мил, отдаленно-ласков; переполнен впечатлениями Прекрасного – и сразу включен в подсчитыванье и перечитыванье полос; нашему дружеству пока не пробиться сквозь заграждения служебных забот; Люда записки не получала, жизнь неопределенна...

А жаль расставаться с блокнотом – у него было больше времени для меня, чем у Вас...

И все же надо передать в Ваше хранилище рукописей еще один памятник литературного быта эпохи. Дабы увеличить его историческую ценность – с портрета автора.

Но с каким? Сравниваю прежние – и новые...

¹ Из личного архива писателя А. Бауэра.

² Иванов Андрей Митрофанович. (1902–1990) Окончил Всесоюзный заочный институт финансово-экономических наук. Работал в Туркнаркомпроде, позже – главным редактором журнала «Звезда Востока» (1954–1960). Автор многочисленных книг стихов и прозы.

Ах, за тридцать лет искусство фотографии определенно пришло в упадок...

Так пусть будет два портрета... И пусть их печальный контраст послужит не только примером разрушительной силы времени, но и доказательством непобедимой силы духа творящего, зачарованного жизнью – несмотря ни на что... несмотря ни на что...

Глава первая

ДЕТИ СВЕТА

Если два пальца – большой и указательный – свести вместе, то полученный овал как раз такого размера и той же овальной формы, как две черно-белые фотографии, вклеенные Зоей Тумановой на последнюю страницу «Дневника». «Так пусть будет два портрета...» Вместо подписи. Или – псевдонима.

Справа – Туманова времени «Дневника». Слева – из времен Ахматовой, эвакуированной в Ташкент.

Портрет юной Тумановой стилистически близок к лицам круга Ахматовой. И мгновенно – громадным бантом – напоминает знаменитую фотографию Ирины Одоевцевой. В таком же – Тумановском – банте (...кукольный бант в волосах, гуттаперчевый носик и глаза, опрокинутые к вечносинему небу...) вспоминает и Марк Азов,¹ один из тех мальчиков и девочек, что собирали вокруг себя в Ташкенте Анна Ахматова, Надежда Мандельштам и Корней и Лидия Чуковские. Весь этот круг людей, до беспредельности любящих стихи, Марк называл «детьми света»; опять же... стилистика Серебряного века. Она же, Туманова, – людьми «круглого стола», которые несытний хлеб войны возмещали хлебом стихов.

Ахматова и Мандельштам учили их, как понимать эти стихи, как их писать, как их слушать, как профессионально входить в музыку ритма и звука: «...в палисадниках серебрится сирень, и мы, мальчики, девочки – “поэты круглого стола”, ловим дальние отзвуки Серебряного века, долетевшие непонятным образом через фронты, революции, репрессии и соблазны социалистического реализма»².

И эти рышари круглого стола, эти дети свега – Валентин Берестов, Эдуард Бабаев, Зоя Туманова, Илья Крупник... – были влюблены в тему, но едва ли не больше, чем в своих учителей. Разве только по-детски благодарно, – как в старших, уделяющих им взрослое время.

Зоя Туманова всю жизнь помнила те, по тем временам обыденные, а по современным несказанно счастливые ташкентские встречи с эвакуированными в Ташкент от войны столичными литераторами. Совсем, впрочем, разными. И те дни, когда ходила слушать острые, проводимые в ЦАХВД (Центральный дом художественного воспитания детей) лекции той же Надежды Мандельштам, не снисходящей до них, любопытно-юных. «Она худа, желта, жилиста. У нее толстогузый рот и выпуклые, как у черепахи Тортилы, глаза. Жидкий пучок волос на затылке, крупный нос. Она курит и кашляет»³.

В Наезде Мандельштам ее арестованный, и на этапе сошедший с ума муж Осип, уже жил вечной своею душою, и потому она в себя более никого никогда не впускала.

Анна Андреевна Ахматова готова была впустить. Но для этого надо было быть совсем на одном уровне с нею: если не на поэтическом, то хотя бы на мировоззренческом. А в этом крылась всегда всеми интуитивно ощущаемая опасность. Да и какое мировоззрение, кроме школьно-советского могло быть тогда у четырнадцати-пятнадцатилетней девочки, для которой – даже и как поэт – Ахматова, наверняка со слов других, значила много, но не более того... У Зои Тумановой даже и ахматовских книг-то не оказалось – ни одной! – чтобы по-настоящему, нет, чтобы *просто* знать ее поэзию. Чтобы понимать, *что такое* эта неторопливая, уже начинающая полнеть, лежащая на железной кровати в бесцветном халате женщина, с головою – то ли от жары, то ли от головной боли – обмотанной мокрым вафельным полотенцем с застиранно-серым отливом.

А вежливый ахматовский автограф на книге ахматовских же стихов («Зое Тумановой, которую я встретила в Ташкенте в 1943 г. С приветом Ахматова. 1943»). Зое удалось за-
получить лишь после того, как такие автографы уже были почти у всех мальчишек-круж-
ковцев: и у Вали, и у Эдика... Увидев это и поняв, что Зоя вот-вот распахнется от огорче-
ния такой жизненной несправедливостью, Анна Андреевна в тот же огорчительный день,
когда надписывала книги мальчишкам, ей подарила другое – тяжелую, исцарапанную
длительным существованием бронзовую медаль, возможно единственную ценность, что
у нее нашлась во всей малой комнатке, где она жила.

– Это тебе! Петровского времени...

Сборник она раздобыла лишь на другой день. И тогда стала как все, вряд ли это почувствовав.

¹ Марк Азов. «Где он, этот взлет стиха?». «Иерусалимский журнал» 2009, № 31. URL: http://www.moscowjournal.ru/journal/2009/31/article.php?id=mark_azon_09_31.

² Там же.

¹ Зоя Туманова. «Над Азией весенние туманы...» Воспоминания.

Во многих нынешних воспоминаниях других людей о той их встрече все говорят, что уже и тогда Зоя Туманова все-таки понимала об Анне Андреевне все. Но это неправда. Этого не могло быть потому, что быть не могло – аберрация позднего времени. В тогдашнем девчоночьем Зоинном дневнике Ахматова охарактеризована всего двумя словами: «Анна хорошая».

Для нее, для Зои, это была или та самая женщина с полотенцем на голове, лежа объясняющая ей, Зое, что такое стихи и как их правильно делать. Или – тоже она, но уже подтянутая и гордо причесанная, объясняющая еще и другим полуголодным ташкентским девчонкам и мальчишкам все про то же самое – про стихи, морщась от прокуренного воздуха аудитории – здесь только что на этих бездарей покрикивала Надежда Мандельштам, – но не открывающая для проветривания ни одной форточки, чтобы не сбиться с ритма высокой лекции, временами – частично – даже и понимаемой учениками...

О стихах.

Ахматова виделась ею совершенной литературной скульптурой, вокруг которой юная Туманова ходила высоко задрав голову, смотря вверх, любясь и удивляясь тому, как хорошо это сделано. И – как бы научиться писать так самой.

Или, по-другому, Ахматова для нее была словно книга, существующая сама по себе, хотя и для чтения всеми ими.

И даже когда однажды, эта «хорошая Анна», эта все еще немножечко все-таки «книга», сказала о ней, о Зое, словами Надежды Яковлевны, произнесенными между клубами желтого папиросного дыма: Она тебя хвалила! – Зоя восприняла их радостно, но вряд ли так, как сама написала об этом позже, – «счастье несло меня над землей».

Тогда еще не было до конца понятого прикосновения к действительно счастью понимания ахматовской глубины, ахматовской трагедии, ахматовских словесных вершин.

Было по-девчоночьи радостное другое – одною из этих недостижимо талантливых и красивых людей Зое Тумановой было обещано большое творчество.

И, очевидно, она всю жизнь потом ждала того мгновения, когда сможет подступиться к нему.

А мгновения не было.

Вернее, оно было. Вроде бы совсем под боком. Но не хотелось тащить в него суетно-окружающее. А освободиться не удалось. И большого творчества не оказалось. Хотя оно все время как будто бы существовало совсем не в стороне от нее, где-то в соседней комнате, куда не случилось времени зайти, но – все же – она знала, что сможет когда-нибудь быть в той комнате не гостем, но вполне законною хозяйкой...

Всю свою творческую жизнь Зоя Туманова балансировала над провалом литературной пустоты из обязательных текстов. Балансировала, стоя на канате, свитом из своего таланта. И этот ее канат, шатко покачиваясь, не подвел, не оборвался. И она с него не упала, не изменила таланту. А значит, и не погибла, сохранила себя. Перешла по нему через жизнь.

Маленькие сюжеты (даже сюжетики), вместе с нею балансирующие на грани искусственной занимательности на узкой кромке сочиненного ею почти анекдота, – вот темы ее немногочисленных книг. Того же, допустим, совсем небольшого сборника полупантастических рассказов «Кумуш-Тау – алые снега»¹. Добавь одно случайное слово и все превратится в анекдот настоящий. Но слово не добавляется. Писателем Зоей Тумановой все выверено. Хотя и сочинено, но искренне и талантливо. А потому автору удается быть тем, кем ее видят все окружающие – быть писателем, писателем именно талантливым.

Однако же – для чего? Однако же – для кого?

Там, где она занималась литературой как литературой, ей было нечего сказать, но там, где она занималась жизнью, творя из нее не псевдолитературу (нечто на злобу дня), вот там, нет-нет, да и рождалась истинная литература. Тот же «Дневник» – для Бауэра, но – о себе, а не о внешнем.

По-малому счету, она победила быт поэзией. По-большому, по-гамбургскому счету, побежденный быт все-таки уничтожил в ней большого поэта и прозаика.

Она сбегала от быта в страну литературу, где окружающие ее правильные писатели громоздили бетонные глыбы социалистического реализма, на поверку оказавшиеся временными картонными домиками, более искусственными, нежели потемкинские деревни.

Она бродила среди них, прорастая живой травой, живыми цветами и деревьями, всеми этими боряшниками, конскими каштанами, цветущими сиренями и лиловыми акациями. Бродила среди «...черных колоннад стволов» под «...зелеными сводами над ними...». Там, где «...сырость, и свежесть, и капли дождя...».

¹ «Кумуш-Тау – алые снега». Рассказы. Государственное издательство художественной литературы УзССР. Ташкент. 1964.

Пролог

Деятнадцать нешатких ступеней все-таки вели вверх, на балахону, в ахматовскую комнатку-скворечню второго этажа. Зоя уже несколько раз взбегала по ним, взлетала не останавливаясь. Но в тот день, ни для кого не заметный, настоящее счастье именно здесь догнало ее и заставило остановиться, не-до-бежать, не-до-взлететь.

Человек, читающий стихи за близкими к ней тонкими дверьми, был не виден. И через эту невидимость произошло чудо: звук произносимых мужчиной стихов вырвался, выпорхнул из своей человеческой оболочки. И стал наг, стал предельно обнажен, как даже и не перворожденное, но Богом сотворенное тело. Это было слово в его райском первовиде. Это были реально сошедшие и ожившие, обозначенные уроками Ахматовой, приметы поэзии, которые, выросши из теории (или возникнув – вопреки ей), стали самой поэзией. Потрясающей и впервые потрясшей.

Зое почти были видны звуки, переливающиеся kaleidosкопическим цветом, мягко постукивающие, будто пересыпающиеся морские камешки.

Это было услышанное Зоей мгновение, в которое на смену механически и лениво разворачивающейся вселенной приходит метафизическою тайной стремительно разверзающаяся бездна, перед которой у поэта никогда не бывает страха, ведь он сам ее бесстрашно творит, чтобы храбро и до-бежать, и до-взлететь, и в нее же броситься.

Это было мгновение, в которое появляется то, что взвихренный композитор Александр Скрябин назовет «Поэмой экстаза», в которое, отбросивший перо Александр Пушкин вскричит о себе классическое – «Ай да, сукин сын!», а философствующий писатель Лев Толстой, работающий над «Войною и миром», даже не откинувшись на спинку кресла с подпиленными, по-близорукости, ножками (чтобы быть ближе к исписанному листу бумаги), делает лаконичную, нет, не запись, но сухую, однако, и гордую пометку в своем «Дневнике»: «Писал вечером мало, но порядочно. Могу».

Спокойно кокетливое, ахматовское – «Когда б вы знали, из какого сора...» здесь не подходило. Не из сора, а из поэзии *жизненного сора* растут стихи, подобные тем, что услышала в тот день Зоя Туманова, остановившись на лестнице в девятнадцать ступенек, не рискуя войти даже к Ахматовой, чтобы не растерять, чтобы подольше сохранить в себе то великое ощущение поэзии, которым не всякий-то и награждается.

Но только избранный.

Да, именно так.

Это, как вера в исламе, о которой в полученном Мухаммадом Откровении сказано примерно так: «Я даю ее тому, кому *Я ее даю*»...

В тот азиатский и великий для себя, расплавленный, как раскаленное стекло, день, стоя на лестнице под дверьми в скворечник Ахматовой, Зоя услышала как вновь обретающий себя в эвакуации, красивый поэт Владимир Луговской читал посвященную А. Галичу главу «Дербент» из своей «...великолепной, загадочной, потрясающей, охлаждающей восторгом «Середины века»»¹. Читал, возможно уже догадываясь, что даже и беспредельно верная своему скончавшемуся Мише Булгакову Елена Сергеевна, живущая тут же, в Ташкенте, уже влюблена в него, в Луговского, также ожив от всех бывших и будущих трагедий услышанными от него стихами. Возможно поэтому так пронзительно он их и читал.

«Ступеньками не скрипнув, я сбежала по лестнице и снова окунулась в прекрасный зной...», в мир, поэтом вроде бы заново для нее сотворенный, до боли знакомый своим незнакомством, своей поэзией, которая теперь открывалась буквально во всем, которая была повсюду.

В воде, капаями падающей из плохо закрытого крана, ржavo торчащего из-под земли. В белой пыли, покрывающей листья чинар так толсто и плотно, что опасно случайно дотронуться – ссыплется вниз, как снег с царскосельских каких-нибудь сосен.

В чешуе шелушащейся краски на перилах той лестницы, по которой сегодня она так и не поднялась к Ахматовой.

Каблучки ее легоньких туфель выдавливали неглубокие ямки на плавящемся от ташкентской жары черном асфальте.

Ее стихи о встрече с читающим Луговским, наверняка лучшее из всего, что она написала. Вот это-то ее счастье навсегда и останется.

Чудо воскрешения к жизни всегда происходит только однажды и – единожды...

Ей было еще очень далеко до ее экзистенциальной усталости.

¹ Зоя Туманова. «Над Азией весенние туманы...» Воспоминания.

философия искусства

РЕКВИЕМ ПО АДАМУ...

(Эссе о художественных поисках параллельной Вселенной).

I ЭПОД.

Кто выбрал меч – тот вкус войны познал.
 Кто посох выбрал – странствовал по свету.
 Венец терновый в лоб шипы вонзал
 Тому, кто быть отважился поэтом.
 Алексей Гвардин¹

**Владимир
КАРАСЕВ**

Родился в 1949 г. в Ташкенте. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета, исторический факультет ТашГУ (ныне НУУЗ). Искусствовед, историк, автор многочисленных статей о современной живописи.

...Он пишет неоднозначные стихи, он рисует совершенно удивительные картины, он, шутя, бродит в одиночестве по Вселенной. Он в поисках смыслов витает от галактики к галактике. Он ищет в этих красочных разводах космических туманностей ту самую Истину, которая придаст силу свободной человечности. Но геомагнетическая аура Земли возвращает его к себе, не отпускает, ибо есть еще в душе его понятие – Долг! Тот самый долг, который заставляет людей добровольно открывать кингстоны и вместе с кораблями становиться «Летучими голландцами». Его путь – это странствия в невыносимом одиночестве, которое глубоко скрыто в запутанных лабиринтах памяти, затеряно в туманных подвалах сознания.

Художественные произведения нельзя рассматривать вне Времени и Пространства, в отрыве от породивших их исторических условий, без учета умственной среды, душевного склада людей, находящихся на определенной ступени культурного развития. Иначе эти произведения так и останутся закрытой книгой – мы не сумеем ни понять, ни правильно оценить их. Но стоит привести в связь отмеченные моменты, все мгновенно преобразится. И глаз зрителя откроется не просто мир представлений творческого интеллектуала, художественного творца, но мир всей национальной культуры, в которой рожден был художник или в которой он пребывал в период непростых творческих озарений.

Поэтому, говоря о Гвардине Алексее Ивановиче, следует все же видеть через его непростую и многоликую призму творчества отсветы времени, в котором пребывает сейчас интеллектуал. Правда, есть в этом прекрасном мире непознанное, но надо смириться с тем, что существует и непознаваемое, однако сам процесс познания бесконечен и этим изумительна сама жизнь человеческая...

Пусть в сумятице жизненных коллизий кто-то утверждает своими картинами, что наступило время вселенского хаоса. Но это не так, потому что создатель сомнений и заблуждений – сатана – слишком занят, чтобы замечать скромных слуг Божьих... У Гвардина трудная стезя равнодушного к жизни творца. Он всегда в поиске новых возможностей самовыражения. Об этом следует мне рассказать отдельно.

Ему самому все время как будто не хватает воздуха, но своей живописью он, как деревья, продолжает выдыхать жизненный кислород, который красочной гаммой наполняет нашу с вами жизнь. Собственно такие люди становятся пассионариями. Правда, именно в них летят первые камни из толпы обывателей.

¹ Все поэтические строки в эссе принадлежат Алексею Гвардину.

Однако Алексей Гвардин, несмотря на то, что его живопись, а уж тем более поэзия, может не понравиться кому-то, работает с упоением над закрытыми от всевидящего ока проворной (сейчас уже добровольной) цензуры темами. Потустороннее для него не более чем реальность внутреннего вежда. В 2011 году он пишет Демона. Потом будет еще не одна серия разных портретов, герои которых балансируют на самой грани Бытия и Фантазии.

Разумеется, в этом направлении Алексей движется, казалось бы, в компании с художником актуалистом Джеймсом Тареллом – создателем «Падения светлого». Хотя вся эта дребедень с цветовыми эффектами Джеймса отнюдь не способствует раскрытию внутренней гармонии художника. У Гвардина нет позерства в проявлениях индивидуальности. В его полотнах визуализируется музыка – музыка души неординарного творца.

Жизненная убежденность и сценическая патетика – вот два полюса гвардинского Демона. Но что же мы видим? Самоочевидно, самый романтический образ в его творчестве восходит к реальным переживаниям. Демон был для него олицетворением самой действительности, а не заимствованием из литературы или врубелевских полотен и, тем более, не плодом только творческой фантазии.

Этот таинственный и невиданный образ так сильно завладел художником, что он возвращается к нему раз за разом. Исполнительский психологизм работы делает автора последователем венецианского Ренессанса. В образе отсутствуют традиции византизма и та условность и монументализм, которые свойственны прополитизированным прокломативным работам Баходыра Джалала или Джавлана Умарбекова. Это не монументальный образ, не символ, не аллегория, не плод фантазии или «мистических видений». Это портретно близкий к натуре психологический образ, результат реальных переживаний художника.

Я не буду уподобляться Камиллу Писсаро, который уговаривал Сезана выйти из тьмы, из глубины печального сознания, потому как знаю, что Сезан охотно последовал совету, а потом умудрился поссориться со всеми импрессионистами и самим Писсаро. Не хочет Алексей «окунуться» в солнечную палитру не мистического реализма – это его выбор. Но именно в его внутреннем мире он, скорее всего, и останется в одиночестве, как странник, кочующий от нашей Вселенной к другой, может быть, параллельной Вселенной (если таковая существует, как в это кто-то хочет верить).

Была, правда, довольно успешная попытка иллюстрировать «Демона» Лермонтова художником, работавшим в России – венгром Михаем Зичи, но работа «Демон, летящий над Кавказом» 1881 года, хотя и была художественно высока, но в ней полностью отсутствовала экспрессия присущая самому произведению поэта.

Достойный внимания портретист сам должен обладать характеристиками сильной личности, ибо, в конечном счете, всякий подлинно психологический портрет автопортретен. Главное для нас, искушенных зрителей, – понять суть творческого порыва художника. Именно он, этот божественный порыв, позволяет истинному творцу достигать огромного влияния на состояние нашего сознания. При этом мы понимаем, что изображение на холсте или бумаге есть не только представление автора о теме изображения, но и визуальное проявление скрытого от всего мира внутреннего состояния художника.

Гвардинский «Демон – реквием» дышит экспрессией характеристик позднег Тициана и Тинторетто при наличии натурализма Менцеля и Лейбля. При всей убедительности натурализма он декоративен, как отображения дождей у великих венецианцев. Он обладает монументализмом, который умели придавать изваяниям кондотьеров кватрочентисты, и к чему тшетно стремился Серов. Недаром Гвардин, иногда комментируя и рассуждая на эту тему, провозглашает, что это есть «Реквием по погибшим во всех Прошлых, Настоящих и Будущих войнах. Падший Ангел»!

Этот «Демон» – симфония тревоги, той тревоги, которая пронизывает наше совершенно неспокойное и неоднозначное Время. Эта тревога объективизирована в художественный образ и при всей исключительной оригинальности трактовки поднята над утлой ладей собственных переживаний. Скорбь и тревога – вот два мотива, уловленных Алексеем и выраженных в цветовой гармонии, где откуда-то справа возникает красный, тревожащий душу цвет, цвет тревоги, цвет борьбы между бытием и ирреальностью.

Симфония мировой тоски, звучащая в живописи Гвардина, сближает его искусство с романтиками и, в частности, с Лермонтовым, конгениальным иллюстратором которого он стал. В природе художник слышит те же звучания, которые он выразил в целой череде портретов, потому что природа воспринимается сквозь призму человеческого сознания. Поэтому-то «чистый» пейзаж отсутствует у художника, всегда наполнен у него живым присутствием человека и как бы опосредованно существует где-то за гранью реализуемого образа.

Помимо композиционного и ритмического строя этот портрет представляет изысканную колористическую гамму, в которой густо-коричневые, черные и темно-красные цвета

сплелись в тяжелое звучание каких-то мощных инструментов исключительно низкого регистра. И только несколько бликов белого, желтой охры и изумрудного цвета прорезают темно-синие тяжелые тона цветовой гаммы. Именно в этом состоянии возможно все, все – это существование в любом другом пространстве, в любое иное время. Но далее мы поговорим о существенном.

В противоположность гордому одиночеству безлюдной природы у Енина В. и лирической сентиментальности Голищенко Г., где каждое дерево – лишь нота, выражающая один из звуков душевного мира художника, у Гвардина природа космична. В его пейзажах нет ни подчинения природы человеку, как у мастеров эпохи Ренессанса, ни подчинения человека природе, как у голландцев XVII столетия. У Алексея Ивановича природа и человек космически возвышены и слиты воедино, без переходов на многообразные планы, без отединения одного от другого.

Перед зеркалом Времени художник оказывается всякий раз, как только пытается поднять тему человечности. Иногда Алексей Гвардин, работая над своим «Демоном», в котором воплощалась какая-то полуреальность-полулегенда, рассказанная не то Гоголем, не то Эдгаром По или в рифму уложенная Михаилом Лермонтовым, вдруг оказывался за гранью искусства и жизни, благодаря иллюзионизму границы смежались. Искусство в этом портрете мгновенно подменялось зеркалом жизни. Одновременно с оригиналом возникало его alter ego. Такие полотна возникают на самой грани безумства с гениальной прозорливостью. И именно в этом полотне, как в автобиографическом откровении, отображен облик самого художника, который с гибельным восторгом растворяется в смертельном свидании со временем и нравственностью. Ибо в наше время ничто так никому не прощается, как добродетель...

Сегодня наши отечественные искусствоведы передергивают исторические соотношения. Реализм они принимают за модернизм. Но модернизм надо отличать от подлинного новаторства. Модернизм отрекается от традиций. Новаторство же, движущее историю, проникнуто пиететом к прошлому. Как когда-то художники «Мира искусства» сегодня Гвардин, Азизов, Бабаев, Тиора, Плужников, Сандлер, Садыкова Диана представляют новое поколение. При этом Гвардин освобождает искусство от привычных жанровых элементов, поднимает на высоту лучших европейских мастеров упавшую технику отечественной живописи, оставаясь в своем творчестве в глубочайшей основе реалистом. В этом, а не во временных и иногда случайных личинах, историческая роль, которую начинает исполнять и заполнять образовавшуюся нишу в современном искусстве Алексей Гвардин.

Несмотря на свою защиту «жизненной правды» в искусстве, несмотря на постоянную штудировку натуры, Гвардин никогда не опускается до глубокого натурализма. У него нет ни одной натуралистически-жанровой картины. Думаю, что Алексей понимает, что реализмом не исчерпываются все стороны искусства, а иные, символические элементы, явившись отражением сложной и противоречивой эпохи нашего Бытия. Конец XX начала XXI века означают переломный этап в искусстве нашей страны. В литературе – бытовое, в философии – отсутствие нравственных устоев и слабый интуитивизм, в театре – первые пробы «условных» постановок, в кино – возвращение к уже окончательно атрофированному патриотизму.

Все это находит свое отражение в романтической и мифологической сторонах творчества Алексея. В его творчестве всегда два начала – реалистическое и символическое. Первое упрочено воспитанием и средой. Второе – результат социальных сдвигов, результат целого ряда переоценок, произошедших в некоторой части узбекистанской интеллигенции на рубеже столетий. Но у Гвардина наиболее символические, казалось бы «абстрактные» образы, являясь плодом переработки первоначальных реальных восприятий и отражением жизненно реальных переживаний. При этом он не очень-то любит, чтобы о нем говорили искусствоведы:

*Не сочиняйте про меня легенды
нелепые и глупые при том.
Не мной открыты были континенты,
и я жалею искренне о том...*

Однако он открывает новое, возможно кому-то и непонятное, но идущее от Души. Это так же, как мы, слушая песню на чужом нам языке, вдруг чувствуем шемящее под самым сердцем страдание, которое вызывает слезы, слезы очищения, просветления, надежды.

Наиболее эмоциональное, эстетически выверенное полотно Алексея Гвардина «Где наша не пропадала. Ямщик» (2011). Ямщик в тулупе, охваченный снежной пургой, прорывается сквозь мглу, через смертельную опасность, спасая, вероятно, не только себя, но и тех, кто ему доверил жизнь свою в этот момент. Кнут и решимость – вот что скажется на лошадях, и дай-то бог, чтобы выжили жиы. Именно так в отчаянии и говорят на Руси: «Эх, была-не была! Где наша не пропадала!» С этим возгласом русичи ломали хребты недругам и прорывались в космос...

Экспрессия, порыв, страсть борьбы – все воплощено в этом полотне. Снег, ветер, мех тулупа, взлохмаченная голова ямщика, пронзительные до умопомрачения глаза – все смешалось в стремлении преодолеть опасность. Очень редко сегодня встретишь в портретном искусстве страны подобное воплощение замысла художника. В этом полотне сильный, мужественный человек слит с природой воедино. Возможность показать именно это единение (пусть даже в экстремальных обстоятельствах) многого стоит. Этот портрет многозначен. Лицо, эмоции ямщика прописаны с великолепным профессиональным мастерством. Перед нами тот самый реалистический романтизм, который притягивает, захватывает и приглашает зрителя к соучастию в предлагаемых художником событиях.

II Эпюд.

*Нам кровь будоражит погибельный путь
нам сладостна горечь полыни.
Мы каемся, плача, и бьем себя в грудь,
и в прах обращаем святыни.*
Алексей Гвардин.

Символизм искусства Гвардина глубоко реалистичен. Это тот самый символизм, который близок трагедиям Эсхила и поэзии Гете. Здесь реальный художественный образ одновременно и символ. Только в менее интенсивных по стилистическому качеству вещах Гвардин погружается в некую символику, где образ является не воплощением идеи, а ее заменой, иначе говоря, аллегорией. Если примером символизма в гетевском смысле можно назвать его работы «Имя мое – иероглиф» (2010), «Жребий – бессмертие», «Луна и бубен» (2010), то олицетворением символа-аллегории являются картины «Ундина» (2010), «Нам с гуриями рай», «Амазонка» (2010) и подобные им творения последних лет. Появление именно этой серии работ можно объяснить только *guil y a dans cette affaire une femme*¹.

Совершенно исключительна по живописной мягкости и технической простоте фактура «Пери-мираж»¹ (2010). Этот незаурядный портрет выделяется из всех портретов, созданных художником, светлой, зеленоватой гаммой, выражающей пленительную женственность, благоухание любви, призывающей к отраде и фетишизации. Это произведение, пожалуй, самое просветленное из всего созданного художником в этом жанре. Гвардин с изумительным проникновением в существо природы дал ощутить на полотне в изобразительных форматах ту музыкальную стихию, которая свойственна русскому восприятию природы. Единственная зеленая ветвь как бы произрастает из запавшей и непроходимой чаши, в которой утопает и сам образ таинственной дамы, обозначенной автором как «Пери», и ее огромные глаза, внимающие зрителю, ведущие какую-то сокровенную беседу, а потом незаметно тающие в Природе, оставляя обдумываемого собеседника не столько в растерянности, сколько в неописуемой горе от потерянного душевного сладострастия, от потери смысла самого существования. А разговор-то незакончен...

В творчестве Гвардина, несомненно, чувствуется немалое влияние творчества Михаила Врубеля. Его полотно «Нам с гуриями рай» (2010) не копирует врубелевскую «Примаверу» 1897 года, а как бы перекликается с ней через колоссальный временной поток. С таким же самоочевидным основанием можно сказать, что романтизация образа женщины в ранних работах Альфонса Мухи и опозтизированность этого явления в несравненных произведениях Александра Грина отложили отпечаток на всех работах Алексея Гвардина, как и врубелевское отношение к мистическим посылам, которое просматривается в движениях кисти или штрихе пастели Гвардина. Он окончательно «отформатирован» на романтизм, на уже изрядно подзабытый модернизм. Он – лермонтовский герой с идеальными понятиями долга, чести и преданности. Поэтому, возможно, он внутренне одинок.

Иногда Алексей вдруг попадает под обаяние какого-нибудь неординарного художника. Но это только кажущаяся схожесть с манерой живописи не характерной для творчества Гвардина. Так в полотне «Символ любви» (2012), возможно, и проявляются нотки влияния звучащих партитур великолепного символиста Азизова Р., но это уже, поверьте, несколько иная интонация звука. Гвардин как будто пробует на вкус этот инжир восточной экзотичности, сплетая в карусели вихревых объятий влюбленных высокой поэзии. Но только пробует и дальше одного нажима этой клавиши он уже не идет. Художник видит, что это иная тропа, а по ней идти – все равно, что исполнять песню с чужой партитуры. Но он не «исполнитель ремейков», как многие из отечественных «творцов национального искусства», он сам композитор и исполнитель своих произведений.

¹ В этом деле замешана женщина (франц.).

Измумительна работа «Где-то далеко» (2012). Это небольшое полотно как гимн преданности, осознание надежности, сострадания и сопричастности в сложной круговерти жизни вырастает до невероятных размеров, заполняя все пространство Вселенной любовью. И правильно пишет сам художник на струне истосковавшейся любви, проецируя на холст свою собственную жизнь:

*Если есть в этом мире любовь...
Значит, есть, где сидеть в надежде,
Значит, будут опять вновь и вновь
Расставания и встречи как прежде.
Значит где-то на этой земле
За Него будет сердце в тревоге,
И сквозь капли дождя на стекле
Суждено Ей смотреть на дорогу...*

И опять, на полотне Природа существует не как фон, но словно расшифрованная структура состояния души художника.

Во взгляде героини картины я не вижу тоски и страдания как, казалось бы, должно было быть. Есть только затаянная грусть и тревожный вопрос. К кому этот немой вопрос – к художнику или к нам, зрителям? Но несомненно, что это запечатленное мгновение откровенно любящей души. Такого трогательного и чувственного полотна не было на выставках уже более пяти лет, и появление этой загадочной дамы на «Pastello II» в залах галереи Национального банка стало знакомым. Капли дождя, отделяющие нас от Дамы, как символ очищающей чистоты помыслов. Правда, при этом мы, зрители, оказываемся во тьме крошечной и под дождем. Это Истина. Может быть, так и есть, что прекрасной Даме открыто что-то иное, непостижимое для нас? Нам надо только пройти и преодолеть все трудности путей-дорожек жизни, чтобы понять этот откровенный взгляд.

Можно ли Алексея сегодня назвать новатором станковой живописи? Несомненно. Ибо его творческая стезя проходит по еще пока не хоженным тропинкам современного искусства, которые непременно расширятся до столбовых дорог, определяющих одно из направлений на предстоящее столетие вперед. Он не помчался по стезям от фигуративности к беспредметности, как это пролонгируется среди части наших живописцев. И нет в работах Алексея никакого «мультикультурализма». Но об этом чуть позже...

Если мы посмотрим на его интересную полуграфическую серию таких работ как «Жребий – бессмертие» (2010 г.), «Имя мое – иероглиф» (2011 г.), «Луна и бубен» (2010 г.), то окажемся в знаково-символическом мире, наполняющем душу художника и переданного через вживание каллиграфии (Слова) в природу Бытия.

Картина жесткой абстракции как потерянная во времени самовоспроизводящее Слово, которое было основанием разумности человеческой после того, как застыло расплавленное тело Земли, и через миллиарды лет холодные кристаллы рисуют нам иероглифы. При этом Гвардин варуг видит среди этой кристаллической решетки пророческие: «...дни мои – тень танцующих журавлей // тень моя – память этих камней // имя мое – иероглиф...»! Хайку в стиле японских мастеров кисти на полотне «Имя мое – иероглиф», но переосмысленное литературным табу русского стихосложения, только обогащают своеобразными красками стиль автора.

Жук, ползущий к свету Луны сквозь траву, ставшую кристаллами, но над всем этим – египетский знак вечной жизни и камуфлированное воззвание к бессмертным богам. Это описание полотна «Жребий – бессмертие». Но по сути, эта игра Разума есть не более, чем ассоциативная нота какого-то большого символического сочинения, неведомого, неслышанного, ненайденного и непознаваемого. Понять бы смыслы Бытия – вот жребий кажного бессмертия.

Правда, не совсем ясный образ Луны как центр притяжения – символ бессмертия и доброты гуманных душ, которые олицетворяет этот жук. Может быть, это то самое подсознательное (лунное) художника? Время все расставит по своим местам и даже чувства глубоко скрытые.

Как заклятия шамана эпиграфика на полотне «Луна и бубен», не текст, а символ смыслов так и не понятых нашими современниками. Ибо зачастую историческая основа затеряна в умышленном трактовании ценностей, надуманных, иреальных, фантастических. Древняя стена в левой части полотна рушится растворяется, сливаясь с прахом повседневноности. Бубен, ставший Луной, или Луна, превратившаяся в бубен, зывают сквозь время, превращая строения человеческие в кости хребта разрушающегося. Это как бы и реально, но не всегда, поскольку материальное, становясь прахом, приобретает иную, новую реальность. А что за этим? За этим происходящим, как и в японских хайку, простота! Вспомните в привычное – и увидите неожиданное, всматривайтесь в некрасивое – и увидите красивое, всматривайтесь в простое – и увидите сложное, всматривайтесь в частицы – и увидите целое, всматривайтесь в малое – и увидите великое.

Всматривайтесь, вслушивайтесь, вникайте, не проходите мимо. Увидеть прекрасное и не остаться равнодушным – вот к чему призывает нас живопись и поэзия Алексея Гвардина, воспевающая человечность в Природе и одухотворяющая жизнь Человека.

Одна из его уникальных работ этого плана выполнена в, казалось бы, бессмысленных расчерках пера тушью – это «Гейша». Полотно, где из туманного бессмыслия вдруг вырисовывается образ идущей навстречу к зрителю молодой женщины. И чем больше вглядываешься в реализуемый пером образ, тем больше он рождает необыкновенных ощущений. Кажется, что идущая женщина несет в руках не то цветок, не то чашу с напитком. А, может быть, свиток со стихами? Как знать, как мыслить и гадать: «О, гейша, // лепестки цветущей сакуры, // унесенные водой // о, гейша, // упавшее перо // взлетевшего журавля // о, гейша, // терпкий запах // белой хризантемы // о, гейша, // раствори меня // собой». Эти слова дополняют визуальный ряд выстроенного на полотне образа.

В этой работе, можно сказать, он обошелся без цвета. Только подвеченный голубоватый фон придает произведению объем и какое-то нереальное свечение.

Совершенно особое отношение художника к образу женщины в его живописных работах. Он идет по открытой тропе почитания этого образа. В 2010 году он пишет «Похищение Европы», где во главу идеи поставлен не преобразженный Зевс, а ассоциативный облик дремотной Европы, пребывающей то ли в забытие, то ли под воздействием чар Морфея. Цветовая палитра подобрана сочная, внятно говорящая, по мнению автора, о сказочности события.

Такой же мифический образ «Ундины» Гвардин создает в том же году, но подходит к этому портрету совершенно иначе. Это не просто воображаемая русалка, обитательница бездонных глубин, это достоверный, реальный образ удивительно красивой женщины, взгляд которой наполнен потаенным смыслом. Вместе с картиной «Где-то далеко» эта работа является удивительно проникновенной, многозначной и диковинно удачной. Портрет дамы с ожерельем из многочисленных жемчужин настраивает на массу вопросов об отношениях между влюбленными, о смыслах и знаках Бытия. И вместе с тем Алексей, помещая свою натуру в царство Посейдона, нас – зрителей – вводит в этот мир, превращая зрителя в достойного обитателя этой стихии. Работа наполнена большими ассоциативными подтекстами. Когда-то в другой жизни мне в детстве часто снилась Ундина – плод воображения мальчишки, прочитавшего Василия Андреевича Жуковского, переложившего на стихи прозаическую повесть немецкого писателя Ламота Фуке. Читал я «Ундину» тайно, ибо в то время у нас в стране не очень-то жаловали зарубежных писателей и особенно – немцев.

Потом уже я видел много разных иллюстраций к этому произведению. Но даже так нахваливаемые сегодня в России картинки художницы В. М. Мусихиной не могут и близко сравниться с замечательными работами Гвардина. Такого проникновенного психологического состояния, запечатленного художником, не смог выразить ни один иллюстратор. Жаль, что цикл работ, посвященных Ундине, пока остается Алексеем незавершенным.

...Веков прошедших скоротечность

Их имена не источила.

Любовь их обрекла на Вечность,

И даже смерть не разлучила.

Такой же откровенный символизм и, даже можно сказать, многозначительные ассоциации наблюдаются у художника в картине «Яблочный Спас» 2012 года. Именно эта работа в своей моноцветности порождает чувство радости, какого-то счастливого ожидания и откровенной одухотворенности. Художник в дальнейшем будет часто обращаться к преимуществам одной цветовой гаммы. Ведь именно подбор этих цветовых взаимоотношений с идеей картины, ее смысловым содержанием позволяет ярче, эмоциональнее запечатлеть жизненную позицию автора.

III ЭПОД.

Но промелькнуло время крыльями стрижей,

Ушел в былое бой с единокором.

И кажется смешным теперь уже,

Что свято верили в Любовь и в Бога...

Алексей Гвардин.

Стремясь к техническому совершенству, Гвардин сознает диалектический закон о том, что за некоторым пределом качественного накопления технического совершенства оно переходит в качественное целое, становясь концепцией содержания. К искусству прошлого Гвардин всегда подходит «утилитарно» как «профессионал», не желая предаваться восторгам «дилетанта». По-разному складываются у него взаимоотношения с

современностью. Иногда эти отношения выливаются в протестные сиюминутные сатирические рисунки такие, как: «Капитуляция», «е-ртолет», «Легионер», «Коротка кольчужка», «Only good news», «Инфоршторм», «Зов природы», «Пацифисты», «Поедино», в которых проблемы планетарного масштаба переданы языком юмора. Язык разумного доброжелательного юмора, воплощенного в профессиональные рисунки, во все эпохи был языком интеллектуалов. Десятки и десятки работ Гвардина, наполненные чувством доброжелательного юмора, позволяют назвать его в числе ведущих карикатуристов Республики. Каждый его рисунок, как стоп-кадр повествовательной истории, наполненной чувством прекрасного юмора, многозначительностью и некоторой недосказанностью. Эта сторона творчества Алексея Гвардина достойна отдельного интересного рассказа. Именно эта его способность «остановить мгновение» позволяет Алексею работать художником кино. Точнее – в мультипликационной «стране», наполненной сказочностью и отчасти мистикой.

Может кому-то показаться вдруг, что «Узбекфильм» пробуждается от долгой «спячки»: раскол СССР и застоявшееся малокартинье было, как известно, губительным для небольших киноколлективов. Преодолевая многочисленные препоны, пришла к творчеству группа режиссера Назима Туляходжаева, который решил разрабатывать привычную и понятную тему. Фильм «Легенда о Шираке» по сценарию Эльмиры Хасановой, выпущенный открытым акционерным обществом «Узбекфильм», как бы продолжил уже известную тему в анимационном мире. Художником-постановщиком этой работы стал Алексей Гвардин. Он же входил и в число художников-аниматоров фильма. В этом же 2011 году Гвардин работает художником-постановщиком фильма «Фархад и Ширин». Этот мультфильм снимала та же команда. Фильм получился очень ярким, наполненным интересными цветовыми эффектами.

...И только глубокой ночью, когда замирает за окном шум городских магистралей и наступает время снов и сказок, Алексей достает листы и раскадровывает мир иной, параллельной Вселенной, где живут в доброте и гармонии чудесные люди, так похожие на нас с вами. В «стоп-кадрах» он рассказывает новую, самую правдивую историю необыкновенного мира своим детям, которые когда-нибудь, вдруг неожиданно для себя, увидят эту фантаσμαгорию Истины. С каждым рисунком рождается необыкновенная история, точно такая же, какие мне рассказывали пожилые мастерицы в кишлаках Уба и Касби, разыгрывая глиняными фигурками жизнь параллельного мира, в который совсем не каждому вход разрешен.

IV ЭПОД.

*Толкните маятник умолкнувших часов –
Пусть стрелки вновь отсчитывают Время.
Услышите Его ход средь голосов
И бросьте в землю хоть единственное семя...*
*Пусть даже не проклюнется зерно,
Но не было еще весны отмены.
Вспять Времени идти не суждено,
Толкните маятник. Толкните непременно.
Алексей Гвардин*

Поиск красоты – дело абсолютно безнадежное, ибо определение «красота» настолько условное, что и спорить-то в этом случае не о чем. Красота легкого махаона ничем не лучше красоты отяжелевшего многотонного диплодака. При этом замечу по секрету, что каждый художник стремится обязательно, изобразить идеальную красоту. И в этих, на мой взгляд, бесплодных потугах они растрачивают всю жизнь, но в принципе, художники изображают самих себя. Не автопортреты, а именно тот мир внутренней красоты, которым охвачено сознание творцов, и который выплескивается на холстах, в камне или бронзе.

*Не меряйте меня своим аршином,
не выносите смертный приговор.*

*Никто не знает, где мои вершины,
да я и сам не знаю до сих пор...*

Искусство Алексея Гвардина – это поиск объективных и наиболее полных форм самовыражения. Но величайшей из форм искусства для человека является музыка. И никто этого не сможет опспорить. Музыка является доподлинным выражением интеллектуальной культуры народа. Однако это так до тех пор, пока внутренняя музыкальная гамма не начнет находить свое выражение в живописи! Ибо живопись – это и есть музыка, записанная цветом, виртуозностью рисунка, визуально выраженная мысль. Вместе с тем это

есть ассоциативное восприятие действительности, которая таковой не является.

Гвардин предпочитает называть этот вид искусства «Ассоциативной графикой», «... Искусством, определяющим неразрывную связь между внутренним миром человека и многогранностью окружающего мира через цепь ассоциаций. Всем этим графическим работам присущи спонтанность интуитивного импульса и характерный для творческого начала элемент случайности, а также отстраненность от нормативности и выход за рамки общепринятых традиций». За идейный постулат принято осознание постоянно изменяющейся действительности на основе изменчивости восприятия, происходящей под влиянием объективных и субъективных факторов.

«... Психологический момент ассоциативного восприятия может быть представлен в виде условной схемы, — утверждает Алексей Гвардин. — ... Иллюзия и действительность, непредсказуемость и консерватизм, инстинктивность и осознанность, преломляясь в призмах информативности подсознания, трансформируются в форму субъективного восприятия, т. е. ассоциации».

Подобного даже не встретишь в нынешней авангардной школе России, своеобразной, но не новаторской, хотя ее пропаганду так активно проводят Татьяна Левицкая, Илья Кабаков, с инсталляциями Андрея Молодина.

Гвардин создает совершенно небывалое видение, с точки зрения авангардного искусства, картину «К свету идущие». В картине сочетания разных оттенков желтого с сочным коричневым в ареале золота солнечного цвета не просто притягивает, а, несомненно, поглощает зрителя всего, поощряя к действию, к стремлению к открытию, будоражит фантазию и антигедонистическое воображение. Абстрактные фигуры (мужчин, женщин) как будто выплывают из нашего фантастического подсознания. Они, идущие, короли и королевы мира, горды и недостижимы для всего суетного, мелочного. Они «создатели нового мира»! Эти сущности существуют в каждом из нас, но мы либо не догадываемся об их существовании, либо, зная, боимся этого в силу своего примитивизирующего нас мира. Именно тогда, еще в 2006 году, для Алексея как бы открылась иная Вселенная — параллельная той, в которой мы с вами пребываем...

Алексей Гвардин чуждается примитивизации личности в зрителе, якобы неспособном ни к развитию, ни к инновациям из-за неумения понимать язык живописи. Мир меняется, и мы уже не можем подобно египтянам загнать человеческое естество в жесткие рамки, хотя и следуем по пути, который начали наши предки более тридцати тысяч лет назад.

Пока еще привычно используется термин «искусство» в нашу эпоху массовой культуры, маркируя те процессы, характеризующие систему высокого искусства как систему с характерными родовыми признаками видимой и самодостаточной. В прошлом традиционные искусства маркировались как традиционные художественные ремесла. Прежняя дуальность: художник — ремесленник, сакральное — профанное, высокое — низкое — в новую эпоху массовой культуры потеряла свою актуальность. Низкое вытеснило высокое, сакральное. Высокое искусство как «неотъемлемая часть той или иной культуры, его эстетическая составляющая» превратилось в часть массовой культуры, став выразителем ее эстетической составляющей, то есть потеряло свое прежнее предназначение — являться сакральным, духовным, высоким, элитарным.

Человек, не испытывший интенсивных чувств и переживаний, не только не может стать художником, но и не может воспринимать должным образом произведения искусства, равнодушен к ним.

Оригинальная (теургическая) тропа ведет Гвардина на настоящий карнавал чувств и эмоций. Именно так — «Эмоции» — он назвал в 2010 году один из самых великолепных своих циклов картин. Музыкальность живописи в «Танше» из этого цикла, вводит зрителя в вихревой ритм синего в туманном мареве красного. Вихри оранжевого в «Монголии», создают видимость раскосых глаз и звуков гортанного пения пастухов. Зелень весеннего «Наврзу» расцветает в всполохах цветущих тюльпанов. Его картина «Золото Бухары», будто подсвечена голубыми изразцами древних куполов. А на полотне «Ностальгия» чувственная музыка рождает ностальгические эмоции. Эмоционально насыщена работа этого цикла «Персидская поэзия». Именно с этой работы начинается многокрасочность музыкальных эмоций и уже по-настоящему это необычное в нашем сегодняшнем восприятии искусство видно в «Осеннем букете», «Кальяне», в «Красной арче», «Сон-траве». И хотя теургическое искусство продолжает традиции «беспредметной» живописи, но все равно, часто эмоциональное воспроизведение чувствительности как бы неожиданно, вдруг, проявляет себя ассоциативной образностью, которую мы можем видеть на таких полотнах, как «Небесные зерна граната», «Бокал старого вина», «Гранат зреющий».

Только острое ощущение и понимание традиций философской составляющей этнических особенностей большинства народов Центральной Азии позволяют в этой живописи Алексея Гвардина увидеть яркую красоту Бытия. Думаю, что этому эмоциональному порыву художественного творчества подвержены все этносы Востока, в противовес холодной

сдержанной разумности европейских пророков живописи.

Появление необычного цикла картин «Ожидание праздника» – явление небывалое в истории живописного искусства Центральной Азии. Ну, как же можно описать раскрывающийся в цветении бутонов. Как бы вы не изгалялись, никогда не опишете всю прелесть и красоту этого явления. Только любовь где-то в глубине сердца вдруг коснется этого запретного для любого смертного явления: рождение, раскрытие и увядание Красоты. Это именно тот миг, когда душа, не скорбя, плачет в умилении радости чудесного внутреннего излечения. Это не карнавал, где за красками, цветистостью мы пытаемся скрыть трудность жизни, свою беспомощность и отчаянную слабость, перемешанную со страхом неминуемой смерти, это тот самый гимн душе, которая в отчаянных обстоятельствах вдруг обретает бессмертие. В каждой этой безымянной работе вдруг открывается Откровение (Апокалипсис) о смыслах жизни, о сотворении Вселенных и роли, которую мы там должны сыграть. Мы – сотворители Вечности. Красно-синяя вакханалия чувств, с проблематикой зеленого как увертюра к Бесконечности. И в этом был весь выплеск внутренней неустойчивости художника, его веры в Беспредельность. Но радость той ассоциативности, которая возможна только в живописи, потрясла его искания. И он остался один! Один!

Мне кажется, что Алексей Гвардин увидел это создание, рождение, возникновение, появление Вселенной, но в результате – остался один на один с Откровенностью. Может быть, это и страшно? Ведь целая Вселенная вдруг возникает в сознании!

Что там говорить, именно эту манеру изображения прекрасного, построенного на ассоциациях и можно считать *теургическим* искусством. Эта концепция «теургического искусства» сложилась в рамках русского поэтического символизма, опиравшегося, в свою очередь, на утопические идеи Н. Гоголя, Ф. Достоевского, а также на концепцию теургического искусства В. Соловьева. Сама же идея «пересоздания мира» относится к III–V векам н. э., временам бытия герметических и оккультных течений. Н. Бердяев считал, что «*теургическое творчество в строгом смысле слова будет уже выходом за границы искусства как сферы культуры, как одной из культурных ценностей, будет уже катастрофическим переходом к творчеству самого бытия, самой жизни*»¹. Историческое завоевание того времени – это освобождение искусства от бремени устоявшихся стереотипов, от всякого рода традиционности, нормативности; это поиск иных путей развития, новых форм и средств; это постановка новой задачи перед искусством, задачи религиозной – приближение человека через творчество к Богу. Так перед искусством встала задача преодоления дискретности, несовершенства мира. Но прежде ему необходимо было преодолеть дискретность самого искусства, став «цельным творчеством». Над этой проблемой работали В. Кандинский, Вячеслав Иванов и, в особенности, Андрей Белый. Красной нитью проходит у него мысль о всеобщей музыкальности мира и искусства. Эта идея, чрезвычайно популярная на рубеже веков, восходила к философии А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Если заглянуть в глубь веков, то уже в VI–IV веках до н. э. в рамках пифагорейства существовала теория гармонии сфер, утверждавшая тождественность законов и принципов существования космоса и музыки. Но пифагорейцы подходили к проблеме музыкальности мира рационалистически, видя основу гармонии космоса в численных отношениях, аналогичных тем, что управляют миром музыки как акустическим явлением. Представители русской культуры «серебряного века» и в первую очередь русского символизма, трактовали музыку мистически, считая, что в музыке проявляется сущность мира: «*В музыке нам открываются тайны движения, его сущность, управляющая миром*»².

Показать и увидеть эту музыкальную ассоциацию Гвардину удалось в оригинальном цикле работ «Сквозь капли росы». Эти работы стали настоящей симфонией сине-фиолетового цвета с красноватыми отблесками, которые и впрямь можно было ассоциировать с каплями холодной утренней росы. Как бы переливающиеся на солнце кристаллы краски растекались потоками по холсту. Это была уже радикальная форма поиска ассоциативной красоты. И действительно, именно в этих работах как будто заключен весь макро и микрокосмос.

Эти работы были не просто «*выходом за границы искусства*», это уже иное понимание самого живописного искусства, его предназначения, его новооткрывателя глубокой духовной сущности, которая заключена в человеке, в его душе. Именно музыкальность творчества Гвардина ставит его в один ряд с классическим пониманием теургического, т. е. нового искусства.

Неудивительно, что музыку считали универсальным языком, который «*объединяет и обобщает искусство*»³ и который способен говорить о горнем. Влияние музыки на другие виды искусства – характерная черта времени. А. Белый писал по этому поводу: «*Не будут ли все формы проявления прекрасного все более и более стремиться занять места обертонов по*

¹ Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры, искусства. В 2-х т. М., 1994, с. 400.

² Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.

³ Там же.

отношению к главному тону, т. е. к музыке?»¹. Как практическое осуществление этой идеи можно назвать симфонию самого А. Белого, сонаты М. К. Чюрлениса, светомузыкальную поэму «Прометей» и замысел «Мистерии» А. Скрябина.

Наравне с созданием синтезированного языка, стоял вопрос об универсальном произведении искусства. Найдя такую форму, где все искусства органично соединились бы в едином творческом порыве, как музыканты в оркестре, дополняя друг друга и не теряя при этом своей значимости, можно было бы говорить о создании искусства будущего.

Идея «теургического искусства» требовала большего пространства – жизни; а не сцены. Как нельзя лучше для этой цели подходила форма античной мистерии, воспетая Ф. Нише и подхваченная русскими символистами: А. Белым и Вяч. Ивановым, «Мистерия (...) наиболее подходящая форма для теургического искусства, поскольку личность зрителя соучаствует здесь в хоровом ритуале как компонент «соборного» действия, на которое он проецируется»². В новых условиях, когда «искусство судорожно стремится выйти за свои пределы», когда «нарушаются грани, отделяющие одно искусство от другого и искусство вообще от того, что не есть уже искусство, что выше или ниже его»³, перед автором встала проблема – посредством своего творчества раскрыть человечеству Тайну мира. В результате родилось не только новое искусство, но и появился новый тип творца, соединяющего в одном лице и ремесленника, и мыслителя, а зачастую критика и теоретика нового искусства. Примером может служить творческий гений А. Бенуа, К. Малевича, В. Кандинского, А. Скрябина, А. Белого, Вяч. Иванова, Д. Мережковского и других. Проблемой теургии активно занимался А. Белый, чье литературно-философское наследие охватывает очень широкий круг вопросов, затрагивая практически все разделы философии. Белый восстает против искусства тенденциозного, утверждая новый культ – красоту.

Рассматривая вслед за Вл. Соловьевым красоту как категорию метафизическую, Андрей Белый не признавал так называемого «чистого искусства», как и вообще искусства гедонистического. Он наделял искусство смыслом религиозным, рассматривая его как «средство борьбы за освобождение человечества». Искусство, – в понимании А. Белого, – есть та грань жизни человечества, которая демонстрирует возможности человека, его способность творить, т. е. преобразать действительность. Преображенный мир, мир художественных образов-символов – это еще материальный мир, в котором внешняя форма продиктована внутренним содержанием. «Само искусство есть предвкушение победы над роком в момент роковой борьбы духа с формой. (...) В тот момент, когда мы сумеем подчинить себе окружающий мир переживанием так, чтобы течение виальности не врезалось в нашу душу негармонично, а, наоборот, в тот момент, когда душа претворяла бы видимость по образу и подобию своему, совершилась бы победа над роком». Таким образом, искусство – это тот путь, который ведет человечество к преодолению зависимости его духовного «Я» от физического и к окончательному торжеству Духа. Сам термин «теургия» и его понимание Белый заимствовал у Вл. Соловьева, чье влияние на символистов было очень велико. Соловьев попытался теуретически обосновать возможность творческого пересоздания действительности человеком.

По Соловьеву, не трансцендентный Бог влияет на ход истории, на ее отдельные события, но сам человек пробуждает в себе Божественные силы, творческую волю с целью пересоздания всего мира, а не отдельных его явлений. «Задача искусства в полноте своей как свободной теургии состоит ... в том, чтобы пересоздать существующую действительность, на место данных внешних отношений между божественным, человеческим и природным элементами установить, в общем, и частности, во всем и каждом внутри, дорические отношения этих трех начал»⁴. Белый проецирует теургический принцип на человеческую личность. Поэтому теургическое преобразование мира – это, прежде всего, пересоздание человеческой личности: «идеал красоты – идеал человеческого существа; и художественное творчество, расширяясь, неминуемо ведет к преобразению личности». Задача, которую ставили перед собой художники рубежного времени, была не по силам искусству в том его состоянии, в котором оно находилось к концу XIX века. Воплотить Абсолют – это значит воплотить все во всем, запечатлеть Идею. Такая постановка проблемы не отрицает обращения к образам действительного мира, т. к. печать Божественного лежит на всех Его творениях, в том числе и материальных. И Гвардин как будто чувствует, что задача художника при этом усложняется тем, что ему необходимо увидеть это Божественное в мире и воплотить средствами искусства таким образом, чтобы единичное не утратило своих специфических черт и в то же время своей связи с Богом.

Таким образом, искусство смыкается по своим целям и задачам с другими отраслями:

¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.

² Юрьев З. О. Андрей Белый: преобразование жизни и теургия // Русская литература. 1992. ³1, С. 65.

³ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 102.

⁴ Соловьев Вл. С. Сочинения. В 2-х т. М., 1988. С. 744.

с метафизикой (выявление общих законов мироздания); с гносеологией (познание их через творчество, точнее, через откровение в процессе творческого акта); с психологией (воплощение открывшейся Истины в таких формах, воздействие которых будет наиболее сильным и всеохватывающим). «Искусство не в состоянии передать полноту действительности ... Оно разлагает действительность, изображая ее то в формах пространственных, то в формах временных»¹. Главным «ограничителем» человеческих возможностей в познании Истины (в том числе и в области художественного творчества) А. Белый называет человеческое сознание, которое всегда мыслит в пределах нашего мира, мира, где правят пространство и время. Но есть одна соединяющая нить, связующая миры – духовный и физический – есть голос, который звучит в действительном мире, но говорит о Большем.

Разумеется, устремления художника Алексея Гвардина, это не идеализация своеобразных идей Эдуарда Штейнберга, нонконформиста. Это новый, абсолютно аполитичный тренд, выработанный в процессе духовных исканий художника. Его взгляд на момент, когда предчувствуется катастрофа. Именно это предчувствие и подвигает художника в ряд пророков. Это момент физического ощущения образов, скрытых под абстракциями, цветовыми разводами, рожающими эмоциональные переживания.

Гвардин в своих необыкновенных для нашего восприятия работах шагнул через супрематизм к истинно эмоциональному, т. е. к теургическому направлению в искусстве. Сегодня это направление не просто редкое, а, можно сказать, просто небывалое! Именно к такому окончательному воплощению эмоционального воспроизводства результатов художественного труда стремились Казимир Малевич, Эль Лисицкий, Вера Ермолаева, Николай Суетин, Илья Чашник и целый ряд их последователей в поисках новой формы самовыражения.

Метод, например, И. Чашника основан на рациональности пластических экспериментов и системности формального решения. Разработка собственной версии супрематизма привела художника к достаточно оригинальной трактовке взаимоотношений цвета и формы. В творчестве Н. Суетина органично соединялись две линии: супрематизм как таковой и поиск автономного варианта беспредметной системы. Для него первостепенным являлось создание художественного образа супрематического космоса, причем, он ориентировался на утверждение К. Малевича о природоестественной сущности супрематизма.

Мне кажется, что Гвардину удалось создать этот визуально-живописный космос с иными параметрами Вселенной. Эти искания художника приметны в его цикле композиций «За миг до начала...». В ней он видит не только создание нашей Вселенной, но и явление мириадов иных, может быть, параллельных Вселенных. Эмоциональная красота того самого «первоначального взрыва», как говорят ученые-астрономы, и была явлением Божественной воли. «Божественной» только потому, что объяснить иначе невозможно не только суть, но, что самое важное, смысл зарождения нового и пока непознаваемого цикла появления множественных Вселенных. Начало всех начал! И тогда понятен древний смысл толкований тибетцев о возрождении любой формы жизни бесчисленное число раз. И символ энергетического выброса ошутим любым зрителем просто физического. Всмотритесь и почувствуйте жар извечного золотого огня, который до сих пор кипит в ваших жилах. Вы чувствуете? Значит вы на пути познания смыслов!

Следующее полотно – это уже предсказания о формировании иных Вселенных! Где они были увидены, прочувствованы художником? Но нет никакого сомнения, что это было и есть именно так, а не иначе. В каждой сфере – наш мир Вселенной. Потом эти Вселенные дробятся, как во сне любого человека, на отдельные параллельные, но реальные миры. Сны становятся повседневностью, они реальные действительности, и тогда мы, вдруг, осознаем, что не в состоянии отделить реальность от сна! Мы открываем глаза – видим бездну. Бездну Вечности, в которой обретаем в реальности! Но так сладки и прелестны эти сны! И потянулись Время поиска параллельной Вселенной, той, которая и есть сама настоящая Реальность...

Когда-то художник Эдом Рейнхард сказал: «Об искусстве можно сказать только то, что оно есть **нечто**. Искусство есть искусство как искусство, а нечто другое есть нечто другое. ...Искусство не есть то, что не есть искусство»². Скучно, правда ли? Ну а мне думается, что Искусство – слуга не воли, а мысли, не практики, а науки.

...Поднявшись на тысячу лет над землей,
Я заблудился среди звезд,
Но не стал я искать возвращения...

¹ Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 102.

² Рейнгард А. Я. Современное западное искусство. Борьба идей. М. Изд. «Изобразительное искусство». 1983.

караван истории

Рубен НАЗАРЬЯН

Кандидат филологических наук, доцент СамГУ, председатель правления Самаркандского общества преподавателей рус. яз. и лит. Автор многочисленных научных статей, опубликованных в разных странах, нескольких книг и монографий. Победитель международного конкурса Фонда Д. Сороса «Культурная инициатива», удостоен российской медали в ознаменование 200-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ¹

«АБУ САИД СТАЛ МОИМ НЕИЗМЕННЫМ УЧЕНЫМ СОВЕТНИКОМ...»

Имя В. А. Вяткина, без сомнения, известно всякому, интересующемуся историей Самарканда, человеку. А также и людям, увлекающимся астрономией. Ибо, помимо его многочисленных заслуг в области краеведения и изучения старины, именно Василию Лаврентьевичу принадлежит честь обнаружения остатков знаменитой обсерватории Улугбека. Это произошло 105 лет тому назад. Однако широкому кругу наших современников практически незнакомы имена других людей, прямо или косвенно причастных к этому грандиозному событию. Этот рассказ об одном из них.

Уже в первые месяцы после завоевания Самарканда таинственный пригородный холм По-и-расад привлек внимание русских археологов. Командированный сюда генерал-губернатором Туркестанского края для поисков библиотеки Тимура востоковед и этнограф Александр Кун неоднократно посещал это место. А спустя несколько лет в изданном им «Туркестанском альбоме» были помещены несколько снимков, на которых явно видны следы древних построек на холме. Затем археолог Н. И. Веселовский и краевед А. С. Баршевский расспрашивали местных жителей о местонахождении обсерватории Улугбека, пробовали даже вести раскопки, но безуспешно.

Первым человеком, правильно указавшим местонахождение исчезнувшей обсерватории, был большой знаток края В. П. Наливкин. Он полагал, что ее следует искать на берегу арыка Оби-Рахмат, в окрестностях Самарканда, близ тогдашней почтовой дороги на Ташкент. «Это место, — писал Наливкин, — имеет вид холма с несомненными пустотами внутри и следами раскопок, производившихся туземцами». Он доказывал, что не только бытовали слова «По-и-расад», «Тал-и-расад», но и делались попытки проникнуть в тайну развалин и чем-нибудь там поживиться. Но прошло целых десять лет, прежде чем догадка Наливкина подтвердилась. В. А. Вяткин, отлично владевший восточными языками, обнаружил в одном документе XVII века указание на то, что один из участков по арыку Оби-Рахмат именовался «Тал-и-расад» (т. е. холм обсерватории). Документ трехсотлетней давности, подтвердил правильность бытующего в народе названия холма (По-и-расад)...

Активно участвовал в поисках обсерватории самаркандский житель Абу Саид Махзум, сын мударриса (преподавателя) медресе Шейбани-хана. Человек этот, получивший духовное образование, с юных лет интересовался историей родного

¹ Цикл статей о становлении туркестанской национальной интеллигенции, публикация начата в «Звезде Востока» № 3, 2014 г.

города: он, как никто другой, был знаком со всеми архитектурными достопримечательностями средневекового Самарканда и его окрестностей. Кроме того, Абу Саид был известен в городе не только как собиратель и обладатель коллекции восточных рукописей, но и как прекрасный каллиграф, свободно владевший арабским языком. К нему неоднократно обращались русские ученые с просьбой о копировании надписей на архитектурных памятниках Самарканда. И вполне закономерно, что обширные познания самаркандца обратили на себя внимание Н. И. Веселовского, осуществлявшего в середине 1880-х годов раскопки на городище Афрасиаб. Между ними установились дружеские отношения. В знак уважения к известному ученому Абу Саид в 1896 году подарил Веселовскому прекрасно выполненную копию рукописи Абу Тахира Самарканди «Самарийа» (середина XIX века), содержащую ценнейшие сведения об истории Самарканда и его округа. Подарок свой он сопроводил витиеватой восточной надписью: *«Эта книга, сладостью превосходящая сахар, в подарок Вам пришла из Самарканда. В ней собраны все следы и признаки времен, и в действительности, как посмотришь, словно весь Самарканд к Вам прибыл»*. В 1904 году Веселовский издал таджикский текст этой рукописи в Петербурге, со своим предисловием. В нем было отмечено, что Мирза Абу Саид Махзум является «одним из самых начитанных в мусульманском мире» жителей Самарканда. Нет сомнения, что именно это обстоятельство и сделало его ближайшим и наиболее полезным сотрудником В. А. Вяткина в период поисков обсерватории.

Хорошее знание письменных источников сочеталось в этом человеке с прекрасным знанием исторической топографии Самарканда. И потому Вяткин не раз консультировался с Абу Саидом при изучении неясных мест в текстах восточных рукописей, в частности, вакуфных документов, содержащих подробные описания пригородных мест Самарканда. Он писал: «Абу Саид стал моим неизменным ученым советником и оказывает мне немалую помощь с редким усердием и бескорыстием». Абу Саид помогал Вяткину собирать народные поверья и легенды об обсерватории, выписывал известия о ней из различных восточных рукописей. Обобщив собственные сведения с материалами своего помощника, Вяткин приступил к раскопкам, и вскоре была обнаружена высеченная в скалистой толще земли и уходящая вглубь узкая щель. Это и был секстант – главный инструмент средневековой обсерватории, служивший для визуального наблюдения за светилами и определения основных постоянных астрономических величин. Так была сделана уникальная находка старейшего инструмента, употреблявшегося астрономами средних веков.

Отдавая должное самаркандскому энтузиасту, высококомпетентный научный орган – Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении – по представлению В. В. Бартольда, отметил заслуги Абу Саида Махзума специальной премией. В своем ходатайстве маститый ученый писал, что «сведения, сообщенные Л. В. Вяткиным, показывают, что помощь Абу Саида была для него очень ценна как при установлении места обсерватории Улугбека, так и при производстве раскопок». На своем заседании, состоявшемся 11 февраля 1909 года, Русский комитет единогласно постановил удовлетворить ходатайство В. В. Бартольда. Таким образом, самаркандец стал вторым, после ташкентца Акрама Аскарова, коренным представителем населения туркестанского края, заслуги которого были признаны научным сообществом.

Однако Абу Саид ненадолго пережил открытие остатков знаменитой обсерватории. В одном из своих писем академику В. В. Бартольду (1910 г.) В. Вяткин сообщал, что «весной на раскопке цитадели (городище Афрасиаб – Р. Н.) Абу Саид раза два три приезжал... но был уже крайне плох». А в очередном письме (от 10 декабря 1910 г.) самаркандский краевед известил того же адресата об утрате общего знакомого: «Умер Абу Саид»...

ИМЯ, НЕ ПОДЛЕЖАЩЕЕ ЗАБВЕНИЮ

Сведения об этом человеке, дошедшие до нас из дали времен, весьма скудны. Мы не знаем ни его биографии, ни подробностей творческой жизни, ни дат его рождения и смерти. Все то немногое, что сохранили нам архивы, связывает имя самаркандца Абд ар-Рахмана лишь с именем известного востоковеда А. Л. Куна. И посему современному читателю, желающему что-то узнать о своем достойном уважения земляке –

подвижнике науки, просто необходимо хотя бы фрагментарно познакомиться с турецким периодом биографии этого российского ориенталиста, продолжавшемся около полутора десятилетий.

В июле 1867 года, образованная двумя годами ранее Туркестанская область, входившая в состав Оренбургского генерал-губернаторства, была преобразована в самостоятельную административную единицу – Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте. Новый край испытывал острую нужду в специалистах-востоковедах, и потому в ноябре 1867 года в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана был прислан из Оренбурга молодой человек, которому предстояло сыграть здесь заметную роль...

Звали его Александр. Он родился на Кавказе в семье Людвигу Куна – учителя-немца из прусского города Мемель – и армянки, уроженки Тавриза. Надо полагать, что интерес к Востоку и его культуре возник у мальчика под влиянием матери, владевшей, кроме родного армянского и государственного русского, еще турецким и персидским языками. В 14 лет Александр, обучавшийся тогда в Ставропольской гимназии, осиротел и остался без всяких средств к существованию. Однако, завершив обучение в Ставрополе, он в 1860 году «по милосердию добрых людей» поступил на факультет восточных языков Петербургского университета.

Несколько лет спустя, окончив в числе лучших университетский курс по арабско-персидско-турецкому разряду и удостоившись степени кандидата (его выпускное студенческое сочинение на тему «Обозрение Алкорана в религиозном и юридикополитическом отношении» было удостоено почетного отзыва), Александр Кун решил применить свои знания на практике: по рекомендации профессора В. В. Григорьева он отправился в Оренбург, где 26 января 1865 года поступил на службу в канцелярию местного генерал-губернатора. Способного и деятельного молодого человека по достоинству оценили – уже через несколько месяцев он дослужился до должности столоначальника...

Перебравшемуся в Ташкент А. Куну, знатоку ислама и восточных языков, быстро освоившемуся на новом месте и хорошо зарекомендовавшему себя, генерал-губернатор фон Кауфман поручил вскоре важное дело. В августе 1868 года он был направлен в Самарканд в распоряжение начальника Зарафшанского округа «для этнографических, статистических и исторических ученых исследований». Первоначально на него было возложено «поручение составить описание самаркандских древностей с топографическими чертежами». Осознавая всю важность этой задачи для науки, Александр Кун тщательно изучил город и его окрестности, произвел «детальный осмотр всех старинных зданий и местечек с их подземными ходами», и регулярно информировал генерал-губернатора края о проделанной работе. Исполнительный и добросовестный титулярный советник Кун сообщал фон Кауфману о том, что в Самарканде «между многими старыми памятниками есть медресе и мечети, имеющие свои вакфы». Желая строго документировать проделанную работу, он приложил к отчету сведения об этих вакфах и копии подлинных бумаг, «так как между ними встречаются документы, писанные 600 лет назад и, следовательно, интересные в палеографическом отношении». В том же послании Александр Кун пояснял: «Вообще же ко всему описанию полагал приложить общий план Самарканда, план каждого здания с фасадами и разрезами их и план эмирских садов, а также снимки с надгробных надписей».

Одновременно с этим молодой востоковед вел поиски библиотеки Тимура и собирал сведения о приобретенном здесь «Коране Османа». Столь многогранная и многотрудная деятельность оказалась непосильной для одного человека, А. Кун стал самостоятельно подыскивать себе помощников. В начале 1870 года он познакомился с жителем Самарканда, знатоком и собирателем восточных рукописей по имени Абд ар-Рахман. Александр Людвигович, профессиональный знаток Востока и страстный коллекционер восточных древностей, сразу же разглядел в нем родственную душу и приблизил к себе. С той поры самаркандец принимал участие в ряде научных экспедиций, осуществленных русскими востоковедами в первой половине 1870-х годов.

Когда Александра Куна, наряду с А. П. Федченко, Д. К. Мышенковым и другими видными учеными, пригласили войти в состав Искандеркульской экспедиции, он предложил включить в нее в качестве переводчика Абд ар-Рахмана. В задачу экспедиции, помимо сбора естественно-научных данных, входило изучение быта и языков

таджиков и узбеков верхнего течения реки Зарафшан, их религиозных верований и исторического прошлого.

Будучи пытливым и наблюдательным человеком, Абд ар-Рахман не ограничился скромной ролью переводчика, он вел дневник, в который заносил свои впечатления от увиденного, описывал памятники древности и быт местного населения. Особую значимость этому дневнику придавало специальное приложение, в которое автор включил тексты старинных надписей, встречавшихся в горных местностях Верхнего Фальгара и Матчи на скалах, придорожных камнях и надгробиях. Некоторые из них сохранили имена их резчиков. Обнаруженные и зафиксированные им надписи были сделаны людьми нескольких десятков поколений. Среди них попадались изречения безымянных горцев, извлечения из сочинений Омара Хайяма, Саади, Хафиза, Бабур-а, Бедия и ряда неизвестных нам поэтов прошлых веков. Так, на труднопроходимой и опасной горной тропе Абд ар-Рахман обнаружил соответствующий ситуации стих Бедия:

«Один шаг пути, Бедиль, от тебя до могилы.

Как слезинка на реснице висишь ты –

Будь же осторожен!».

В дневнике самаркандца были приведены уникальные данные об экономическом состоянии горного региона от Пенджикента до берегов озера Искандеркуль, сведения о хозяйственной деятельности населения, записи о ягнобском языке, на котором общались местные жители. Следует отметить, что бумаги Абд ар-Рахмана сохранились до наших дней в архиве А. Л. Куна, находящемся в Санкт-Петербурге, под названием «Дневник, веденный во время Искандеркульской экспедиции на самаркандском наречии с 25 апреля по 27 июня 1870 года».

По поручению А. Л. Куна Абд ар-Рахман вел подобный дневник и во время другой – Хивинской – экспедиции 1873 года. Специально для него Александр Людвигович составил опросник, соответствовавший «Программе географических исследований», рекомендованной Русским географическим обществом. Дневник содержал интересные историко-географические сведения об увиденном в Бухаре, Шахрисязбе и Хиве. Активное участие принял самаркандец и в изучении так называемых дафтаров (тетрадей с податными записями) из архива хивинских ханов, обнаруженных А. Л. Куном во время названной экспедиции. Эти бесценные документы тоже хранятся в санкт-петербургском архиве под названием «Реестры, составленные по материалам салгутных дафтаров хивинских ханов, писанные рукою мирзы Абдурахмана».

При содействии своего наставника А. Куна в 1872 году Абд ар-Рахман побывал в городах европейской части России. Находясь в Москве, он посетил знаменитую Политехническую выставку, которая произвела на него ошеломляющее впечатление. Вернувшись в Самарканд, он подробно описал увиденное, особо остановившись на экспонатах Туркестанского отдела. Это описание позволяет утверждать, что, помимо прочих достоинств, Абд ар-Рахман обладал еще и литературным талантом.

В силу различных объективных и субъективных обстоятельств наследие Абд ар-Рахмана все еще недостаточно изучено, но отрадно, что в наши дни оно все более привлекает внимание отечественных и зарубежных ориенталистов, воздающих должное нашему талантливому земляку.

НОВЫЕ ИМЕНА

**Валентина
ТИТОВА**

Родилась в 1946 г. в Ташкенте. Окончила Ташкентский государственный институт культуры. Публиковалась в республиканских альманахах и сборниках поэзии и прозы, в периодической печати: «Вечерний Ташкент», «Учитель Узбекистана», «Правда Востока», «Народное Слово», «Молодежь Узбекистана», «Голос Узбекистана». Имеет два авторских сборника стихотворений. В «Звезде Востока» публикуется впервые.

В музыке слов души озаренье...

Март – особый месяц на Востоке,
И венчает он начало года
Праздником Наврузом, а истоки
Его с давних пор слились с природой.

Испокон веков Нау Рузи зовется
Он иль Новым Днем, а это значит,
Что душа, как птица, в небо рвется,
И с надеждой ждет любой удачи.

И своим приходом радость будит,
Даря нам жизнью упоенье.
Во дворах на улицах – повсюду
Слышен смех, раздолье песнопенья.

И тогда на землю мир приходит:
Забывают старые обиды,
С первых лучиков на небосводе
Их следов уже нигде не видно.

Угошенье сладким сумаляком
От души скрепляет братства узы.
И девиз: «Не унывать, не плакать!» –
В вековой традиции Навруза.

Труд, затраченный в саду, на поле,
Обернется добрым урожаем,
А на дастархане – хлебом с солью –
Будет чем гордиться всей Державе!

С каждым годом праздник молодеет,
Обновляется и расцветает.
И рождая новые идеи,
Украшает лик родного края.

Перспектив надежды

Кто свет нести по жизни призван –
Он счастлив до последних дней.
Судьба приятные сюрпризы
Нередко преподносит мне.

Вот я держу в руках желанный
И скромный том – он сердцу мил.
И повторяю неустанно:
– О, сколько же в нас чувств и сил!

К Нему невольно обращаясь,
Веду душевный разговор:
– Любовь – Поэзия Святая,
Где вдохновению – простор!

В мой дом попал Ты не случайно,
Достойный гость, так не робей!
И приоткрой завесы Тайны,
Буду признательна Тебе!

В строках не счесть лихих отметин
Недаром назван: «Песнь Любви».
Вобравший клад былых столетий,
Дух всколыхни и оживи!

Великих имена поэтов
И неизвестных – рядом все.
И чья-то песня не допета
В простой чарующей красе.

Сопоставленья и контрасты...
Перечислять их ни к чему.
Трагедии любви опасны,
От них – страдание уму.

Но больше сердцу достается:
Накал страстей – и в нем вулкан!
Водой погасишь из колодца
– Замрет, как от глубоких ран.

Когда душа впадает в крайность
И мечется – как ей помочь?
Слова спасают не случайно,
И утро мудреней, чем ночь...

Пред нежной лирикой любовной
Благоговевает женский род.
И пусть штормит, и парус сорван,
И угрожает бездна вод.

Но вспыхнет вдруг маяк, как прежде,
Повелевая: «Вдаль плыви!»
Я верю – есть Перспектив Надежды
В Прекрасном Городе Любви!

В дни весны

Дурман акации цветущей
Напомнил о счастливых веснах
И о прогулках в пышных кушах,
О предрассветных травах росных.

И опьянял в часы свиданий
Сирени аромат, кружил.
Мечты хранились в строгой тайне,
И не было в признаньях лжи.

Помню, как с трепетом, смущенно,
Мой благородный нежный друг,
Любовью первой нареченный,
Вдруг объяснился, скрыв испуг.

Лицо, улыбка, добрый взгляд
И легкие прикосновенья...
Мы платим горечью утрат
За те бесценные мгновенья.

Жив иль на свете нет тебя?
Останешься, в стихах воспетый.
И я смиренно, не скорбя,
Читаю в мыслях повесть эту.

И роз бутоны, раскрываясь,
И в благодарность дням весны.
Влюбленных дразнят – шутки мая!
Любовь в объятьях тишины...

Шедрое лето

Не успел еще май отвести
В бесконечном круговороте
С воркованьем загадочным птиц,
А уж лето стучит: «Откройте!»,
Возвещая в открытый эфир
Под лучистым солнцем священным:
– Пробудись, обновленный мир!
Хочу с радостью непременно
Все живое теплом объять,
И понежить планету земную,
И в округе разлить тишь да гладь.
Как всегда спешу и волнуясь.
Дни на время станут длинней,
Небеса в белых перистых стаях.
В созерцаньи комет в вышине
Кто-то ночь не одну скоротает...
– Процветай, наш фруктовый край!
Тебе труд и любовь свою дарим.
Лета шедрого урожай
Землякам воздается недаром.

Я песчинка во Вселенной

Что за вечер! Погляжу на небо звездное...
Пусть подарит мне покой иль вдохновение...

И в заоблачные дали необъятные
Устремляю мысли, взор с одним желанием:
– Мне уверенность верни, походку статную.
Повелитель, удостои своим вниманием.

Понимаю – от Тебя во всем зависима,
Под созвездьем Водолея жду и мучаюсь.
Без Любви и Веры жизнь моя немыслима –
Озари ее на миг счастливым случаем.

Я песчинка во Вселенной, Тобой созданной,
Но следишь за мной и держишь, и не падаю.
Жаль – билеты в Вечный Путь давно всем розданы,
И напрасно – утешение досадное...

Вдаль ночные облака плывут бездумные,
И сквозь них планеты-звезды пробиваются.
Загадала я желание разумное:
Чтобы век земной прожив, ни в чем не каяться.

Ташкентская весна

Город радость познал – он приветлив и весел,
Окрыленный свободой и солнца теплом.
Неуемна весна, знай себе куролесит –
Подшутить над погодой в привычку вошло.

Но трава – загляденье! Так рвется на волю –
Холода и ветра ей всегда нипочем.
Несмолкаемо пенье пернатых в раздолье.
Грез весенних пор – на душе горячо!

Одуванчик расцвел – стал лужок золотистым.
Улыбается день – так природа щедра!
Благодатна для пчел и в соцветьях душистых
Распустилась сирень – сочных красок игра!

Деревца под фатой бледно-розовой, белой.
Лепестковым метелям недолго кружить.
– Чародейка, постой, – вслед шепчу ей несмело,
Но весна улетела... Продолжается жизнь!

новые имена

КОНВЕРТ БЕЗ ОБРАТНОГО АДРЕСА

Рассказ

– Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь! – рубил воздух ладонью в такт хлестким «воспитательным» фразам командир учебного батальона подполковник Ушаков, распекая вытянувшегося перед ним в струнку подчиненного – командира учебной роты майора Ишова. – Лучшая рота! – брезгливо поморщившись, зло продолжил разнос комбат. – И лучшие сержанты, организовавшие лучшую ночную пьянку! Самоустраились от личного состава! Не живете жизнью подразделения!

– Да я, товарищ подполковник, с них семь шкур... – вклинился было в критический монолог Ишова. Но – напрасно...

– Молчать! Молчать, пока я вас не спрашиваю! – едва не подпрыгнул в кресле Ушаков от неуместного оправдания. – Менья пустые слова не интересуют! С людьми работать надо! Кропотливо! Методично! Тогда и пьянок в роте не будет, и вообще ЧП! А сейчас – засучите рукава и шагом марш немедленно наводить порядок в подразделении!

И комбат довольно расслабился в кресле после ухода подчиненного, промаршировавшего строевым шагом до дверей кабинета.

Из дверей ротный вылетел пулей, через строевой плац пронесся снарядом, в казарму вломился гранатой с выдернутой чеккой. «Взрыв» последовал незамедлительно...

Выходец из младших командиров, майор Ишов являл собой хрестомаатийный типаж холерика, тяготеющего к психопату истериоидного типа. По простоте душевной он сам однажды сознался комбату, что если не поорет в казарме хотя бы раз за полдня, то «зримо чувствует», как бразды правления уплывают у него из рук. Стоило же ротному самому попасть «на ковер» к начальству – пусть даже не за чьи-то, а за личные прегрешения – как офицер немедленно спешил передать испорченное настроение своим подчиненным (обходное защитное поведение), выполняя энергетические запасы особенно громкими криками и порой доходя до рукоприкладства. К тому же изначально низкая культура – Ишов воспитывался в семье хронического алкоголика – и почти полное отсутствие сдерживающих центров никогда не позволяли майору признать собственную неправоту перед подчиненными, и даже самая невыгодная для него ситуация в таких случаях неизбежно и грубо выворачивалась им наизнанку.

Скажем, после «строгача» за опоздание на «тревогу» – а именно под ее прикрытием Ишов и ночевал у любовницы – ротный моментально вывернулся на комвзводов и сержантов, их заместителей, обвинив всех скопом в нарушении порядка заправки солдатских постелей.

– Верхняя простыня должна складываться вдоль, а не поперек, как это, оказывается, уже месяц вытворяется в роте! И я только сегодня узнаю! – никого не слушая, на повышенных тонах упрямо долдонил он.

Наконец удалось напомнить ротному про устное распоряжение командира части об изменении порядка заправки, однако

Федор ОШЕВНЕВ

Прозаик, публицист, журналист. Родился в 1955 году в Липецкой области. Окончил Воронежский технологический институт и Литературный институт имени А. М. Горького.

25 лет служил в армии и милиции. Член Союза российских писателей и Союза журналистов.

Автор 5 прозаических и 2 очерковых сборников. Публиковался в периодической печати в Германии, Чехии, США, Беларуси, России.

Живет в Ростове-на-Дону.

Ишов растерялся лишь на секунду, а в следующую завопил:

– Да что вы все ко мне с этими ср...ными простынями поприсеялись? Я спрашиваю: когда в прикроватных тумбочках будет наведен должный уставной порядок?

Его-то, по «рекомендации» комбата, Ишов и собирался сейчас наводить. Причем во всей казарме одновременно. Итак...

«Взрыв» последовал незамедлительно. На головы наряда по роте обрушилась лавина ругательства: лексикон у ротного был небогат, но яростен.

– Почему, блин, дневальный на тумбочке не рапортует, а шепчет? Почему свободный дневальный, как сволочь, не стрижен, на ушах висит? Почему все опухли ото сна – к такой-то матери, заняться нечем? В казарме, блин, сплошная грязь, а они болтом груши околачивают! Почему пол не намастичен? Бездельники! Скоты! Всех после наряда на «губу» засажу!

И по мере выплескивания бранных слов на солдат ротный вновь начинал ошматывать себя великим руководителем, проникаясь осознанием собственной значимости: а как же – сто восемьдесят девять подчиненных, включая офицеров, и все обязаны беспрекословно ему повиноваться! – и цементировал шели в пьедестале царя и бога подразделения, который бесцеремонно пошатнул комбат.

Тр-ра! – слетел Ишов с этого пьедестала, поскользнувшись хромовыми сапогами на беспощадно намастиченном полу.

– Идиот! – чуть не с кулаками набросился майор на дежурного по роте, неловко поднявшись с желтоватых пахучих досок. – Чокнулись, блин, столько мастики в пол вгонять? Где экономия, мать вашу так?! А по тревоге побегут – друг друга покалечат?!

Наученный горьким опытом, ефрейтор молчал, с трудом сохраняя серьезный вид, поскольку изнутри его распирали и смех, и желание напомнить начальнику более раннее его высказывание относительно мастики и пола. Майора же, снесаемого злостью, переполняло острое желание немедленно излить ее на кого-то еще, помимо наряда по роте, и он прорычал:

– А ну, кто еще из бездельников в наличии?

– Так все ж в учебном корпусе на занятиях, – осторожно ответил дежурный. – А старшина с каптерщиком на вешсклад ушел. Один Рязанцев в подвале паяет.

– Вот я сейчас проверю, какого хрена там этот Умелец наработал, – с угрозой не по делу пообещал Ишов.

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал...

Рядовой Рязанцев в роте, да и во всей части, был единственным детдомовцем. Именно поэтому беседовали с ним, по прибытии вчерашнего призывника в подразделение, не только взводный, но и сам Ишов в паре с замполитом роты. Худославый горбоносый солдат с асимметричным лицом и уныло опущенными уголками губ отвечал тоже уныло, односложно.

Найденный. Младенцем на задворках вокзала подобрал. Родители не объявились – отправили в детдом. Там фамилии воспитанникам иногда давали по названиям городов страны: Москвин, Калужев. Так и он свою получил. Окончил восьмилетку – направили в строительное ПТУ. Выучился на маляра-штукатур, но может и другое: класть кирпичи, плитку, по-плотничьи, электриком. Полгода работал на заводе, жил в общежитии. Потом призвали на срочную. Все...

И лишь услышав от замполита глупейший вопрос – из серии обязательных на первой беседе с солдатом: чем собираешься заниматься после армии (это при сроке-то службы в неделю!), рядовой неожиданно оживился и стал рассказывать, что очень хотел бы иметь С в о й Д о м – то есть какой-то жилой угол, жену, детей и, естественно, работу. Только обязательно от нормы, чтобы можно было сверх нее сколько-то давать и за несколько лет как-то скопить на этот свой угол.

– Это ты про квартиру, что ли? – решил уточнить замполит.

– Не-е... Про частный угол, – разяснил солдат. – Квартиры мне не дадут.

– Почему ты так думаешь? – удивился ротный идеолог.

– Я не думаю, – поскуцнул Рязанцев, и уголки его губ опустились еще сильнее. – Знаю. Мужики на заводе все так говорили. Мол, тебе, из детдома, да одиночке, ни в жисть не дадут. Женатому только и с блатом. А женишься – куда идти? К чужому на постой? Там дети пойдут... Не-е, свой угол заработать надо. Хоть комнатешку...

– Ну и много детей-то, в своем углу, по «дембелю», настругать распланировал? – с подковыркой поинтересовался Ишов, которому рядовой по неясным причинам, но сразу не поглянувшись, а замполит от такого вопроса недовольно поджал губы, однако смолчал: начальнику, да еще армейскому, замечания делать чревато последствиями.

– Не меньше как трех, – серьезно, не почувствовав подковырки, заявил Рязанцев. – Не-е, может, четырех?

– Дурное дело нехитрое, – язвительно усмехнулся ротный, нестати вспомнив свое собственное детство, шедро сдобренное колотушками, коими отец-алкоголик от души оделял будущего офицера и двух его сестер, сроду не принося домой ни копейки. – Только потом-то чем рты прокормишь?

— Руки прокормят. А они — вот они, — протянул вперед ладони рядовой. Уже загрубелые, в мелких шрамах и неожиданно крупные. — Не-е... Прокормлю. Говорю — по-всякому работать могу.

— Это мы еще проверим, — с долей скептицизма заявил Ишов. — Шагом марш к старшине: в туалете плитка поотваливалась, пусть инструмент и фронт работы обеспечит. И смотри у меня... Умелец!

Но Умелец — как быстро и окрестили Рязанцева в роте — свои слова о «всякой работе» с блеском оправдал, и с тех пор старшина постоянно выдергивал бывшего детдомовца с учебных занятий, будто морковку из грядки: разного текущего ремонта в подразделении круглый год хватало и перехватало. К наукам же военным, а в особенности к политподготовке, Умелец относился с завидным равнодушием. Зато лучше всех заправлял «кирпичиком» постель, даже быстрее и ловчее сержантов наматывал портянки, умело стирал и гладил «хебе», без малейшей тени отвращения убирался в свою очередь в туалете. И никогда за время службы на ее тяготы и лишения никому не жаловался, как и вообще ни на что.

Был случай в первые дни службы: наглый здоровенный сослуживец из того же взвода стал отбирать у Рязанцева на обеде кусок хлеба — я, значит, не наедаюсь, а ты тощий, обойдешься. Так здесь детдомовец на открытый конфликт не пошел, а часть пайки компенсировал своеобразно: стал подходить к хлеборезочной уже после еды и просить вроде как добавку — горбушку. На третий день женщина-хлеборезка показала постоянного попрошайку дежурному по части, и тот вычислил, из какой роты рядовой, передав информацию замполиту подразделения. Будучи искушенным в солдатских взаимоотношениях, офицер отследил неуставную ситуацию и жестко пресек ее раз и навсегда.

После разборки в канцелярии роты солдат-здоровяк сунулся было в курилку к Рязанцеву со своей разборкой: настучал, гад, значит! На что Умелец резонно возразил:

— Не-е... Я в жизни никого не закладывал! А вот ты — тормоз. Пайку-то мою при всех, наглажом, отнимал. А шакалы — они ж тоже не слепые. Тебя и взяли за задницу.

Но при крайних обстоятельствах детдомовец готов был принять бой.

Как-то его окликнул старослужащий из музвзвода:

— Эй, сюда! Я не понял, солдат! Бегом! Ты че, блин, туго всасывашь? — и несильно, больше для порядка, одной рукой ударил Умельца в грудь, а другой протянул ему свои грязные портянки: — Вечером прихожу в казарму и удивляюсь: они уже чистые и выглажены!

— Не-е... — не взяв портянок молодой солдат. — Я тебе не чмырь!

— Ты че, салага, совсем охренел? — ухватил Рязанцева за ворот музыкант. — Че, службу, блин, понял?

Но детдомовец, накрыв его ладонь своей, неожиданно ловко вывернул кисть старослужащему и оторвал ее от кителя. После чего только и ответил:

— А че ж тут непонятного? «Деды», как ты, и в ПТУ были. Навалом. Тоже слабых по-всякому трахали.

— Так ты сильный, блин, да? Тогда готовься — ночью подымем; за базар, душара, отведишь! — пригрозил разозленный музыкант и собрался было уйти, отложив расправу над взбунтовавшимся наглецом до поры до времени, но тут Рязанцев его остановил:

— Не-е... Ты не убегай... Толпой-то вы мне по бороде быстро настучите — и разговора нет. Только я с тебя одного потом спрошу.

— Это как, салага? — даже развеселился музыкант. — Ну-ка, не понял...

— А просто, — пояснил Умелец. — Половинкой силикатного кирпича по «чердаку». У меня в ПТУ один «крутой» раз стипендию отнял, ну я ему назавтра полбашки и снес. Три месяца в «травме» отдыхал. А бил зади — оно таким макарон вернее. И учти: я свое слово всегда держу!

— Ты че, опупел, что ли? — пошел на попятную «дед». — Тебя ж тогда посадят...

— Не-е... Замнут для ясности. Как в ПТУ. В случае же чего — тюрьма ли, армия, детдом — мне все едино. Везде своя камера, казарма или там спальня на десятых. Подъем-отбой, невкусная жратва по распорядку. И без зарплаты... Не-е, мне терять нечего. А вот тебе...

Обескураженный музыкант молча убрался восвояси, и больше детдомовца никто под себя поднимать не пытался.

С тех пор Умелец довольно счастливо и легко (на его взгляд) продолжал тянуть лямку солдатской службы — то подшутукачивая казарму, то бея ее изнутри, то ремонтируя нехитрую «военную» мебель: табуреты в спальном помещении, стулья и столы в ленинской комнате. В последние же дни перекалывался в электрика, изобретая пульт для дневального, где мыслилось свести воедино тумблеры тревожной сирены, вечернего и дежурного освещения, различных световых табло — формы одежды, уличной температуры, — плюс туда же подключить телефон.

С паяльником в руке Рязанцев маравовал над замысловатым пультом в подвальной комнате-мастерской роты, а в это время в казарме, наверху...

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал. Переступив через порог примитивной мастерской, из потолка которой там и сям торчали водопроводные и канализационные трубы, а меж ними посредине помещения чужеродно нависала лампа дневного освещения, Ишов сразу углядел на самодельном столике, перед увлекшимся работой рядовым, початую водочную бутылку. Из горлышка поллитровки вился какой-то слабый дымок, но на эту деталь офицер внимания не обратил: вся его злость за ночную сержантскую пьянку, «разбор полетов» в кабинете комбата и дурацкое падение в казарме мгновенно вылеснулось в не контролируемый разумом поступок.

Ишов рванул к бутылке с водочной этикеткой, словно взбешенный бык к красной тряпке; ухватил поллитровку ближе к дну и со словами: «Ага, сука, и ты такой же!» – резко плеснул содержимым стеклотары поперек лица удивленно поднявшего голову рядового. Плеснул и тут же доплеснул еще раз.

– А-а-а-а! – дико закричал Рязанцев, обхватив ладонями лицо. – А-а-а-а!

– Э-э, ты чего? – опешил Ишов и тут же испугался, замер, поняв, что именно он натворил.

В бутылке из-под водки была концентрированная соляная кислота. Ротный сам же ее и принес в этой самой стеклотаре, выпросив несколько дней назад в лаборатории горючесмазочных материалов учебного полка. Из ядовитой тежидкости, растворяя в кислоте цинковые стружки, готовили необходимый для пайки хлористый цинк.

– Ну, ну, – засуетился вышедший из ступора Ишов, безуспешно пытаясь успокоить не перестававшего голосить, и все старался оторвать его плотно прижатые к лицу ладони от обожженных мест и выяснить, не попала ли кислота в глаза.

Химический ожог быстро дал серый, плотный на ощупь обширный струп, широкой полосой проходящий под глазами нишами, через переносицу. Брызги кислоты разлетелись и по лбу, и по щекам рядового. Облегченно вздохнув наконец – глаза у него вроде не пострадали, – ротный потянул Рязанцева наверх, в казарму, к умывальнику.

– Ну, ты чего? Сейчас промоем – и все будет нормально, – уговаривал Ишов. – Ну, ведь не больно уже, правда?

– Не-е... – наконец отозвался солдат. – Жжет. Сильно...

– Сейчас, сейчас, – и майор приказал дежурному по роте звонить в санитарную часть, старшему врачу полка.

Минут через двадцать медицинский «уазик» увез пострадавшего в гарнизонный военный госпиталь, в кожное отделение. Там обожженное кислотой место быстро обработали слабым щелочным раствором и обильно смазали жидкой мазью с антибиотиками.

– И как же тебя угораздило? – спросил потом у Рязанцева хирург.

– Не-е... Это не я, это ротный. Из бутылки плеснул. Ни с того ни с сего. А там – кислота, – пояснил детдомовец.

– Он что, с ума сошел? – возмущился военврач.

– Да ладно, – примирительно махнул рукой Рязанцев и полуутвердительно спросил: – До свадьбы-то ведь заживет? – и тут же поморщился: – Жжет все-таки еще.

– Иди в палату, ляг на спину и постарайся заснуть, – посоветовал хирург, обходя вопрос о свадьбе. Из ваялся за телефонную трубку – сообщить руководству госпиталя о неординарных обстоятельствах травмы вновь поступившего больного.

Рядовой же, внутренне почувствовав неладное, впился в глаза врачу вопрошающим взглядом:

– Так у меня лицо заживет? Следы несильные останутся? Не-е, мне со следами никак нельзя, да?

Но хирург, ничего не ответив по сути, заторопил медсестру:

– Уводите, уводите больного...

– Проходите, присаживайтесь, – пасмурно-официально произнес и указал Ишову на стул в торце длинного стола в своем кабинете командир полка. Его заместители и старший врач части, присутствовавшие тут же, старались с проштрафившимся офицером взглядами не встречаться.

– Я давно замечал, товарищ майор, – ровным, бесцветным голосом заговорил комполка, – что ваши методы укрепления воинской дисциплины порой выходят за рамки устава. Заметьте: учитывая личное рвение к службе и стабильно высокие показатели подразделения, вам многое прошлось. Да и защитник всегда был – ну, прямо отец родной, – кивнул полковник в сторону потупившего взор комбата, – он же и учитель. Зря, что ли, когда-то в его звезде сержантом и начинали? Только чем закончили? Горькими плодами рукоприкладства, которые пожинать теперь всей части придется? Да вы хоть соображаете, товарищ майор, что совершили уголовное преступление и скоро будете беседовать со следователем военной прокуратуры?

– Да не знал я, клянусь, правда не знал, что там не водка! – мрачно пробурчал Ишов,

сам прекрасно понимая шаткость этого аргумента.

— А следовало бы поинтересоваться... — комполка сделал ударение на глаголе сослагательного наклонения. — Кстати, пусть даже в бутылке действительно оказалось бы спиртное, а солдат пьян, и это еще не повод и не право выплескивать алкоголь в физиономию нарушителя воинской дисциплины: дисциплинарный устав предусматривает достаточный перечень законных мер-взысканий. Так что отвечать будете по всей строгости закона — я уже и военному прокурору суть ЧП доложил.

— Так сразу? — комбат тяжело оторвал взгляд от полированной столешницы. — А может, можно было... как-то... — и изобразил недвусмысленный жест, перекрестив над столом руки и быстро их разведя.

— Нет, нельзя, — спокойно возразил полковник и кивнул старшему врачу части: — Объясните.

— При средних и тяжелых телесных повреждениях — скажем, когда у военнослужащего сломана челюсть, пробита голова или, как сегодня, серьезный химический ожог, руководство госпиталя обязано поставить в известность военную прокуратуру, — буднично сообщил тот. — Ее сотрудники проводят соответствующую проверку, и далее, по результатам последней, не исключается возбуждение уголовного дела. Наше шило в мешке никак не утаишь — оно налицо и на лице, так что товарищ полковник абсолютно прав в своем решении — превентивно поставить в известность прокурора о... хм... ну, в общем, понятно. И еще. По наружным химическим ожогам я, конечно, специалист небольшой — наши пациенты чаще всякой дрянью внутренне травятся, — но ныне разговор особый. От обширного попадания на кожу концентрированных неорганических кислот летачется месяцами, и тем не менее на теле навсегда остаются заметные рубцы. По науке и уголовному кодексу — неизгладимое обезображивание лица...

Минуту молчания нарушило шумное астматическое дыхание заместителя командира полка по МТО, он быстро достал карманный ингалятор, жадно вдохнул порцию аэрозольной смеси. До Ишова наконец-то дошла вся серьезность его положения с перспективой попадания на скамью подсудимых, и майор-холерик, набывшись, вдруг вскочил со стула и с отчаянной жестикуляцией на повышенных тонах зачастил:

— Это что же мне теперь, из-за какого-то, значит, подкидыша... — и на секунду запнулся... — в тюрьму идти? В благодарность за все пятнадцать лет, что из сапог да из роты не вылезал! По-русски ж говорю: почему я знал!

— Молчать! — слегка приподнялся в кресле комполка. — Вам слова никто пока не давал! Что за хамство, товарищ майор?! Вот они, сержантские замашки в действии! Подкидывай! Да для суда какая разница! Ладно, съядте пока да помолчите...

— Офицеру в руках себя держать уметь надо, — басом прогудел зам-астматик, наконец отдышавшись. — А ты бутылку махал — не думал, а теперь как паршивый кот: нагадил и в кусты сбежать захотелось? Не по-мужски, не по-мужски...

— Анатолий, прекращай истерику! — сказал начальник штаба полка, пристукнув ладонью по столу. — Знал, не знал — не о том сейчас речь.

— О чем же? — вступил в разговор замполит полка, меж тем, как Ишов медленно, горбясь опустился на неудобный стул.

— О том, как из создавшегося положения достойно выйти, — пояснил начштаба. — Закон законом, но он ведь по поговорке, что дышло... Да и с прокурором... Он, я в курсе, заядлый охотник. Вот выезд ему с обеспечением по полной программе и организовать. Когда у нас там сезон-то открывается?

— Сомнительно... — качнул головой комполка. — Впрочем, вы его лучше меня знаете, так что вам и карты в руки: честь мундира в любом случае попытаться спасти надо.

— А солдата? — вспомнил о пострадавшем замполит.

— А что солдата? — отозвался начштаба. — Подлечат его в госпитале — специалисты-кожники там хорошие...

Старший врач части беспокойно побарабанил пальцами по столу.

— Товарищи офицеры, вы, видимо, не до конца меня поняли...

— Отставить, — голосом и жестом остановил его комполка. — Напротив, все понятно и солдату можно только посочувствовать. В отличие от другого нашего «героя». Эх-х! Моя бы воля — в порошок растер... — И полковник ledenяше уставился на виновника экстренного совещания. Больше на нем выражение «неизгладимое обезображивание лица» никто не употреблял.

Вот так впервые за свою недолгую жизнь Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты. Если бы только быть уверенным в благополучном исходе лечения! И тогда — беспокоиться больше не о чем: кормят нормально, спать дают вволю, в домино и шашки играть можно, а телевизор — в соседней палате. Чего еще желать? Лишь бы лицо...

Лицо добросовестно обрабатывали жидкой серой мазью. Детдомовец было любопытствовал из чего она делается, но, услышав незнакомые слова — «ферменты» и «гормональная

терапия», – махнул рукой: мол, ладно, вы свое дело знаете...

Однако через несколько дней лечения внимание к Рязанцеву стало ослабевать (оно, впрочем, и понятно: появились новые пациенты), хотя в перевязочную солдата вызывали регулярно. Сам Умелец теперь подолгу простаивал перед зеркалом, рассматривая ставший багрово-сизым струп, на ощупь остающийся твердым. Нет, зеркало отражением не радовало.

Дважды к детдомовцу навещался следователь военной прокуратуры, дотошно расспрашивал о происшедшем. Даже задал идиотский, на взгляд рядового, вопрос: а не возводит ли Рязанцев напраслину на начальника, не опрокинул ли нечаянно на себя ядовитую техжидкость сам?

– Не-е... Что ж я дурной, себе лицо травить? – яростно запротестовал солдат и даже головой несколько раз отрицательно мотнул. – Это товарищ майор. Бутылку с кислотой сам принес, а потом забыл. И вообще: упали бутылка – ну, руку бы обжег. Не-е... – И без всякого перехода сменил тему: – А товарищу майору что будет? Ведь он же это... как его... рукоприкладство, ага?

– Разберемся, – туманно пообещал следователь-капитан.

...Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор...

На двадцатый день явно незавершенного лечения, несмотря на протесты начальника кожного отделения, Умелца из госпиталя выписали – по личному распоряжению его начальника.

– Будешь долечиваться у нас в санчасти, а потом амбулаторно, – неохотно пояснил старший врач части, приехавший за рядовым.

– Это как? – не понял тот.

– В санчасть из роты ходить, – допояснул офицер. – Помолчал и еще добавил: – Ну, это потом, а пока еще в палате полежать придется...

Обширный химический ожог заживал плохо, гноился, мок. В санчасти вечно не оказывалось на месте дежурной сестры, а новую порцию мази забывали приготовить. К тому же вокруг лечебного учреждения кругами ходил старшина роты, вымаливая Умелца «ну хоть на часок», потому как «в подразделении сплошной завал», и диалоги старшего прапорщика и старшего врача учебного полка порой доходили до выражений, которым мог позавидовать даже майор Ишов.

Словом, прошло дней десять – и Рязанцев стал ошущать, как кожа под глазами стягивается, а сами глазные щели начинают деформироваться.

Именно тогда детдомовец впервые серьезно обеспокоился за будущее собственного лица. Вынимая из кармана синей пижамы восьмиланное зеркальце и критически вглядываясь в него, он со страхом отмечал, что...

Правая глазная щель расширилась, почти округлилась. Левая, напротив, сузилась до шелевидной формы, словно у наций Востока. Переносицу, в центре горбинки, пересекал глубокий и толстый рубец. Рубцы поменьше и многочисленные точечные поднимались высоко на лоб и пятнали щеки.

Какое счастье, что Рязанцев хотя бы успел, когда Ишов плеснул в него кислотой, инстинктивно зажмуриться и сохранил глаза!

И тем не менее Умелец хотел и продолжал верить, усиленно убеждая себя, что со временем следы химического ожога в большой мере сотрутся, заглаживаясь. Верил – пока не произошел инцидент в курилке...

Как и многие его сослуживцы, детдомовец страдал известной пагубной привычкой, отравлявшей легкие: приучился к сигарете еще в ПТУ, а позднее, работая на заводе (деньгата там появились поболее стипендии), уже дымил весьма основательно. В армии на солдатском семирублевом денежном довольствии, которое к тому же постоянно реквизировал на корню старшина – на приобретение утюгов, спортпринадлежностей, ткани для подворотничков и много иного, – с куревом у Рязанцева дела обстояли куда хуже. Так что на первых месяцах службы в редкие минуты отдыха Умелец чаще всего скромно подсаживался в уголок курилки, где остальные солдаты делились новостями из писем и разглагольствовали о райской жизни после «дембеля», при сем щедро изничтожая табачные изделия, и молча ждал. Ждать он умел.

И порой его угошали целой сигаретой или оставляли солидный бычок – окурков Рязанцев не подбирал и из чувства своеобразной гордости сам сигарету никогда не просил. Но не всякий раз фартило – порой безденежному солдату приходилось «натошак» слушать разговоры о Д о м е, которого в роте, да и во всей части, не было только у него одного.

...Взращенный без семейного очага и ласки порой всю жизнь потом чувствует себя ушербным...

В госпитале Умелцу с куревом было проще: многие офицеры, узнав о его несчастье, отмеченном на лице, охотно оделяли рядового сигаретой-другой, а вот в санчасти пришлось бы совсем худо, если бы только старшина роты не выдал Рязанцеву его «кровные» рубли – дендовольствие за прошедший месяц, освободив от какой-то очередной дани. Впрочем, эти невеликие деньги закончились как раз перед выпиской и возвращением в подразделение.

А накануне на одном из построений роты Ишов сам предупредил весь личный состав: «Если только какая б... на Рязанцева пальцем покажет, или обзовет, или вообще – лично,

вот этими руками придушу!» Увы, «отеческий» совет дошел не до всех: четверо самых крепких солдат в тот день втихую были засланы на мясокомбинат, зарабатывать колбасу для дня рождения комбата, и в казарму возвратились только к вечерней поверке.

Через сутки же один из этих крепких – тот самый здоровяк, который в начале призыва какое-то время отбирал у детдомовца хлеб, – похвалялся в курилке:

– Перед самой армией я отцу как следует рожу наквазил, когда он в очередной раз до мной «на рогах» приполз. Ох и мордовал: за все сквитался! И приду домой – с порога опять сразу неслабо в пятак получит! Пусть, гад, привыкает, кто теперь в доме будет хозяин!

– Не-е... Какой ты хозяин, – неожиданно для всех вдруг прервал угрожающий монолог здоровяка Рязанцев. – Тут родителя-то отдубасить маловато... Ты вот сначала С в о й Д о м займись... – И мечтательно добавил: – Эх, если бы у меня отец был... Любой, какой-никакой, я б его никогда и пальцем не тронул.

– Ну, ты, подкидывай! – неожиданно взорвался в ответ на укор здоровяк. – Ты гля, как он хайло разинул! Твое дело сиротское: получил в рожу кислотой – и сиди, помалкивай!

– Ты че, офонарел? – ткнул его в бок сосед-ефрейтор.

– Он и так ни за что пострадал, – заступился за Рязанцева еще один солдат. – И вообще, разве не слышал, что ротный сказал...

– Да положил я, кто там чего сказал! – не дослушав, перебил защитников Умелеца вконец разозленный здоровяк. – Ни за что, говоришь? А вот не хрен было по подвалам отсиживаться! В учебке – учись, а то ишь, хитрозадый, пригребел под боком у старшины! И туда же: отец! У него! Пальцем не тронул! Зато мой предок чуть что – за ремень и годами не просыхал! Да я б такого родителя... – И окончательно добил детдомовца внезапной фразой: – А ты и сам-то теперь отцом навряд ли будешь!

– Это еще почему? – тихо спросил Умелец.

– Это еще потому, как суродовали тебя – пусть и зазря, но до гроба, а за такого страхиоидола... Да ну ни одна дура зрячая не пойдет! – выплеснул всю злобу здоровяк и замолчал, поняв, что явно хватил лишку.

Молчали и остальные солдаты, перекрестив взгляды на Рязанцева. Детдомовец медленно поднимаясь с лавочки и, сутулясь, тоже не сказав ни слова, с безвольно повисшими руками побрел из курилки. Из страха перед командиром роты все свидетели растоптанной мечты о Доме впоследствии долго об услышанном и увиденном не распространялись.

Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор. Со стороны солдат – пока неосознанный, а вот со стороны офицеров...

Через день после того, как детдомовца впервые обозвали уродом, его вызвали в военную прокуратуру гарнизона.

В кабинете следователя-капитана, который некогда беседовал с рядовым в госпитале, над рабочим столом висели рядышком портреты двух Ильичей. Под ними важно восседал хозяин помещения, для солидности густо обложивший всякими бумагами. Рязанцев осторожно примостился на полумягком стуле по правую руку военного юриста. Слева от него напротив Умелеца рядком уселись майор Ишов, комбат и заместитель командира полка по политической части.

– Товарищи офицеры, товарищ рядовой! – начал отрепетированную речь следователь. – Напоминаю вам, что восьмого августа сего года по телефонному сообщению из гарнизонного военного госпиталя о факте причинения военнослужащему телесного повреждения была назначена прокурорская проверка и возбуждено уголовное дело. В результате проведенного мною расследования было установлено, что в тот день, около десяти ноль-ноль, командир учебной роты майор Ишов А. Н., находясь в подвальном помещении подразделенной, выплеснул в лицо своему прямому подчиненному, рядовому Рязанцеву С. И., около ста пятидесяти миллилитров концентрированной соляной кислоты, открыто содержащейся, в нарушение установленного порядка хранения ядовитых технических жидкостей, в стеклянной бутылке с водочной этикеткой. Тем самым рядовому Рязанцеву был причинен обширный химический ожог верхней части лица без ущерба для зрения. Впоследствии пострадавшего госпитализировали, и он находился на излечении в кожном отделении гарнизонного госпиталя в течение двадцати суток, после чего был признан годным к дальнейшей строевой службе без ограничений. Учитывая, что действия майора Ишова, виновного в причинении рядовому Рязанцеву химического ожога, вызвавшего впоследствии временную потерю трудоспособности, были совершены по неосторожности, то есть без прямого умысла, поскольку офицер не предполагал наличия в бутылке ядовитой технической жидкости, а стало быть, не преследовал цели унижения достоинства подчиненного и причинения ему увечья, упомянутые действия подпадают под статью 114 Уголовного кодекса РСФСР «Неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», а так как период временной нетрудоспособности составил двадцать суток, то есть по продолжительности длился менее трех недель, химический ожог

в данном случае следует отнести к категории менее тяжких телесных повреждений, за которые пункт второй вышеназванной статьи УК РСФСР предусматривает наказание исправработами на срок до одного года или общественное порицание...

Следователь выдержал паузу – опять-таки для солидности – и закончил речь:

– Однако, учитывая положительные характеристики командира учебной роты и ходатайство командования части, военный прокурор гарнизона счел возможным не привлекать майора Ишова к уголовной ответственности, но применить в отношении его меры общественного воздействия, направив постановление о прекращении уголовного дела в войсковую часть, где проходит службу офицер, для принятия решения по этому делу коллективом офицеров на суде офицерской чести.

Еще следователь пояснил, теперь уже обращаясь к Рязанцеву лично, что если тот не согласен с постановлением о прекращении уголовного дела, то вправе подать жалобу по инстанции.

Нет, не в характере детдомовца было кому-то и куда-то плакаться, хотя главное он уловил: за его изуродованное лицо ротный никакой ответственности, по сути, не понесет. Однако неоднократное рассматривание не заживших еще до конца шрамов и отталкивающие-безобразных глазных ниш настроило Умельца отнюдь не на лирический лад, и он решительно обратился к капитану:

– Не-е... Это, выходит, мне тоже можно в любого кислотой брызгать – и ничего? Ага?

На что следователь поморщился и нехотя ответил:

– Ну, я же уже объяснил: все решит суд офицерской чести.

...Суд офицерской чести ходатайствовал перед командиром полка об объявлении майору Ишovu неполного служебного соответствия занимаемой должности. Выписка из приказа была официально вручена рядовому Рязанцеву в кабинете комбата.

Через две недели новым приказом командира полка «за высокие показатели в воспитании личного состава и большой вклад в наращивание материальной базы подразделения» прощтрафившегося командира роты поощрили, сняв ранее наложенное взыскание.

В тот же вечер Ишов в канцелярии громко орал, по-всякому костеря Умельца, напрочь отказавшегося от очередной ремонтной работы и заявившего, что намерен в дальнейшем посещать все учебные занятия. В конечном итоге ротный объявил строптивому подчиненному два наряда вне очереди: «за пререкания и нетактичное поведение со старшим по званию». Через сутки в подразделение зашел комбат и, узрев детдомовца на месте очередного дневального, тут же устроил Ишovu страшный разнос за то, что «дневальный на тумбочке – лицо подразделения, а ты, мать твою растак, урода на нее додумался засунуть!»

При этом подполковник не обращал внимания на открытую дверь из канцелярии в холл, где стоял сам «урод», и вовсе не старался снизить тон.

Дальше Умелец был обречен «летать» по нарядам, посыпавшимся на него как из рога изобилия: найти повод для наказания Ишovu не составляло проблем, – и на долю детдомовца, как правило, доставалась самая тяжелая и грязная работа. И еще. Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвала у Урода закономерную перемену в отношении к себе.

Попытки майора Ишова сплавить куда-нибудь подальше рядового, один вид которого вызывал у ротного душевный дискомфорт, неожиданно натолкнулись на жесткий запрет командира учебного полка.

– Даже и не мечтайте, – прищурив на секунду глаза, заявил он, когда Ишов и комбат сунулись было к полковнику с просьбой перевести детдомовца в другую часть. – Он у вас так до увольнения в запас и будет дослуживать – каптенармусом или еще кем, найдем. Лишзрейте, товарищ майор, ежедневно творение рук своих и не забывайте, что по вас три статьи Уголовного кодекса плачут: за ненадлежащее хранение ЯТЖ, за оскорбление общественным действием подчиненного и за умышленное тяжкое телесное повреждение, выразившееся в незначительном обезображивании лица. Или что – ребенок, не понимаете, что следователь, по указанию военного прокурора комедию ломал? А уговорить начальника госпиталя выписать пациента с недолеченными тяжелейшими химическими ожогами? А то, что старший врач части на подлог пошел: документально лечения в санчасти не оформлял? Идите, и не дай Бог, я когда-нибудь услышу, что вы вашего «крестника» в чем-то ушили! Вы ему жизнь сломали, так я сломаю вам! И чтобы по этому вопросу больше никаких разговоров! Все ясно? Свободны!

После эдакой командирской тирადы Ишов стал значительно осторожнее цепляться к Умельцу, зато расправившую его злобу частично перенес на весь личный состав роты, еще более нещадно придираясь ко всему и всем. И солдаты это быстро почувствовали.

Вокруг детдомовца постепенно образовался вакуум общения. Никто не обращался к нему больше, кроме как по неотложной служебной необходимости. Никто не хотел делиться сигаретой. Никто не желал поддержать беседу о Д о м е – единственной мечте о послеармейском будущем. Даже командир взвода почти не опрашивал Умельца на занятиях. Даже старшина роты перестал, без острой нужды пускать его в кладовую ранее благо-

роженную мастеровитыми руками рядового.

А однажды утром перед разводом на учебные занятия к Ишову обратился сосед Рязанцева по койке: в казарме они в спальном помещении располагались сдвинутыми попарно.

– Товарищ майор, переведите меня куда-нибудь от этого уroda, – попросил солдат. – Ну, каждый день, при подъеме, да и вообще, неумоготу эту страшную рожу видеть...

И сначала заочно, а затем и в глаза Умельца перекрестили в Урода, совершенно искренне уверовав, что все беды в подразделении именно и только от него...

Все это вызвало у Урода закономерную перемену в отношении себя. Первым признаком этого болезненного процесса стал первый, воровато поднятый с одной из асфальтированных аллей окуроч. Теперь Урод собирал их, сначала стесняясь, а потом и открыто. Выкуривал же в одиночестве, облюбовав себе место в дальнем углу военного городка, под кустами за мусорной кучей.

Бог знает о чем размышлял детдомовец, уединяясь ото всех в вечерние часы. Он уже не стремился следить за образцовой заправкой койки и чистой одеждой, по два дня не подшивал новый подворотничок, за что неоднократно принимал в свой адрес ругань старшины роты и командира взвода, Ишова и солдат-сослуживцев. Урода все они постепенно привыкали ненавидеть...

Выпускные экзамены в учебном полку по времени совпадали с серединой осени – «унылой порой, очей очарованьем». Однообразная монотонная жизнь в казармах заметно оживилась: уже известны были «хорошие» и «плохие» места, куда будут отправлять выпускников «учебки» для дальнейшего прохождения службы. И теперь солдаты вели бесконечные беседы на темы: «вот бы хорошо было попасть поближе к дому» или «здорово бы к родителям хоть на сутки по пути заскочить».

Урод слушал эти разглагольствования отрешенно: свою дальнейшую армейскую судьбу – каптершка в роте Ишова, до самого дня «дембеля», – он давно знал. Да и какой там из него был бы младший специалист, если половину времени обучения он ремонтировал казарму и лежал в госпитале и санчасти, а всю вторую половину «пролетал» из наряда в наряд.

Восьмигранное зеркальце детдомовец давно выбросил в туалет, а в бытовую комнату, где кругом висели большие настенные зеркала, старался заходить как можно реже, и если уж заходил – поглядиться там или подшутиться, – то на лицо свое совсем не глядел и радовался, что изуродованные щеки пока не знают бритвы. Но если подобным образом Урод и обманывал себя, то скрыться от взглядов сослуживцев он никак не мог.

...В тот вечер накануне последнего солдатского экзамена Ишов вновь заткнул Рязанцева в наряд по роте. Сам же допоздна засиделся в канцелярии: зашился с бумагами. И перед вечерней поверкой вышел в холл казармы, лелея тайную мысль: «оторваться» на ком-то из подчиненных, чтобы вновь поднакопить растраченную за день энергию. Скажи кто майору, что он – грязный энергетический вампир, тот бы очень удивился. Сарказм судьбы: на глаза ротному первым попался именно рядовой Рязанцев, убравшийся в бытовую комнату. Урод и в зеркало-то вовсе не смотрел, но протирал полировку его рамы. Протирал-протирал да и остановился на минутку передохнуть, и как раз в эту минутку в бытовую заглянул Ишов. Гневу ротного не было предела.

– Ты! Урод хренов! – завопил майор. – Ты, сука, долго еще будешь морду свою по зеркалам изучать? Что, служба, блин, медом кажется, от безделья исстрадался? Или, может, жениться в роте вздумал – дом, дети, в казарме угол отдельный отгородить? Живо, скотина ленивая, тряпку в руки! – помолчал, наблюдая, как детдомовец трудится, протирая полировку, и добавил, со смаком: – Урод!

– Не-е... Это вы сами меня таким сделали, – звеняше тихо произнес Рязанцев, застыв с тряпкой в руке, и Ишов вдруг разглядел, с какой лютой, неугасимой ненавистью через зеркало смотрят на него из изуродованных глазных ниш блестящие глаза солдата. Безобразное лицо его побагровело, а глубокий, идущий через переносицу шрам побелел. От двери майор даже усмотрел, с какой страшной силой сжала влажную тряпку большая ладонь рядового: на пол часто закапала вода.

– Ладно-ладно, – пошел ротный на попятную, вспомнив обещание комполка в отношении «крестника»: кто его разберет, полковника, а вдруг перерешит да и отдаст прокуратуре на растерзание, – тебе же по-русски разъяснили: без умысла все получилось, нечаянно... – и осторожно притворил дверь в бытовую комнату.

Офицер-холерик не мог знать, что именно в тот момент, когда Рязанцев услышал из уст виновника его трагедии смачное оскорбление, в сознании солдата мелькнула мысль о суициде. Но как только детдомовец на мгновение представил себя висющим с высунутым языком в петле под потолком туалета, солдата передернуло, и он подумал: «Не-е... Почему я?»

...Через полчаса, сразу после окончания вечерней поверки, Урод постучался в дверь канцелярии роты.

– Какого еще? – недовольно отозвался уже было собиравшийся домой Ишов.

Обезображенный солдат вошел и молча прикрыл за собой дверь.

– В чем дело? – нахмурился ротный: визит Урода его подспудно обеспокоил. – Не видишь, я занят!

– У нас в детдоме говорили, – разлепил губы Рязанцев, не спеша приближаясь к Ишову, – говорили, товарищ майор... – И вдруг выхватил из ножен на пояском ремне штык-нож, обязательный атрибут дневального по роте, и резко ударил офицера в грудь, метаясь в сердце. Под треск разрываемых тканей Урод закончил фразу: – За нечаянно быют отчаянно!

– Да, я хотел убить ротного, – сразу сознался детдомовец на допросе у уже знакомого следователя военной прокуратуры. – Не-е, не раскаиваюсь. Наоборот, жаль, что не убил. А за что – сами знаете...

...Когда Урод замахнулся штык-ножом, Ишов стоял возле своего рабочего стола и частично сумел среагировать, уклонившись от удара. Холодное оружие вначале скользнуло по кости, но затем глубоко воткнулось наискосок и вниз, посреди груди. Офицер упал на колени и истерично завизжал. Нет, в канцелярию не сунулась ни одна живая душа: мало ли что взбрело в голову полоумному начальнику! Собственные нервные клеточки дороже.

Урод отпустил рукоятку штык-ножа, за которую тут же ухватился коленопреклоненный майор, сияющий вытащить клинок из собственного тела. Солдат помолчал, наблюдая за офицером, и повторил, со вкусом выговорив слово:

– Отчаянно!

...И судил рядового Рязанцева военный суд за попытку умышленного убийства через подготовку к нему. И получил детдомовец от щедрот военных юристов семь лет лишения свободы.

– За нечаянно – быют отчаянно! Семь лет! Ну и дурак! – усмехался выписавшийся из госпиталя майор Ишов в кабинете комбата. Но тот радости лучшего ученика и подчиненного отнюдь не разделял.

– Считаешь, дешево отделался, да? Все ранением своим решил? Рано в литавры бьешь: ты еще этого фрукта увидишь. Мыслью, он и через семь лет тебя достанет. Хотя...

– Да ну, ерунда, – отмахнулся Ишов. – Тоже мне, Монте-Кристо из него делаете.

– Это ты ситуацию сам до пиковой довел, – возразил комбат. – А мы еще и помогли. Думать надо было...

– Поэт сказал про армию: «Не надо думать, с нами тот, кто все за нас решит», – попытался свести разговор к шутке Ишов.

– Вот уж в корне не согласен, – пожал плечами комбат.

– Ладно, чего уж теперь, – вздохнул ротный, – раз оно случилось. Но я так рассчитываю, что уродская проблема ныне окончательно закрыта...

Но... Прошли-пролетели семь лет, и вот, в день рождения, ставший к тому времени комбатом подполковник Ишов получил на свое имя толстый почтовый конверт без обратного адреса с надписью по краю, сбоку: «Осторожно, фото!»

Разодрав конверт, офицер вынул из него прекрасного качества цветной портретный снимок, наклеенный на плотный картон. Перед Ишовым предстало изуродованное лицо бывшего подчиненного. Минувшие годы сделали свое, и шрамы уже не столь явно выделялись на зажившей коже. Впрочем, глазные ниши так и остались деформированными.

Подполковник долго вглядывался в безобразно-отталкивающие черты. Рядовой из прошлого отвечал немym укором.

Внезапно Ишов яростно вскочил с кресла и, матерясь, стал рвать фотопортрет в клочья; прочный картон отчаянно сопротивлялся. На остатках снимка комбат истерично сплясал, выделявая хромовыми сапогами неуклюжие па. Настроение было испорчено самым мерзопакостнейшим образом.

...С тех пор каждый год, и именно в день своего рождения, Ишов вновь и вновь получает конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, что именно окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берет верх. И вот уже бывший ротный долго всматривается в заунывные черты, обезображенные химическим ожогом. Затем фотопортрет традиционно уничтожается.

Что ж, и в нынешнем году на личный праздник подполковник опять получил все тот же «подарок». Мрачно поглядев на знаковый конверт, Ишов приказал вызванному для «отеческой» беседы ротному выйти из кабинета и извлек из упаковки очередной фотопортрет. Показалось или нет, что глазные ниши изуродованного лица стали менее деформированными?... А-а, какая, по большому счету, разница?!

И комбат методично изодрал снимок в клочья, смахнув их в мусорное ведро. Потом вновь потребовал подчиненного в кабинет, и через несколько секунд из-за его дверей послышались знакомые «воспитательные» крики:

– Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь!

философия искусства

ГРАНИ ТВОРЧЕСТВА

Современный эфирный художник, художник-постановщик на телевидении... Из чего складывается эта профессия, каковы ее составляющие и как достичь результата – ошутимого телевизионного и художественного обаяния образов? Аспекты творчества телехудожника, мастера создания эфирных образов, так называемой 11 музы, надолго остающихся в памяти зрительской аудитории, сегодня изучают искусствоведы, психологи, филологи и социологи, информация о телевизионных ведущих, тележурналистах, телережиссерах, телеоператорах имеет достаточно значительный объем.

Но – парадоксально – работа телевизионных художников – их называют художники-постановщики – имеющих, по сравнению с традиционными художниками, огромную аудиторию, освещается относительно мало. Один из немногих и первых исследователей творчества телевизионных (эфирных) художников Ригард Левин отмечает, что эта новая специальность, в которой складываются свои, профессиональные подходы к созданию самого главного – художественного образа передачи, – определяющего ее успех у зрителя. Авторство художника в создании телепередач бесспорно, а профессия сложна и многокомпонентна. В этом плане весьма ценен опыт одного из интереснейших художников-постановщиков Узбекского телевидения – Наталья Равинской.

В работе телевизионного художника немаловажную роль играет знание строительной геометрии. Именно этими знаниями, полученными в Архитектурном институте, подкрепленными опытом преподавания рисования по новым методикам и создания масштабных строительных проектов, обладает один из самых востребованных сегодня художников-постановщиков Наталья Равинская. Творческий процесс, художественное авторское решение оформления телевизионной передачи начинается с изучения плана размещения декораций в студии (особым павильоне, или местности, где будет происходить телевизионное действие). Художественную сторону телепередачи, образ, исходя из темы литературного сценария, будет создавать эфирный художник. Его творчество тесно связано с работой сценариста, режиссера, оператора-постановщика, мастеров по установке света в студии, производителей декораций, костюмеров, гримеров. Вся эта многогранная деятельность, воссоздающая облик телевизионной передачи, синтезируется художником-постановщиком. Он использует современные возможности телевизионной камеры, камерных линз и фильтров, режимов освещенности в зависимости от перемещения и расположения актеров, участников передачи и ведущих.

Огромный перечень художественных решений, специальных знаний, умений и навыков, которые накладываются на особенности личности художника, воссоздают образ передачи. Корни любой творческой профессии, а такой сложной как художник на телевидении в особенности, зачастую уходят в детство. На оригинальное восприятие мира, которым обладает Наталья Равинская, повлияло многое – богатство и красота духовного мира матери, рисунки брата, авторитет отца – уникального специалиста-краснодеревщика Аркадия Ильченко (его мебель из красного дерева – самобытные произведения мебельного искусства – окружает художницу и сегодня). Во многом именно они повлияли на желание

**Наталья
ХАШИМОВА**

Родилась в 1950 г.

Театровед, окончила Ташкентский театрально-художественный институт им. М. Уйгура. Сценарист и режиссёр документальных программ на радио и телевидении.

создавать собственные предметные образы, воплощать их в ярких цветовых решениях, украшать жизнь. Существенно дополнили процесс творческого становления художника любовь и знание литературы, знание узбекского языка и узбекской культуры, стремление к познанию обычаев и традиций народа и своеобразие узбекского искусства, желание трансформировать свои познания и восприятие в особом, выразительном языке художественных образов. «Мир яркой, пластичен, прекрасен в своей изменчивости, и я хочу, чтобы люди увидели его именно таким» – это одна из творческих установок, которой следует художница. И для зрителей созданных ею телевизионных программ мир предстает именно таким – наполненным энергией цвета, света, перспективой пространства, движения, где акцентируется самое главное в судьбах и профессиях, событиях, праздничных действиях. Энергичная, подвижная, как ртуть, своеобразная и в поведении, и в стиле одежды, и во взглядах на жизнь, истинный оригинальный профессионал, Наталья Равинская создает осязаемые, объемные образы, которые выходят в эфир и не растворяются в нем, не забываются, а продолжают еще долго существовать в памяти зрителя, обсуждаться, вспоминаться... Именно так срабатывают ее авторские декорации к праздничным представлениям (Новогодние постановочные программы, «8 март базми», «Наврўз базми»), концертам («Мумтоз наволар», «Янги йил оркестр», «НавкIRON наволар»), деловым («Нуктаи назар», «Пахта»), информационным («Уйла иза топ», «Саховат»), воспитательным («Ватанпарвар», «Бекат»), развлекательным («Имкон шоу», муз. фильм «Диккат, Томошаев») и доверительным («Стать ближе», «Узингни намона кил») передачам и беседам в студии. Задача высветить идею, главное, дать лучшее, образное доминирует во всех ее художественных решениях. И циклы авторских декораций, и виртуальные решения, когда работают свет и пространство, и компьютерная интерпретация, и костюмы, и многое другое поставлено на службу авторскому замыслу.

Оформление к каждой передаче своеобразно, поэтому у каждой – собственное лицо, образ, свои подходы к оформлению студийного пространства, к использованию реквизита, оригинальные тональные решения, знание и понимание главной идеи передачи, событий, определение задач и роли каждого участника и создателя передачи и всей творческой бригады в целом. Результат также обуславливается владением техникой телевизионного искусства, стремлением экспериментировать, использованием постоянно приходящих в телевизионное искусство новых технологий: возможность корректировать детали оформления, воспроизводить цветовую гамму и целый ряд других инноваций. Художница ведет постоянный поиск новых материалов для декораций. Изучает возможности создания объемных сцен, пробует разные режимы освещения, разнообразие цветовых гамм. Работа ведется на студийных площадках, где устанавливаются разнообразнейшие декорации, создающие фоновые решения. Примером удачных фоновых решений стала одна из самых любимых художницей работ – оформление шоу «Бабурхонли». Именно здесь сложились целые варианты экспериментальных световых обработок и новых идей, воплощенных художницей. Это результат ее видения поэзии Бабур, понимания его размышлений о жизни и любви. Старинные образы в компьютерной интерпретации в сочетании с цветовыми инновациями создали оригинальный образ сияющей старинной песни, воплощенной в колорите и широком звучании голоса народного артиста Узбекистана Озодбека Назарбекова. Это телешоу стало поистине общенародным, отразило новый взгляд на фольклор, явилось творческим симбиозом певца и художника.

Творческий диапазон, потенциал телевизионного художника Н. Равинской необычайно широк: она расширяет ткани и делает вставки к передачам в стиле батик, создает цикл городских картин, авторские декорации не только к телевизионным передачам, но и к телевизионным и художественным фильмам, участвует в создании телемостов, готовится к выставке собственных картин, которую удачно дополняют эскизы к самым ее значимым телевизионным работам.

Наталья Равинская считает, что ей необычайно повезло с коллективом, поддерживающим все ее начинания: особое видение мира, телевизионное мышление и его воплощение в зрительных образах. Наверняка многие удачи телевизионного художника Натальи Равинской еще впереди.

О времена. Гвардин Алексей

А ты всё печёшь, дорогая. Гвардин Алексей

Цикл Эмоции. Кальян. Гвардин Алексей

В свободную продажу журнал
не поступает, распространяется по подписке.
В розницу журнал можно приобрести только в редакции.